

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
ОСЕНЬ 2014 (12)

Казань: Издательство Казанский Издательский Дом: 106 с., 2014.

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-53079 от 07 марта 2013г., и ПИ №ФС77-39603 от 26 апреля 2010г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kazanvestnik.ru

Редакционный совет

Р.Г. Минзарилов (главный редактор) – д.соц.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.081.16

Н.Г. Багаудинова – д.экон.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.29

А.Г. Большаков – д.полит.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.081.06

К.Р. Галиуллин – д.филол.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.081.05

О.И. Зазнаев – д.ю.н., профессор,
заместитель председателя диссертационного совета Д 212.081.06

А.М. Калимуллин – д.и.н., профессор

В.Д. Козлов – д.экон.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.166.14

З.Г. Нигматов – д.и.н., профессор

Л.М. Попов – д.психол.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.22

З.Ф. Сафин – д.ю.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.26

Е.А. Чеглинцев – д.и.н., профессор

М.Д. Щелкунов – д.филос.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.16

Ю.А. Королев – к.экон.н.

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Gabriel Douglas Donleavy – PhD Accounting, Professor at the University of Western Sydney (Australia)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Evert van der Zverde – Professor of political philosophy at Radboud University Nijmegen (Netherlands)

Редакционная коллегия

Б.С. Алишев – д.псих.н., профессор, член диссертационного совета Д212.081.22; **Р.Р. Амирова** – к.ю.н., доцент; **Е.Я. Балашова** – к.экон.н., доцент; **О.Л. Габелко** – д.и.н., доцент, член диссертационного совета Д212.081.01; **Е.А. Горобец** – к.филол.н.; **А.Н. Ершов** – д.соц.н., профессор, член диссертационного совета Д212.083.03; **Г.Н. Каримуллина** – к.филол.н.; **Р.Г. Каспина** – д.экон.н., профессор, член межрегионального диссертационного совета ДМ212.083.02; **Г.И. Курдюков** – д.ю.н., профессор, председатель межрегионального диссертационного совета ДМ212.081.26; **А.Н. Макаров** – д.экон.н., профессор; **Г.В. Морозова** – д.экон.н., профессор, член докторского совета Д212.081.25, член диссертационного совета ДМ212.080.09; **Н.Г. Нугаева** – к.ю.н., доцент; **А.О. Прохоров** – д.псих.н., профессор, член диссертационного совета Д212.081.22; **Г.К. Сайкина** – д.филос.н., доцент; **М.Л. Тузов** – к.филос.н., доцент; **Р.А. Циунчук** – д.и.н., профессор; **Т.М. Шатунова** – д.филос.н., профессор, член диссертационного совета Д.212.081.16.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдулганиев Ф.С. Анализ состояния и перспектив развития экономического пространства в соответствии с принципами таксономической концепции.....	4
Аверьянов Б.А. Разработка и реализация патерналистской стратегии развития промышленного комплекса в современной российской экономике.....	13
Галиева Г.Т. Конкурентоспособность предпринимательской структуры в премиальном сегменте инновационной сферы.....	21
Гибадуллина М.Р., Силаева З.В. Теоретико-методологические основы исследования понятия «религиозная напряженность».....	32
Гумеров А.В. Совершенствование стратегического управления предпринимательскими структурами на основе применения адаптированного инструментария менеджмента качества.....	35
Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни средствами массовой коммуникации в дискурсивных контекстах.....	40
Сайкина Г.К. Метафизика человека как предельное основание социального.....	48
Сидоров В.В. Партийные коалиции в парламентской системе: формирование и функционирование.....	67
Снарская Е.В. Трансформирующаяся повседневность как предпосылка индивидуализации человека масс.....	74
Хазиева Н.О. Теоретико-методологическая реконструкция феномена виртуального и Личность как продукт взаимодействия виртуального и актуального социальных миров.....	84
Харисова Г.М. Методические аспекты оценки и механизмы управления инфраструктурным комплексом в континууме регионального экономического пространства.....	92
ОБЪЯВЛЕНИЯ О ПРЕДСТОЯЩИХ ЗАЩИТАХ ДИССЕРТАЦИЙ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....	101
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ.....	104

CONTENTS

Abdoulganiev F.S. Analysis of the condition and prospects of development of economic space in accordance with the principles of the taxonomic concepts.....	4
Averyanov B.A. Development and realization of paternalistic development strategy of the industrial complex in the modern Russian economy.....	13
Galieva G.T. The competitiveness of the business fabric in innovative sphere premium segment.....	21
Gibadullina M.R., Silaeva Z.V. Theoretical and methodological bases of research the concept of «religious tensions».....	32
Gumerov A.V. Improving the strategic management of business entities on the basis of the application of the adapted quality management tools.....	35
Saveleva Z.V. Constructing the social problems of health and disease by means of mass media in practical contexts.....	40
Saykina G.K. Metaphysics as the limit of the social base.....	48
Sidorov V.V. Coalitions in the parliamentary system: formation and operation.....	67
Snarskaya E.V. Transformed daily as a premise of individualization of human masses.....	74
Khazieva N.O. The theoretical-methodological reconstruction of virtual and Identity as a product of the interaction of virtual and actual social worlds.....	84
Kharisova G.M. Methodical aspects of assessment and management mechanisms the infrastructure set in the continuum of the regional economic space.....	92
ANNOUNCEMENT OF FORTHCOMING DEFENCES OF DOCTOR'S THESIS IN THE KAZAN FEDERAL UNIVERSITY.....	101
THE ARTICLE SUBMISSION.....	104

Абдулганиев Ф.С., к.э.н.

kazan2013@kazan2013.com

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СООТВЕТСТВИИ С ПРИНЦИПАМИ ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация: В статье обоснованы ключевые тенденции развития российских регионов в условиях перехода к постиндустриальному укладу с использованием кластерного подхода, построена модель прогнозирования инновационного рейтинга региона с использованием предложенной системы показателей.

Ключевые слова: таксономическая концепция, постиндустриальный уклад, экономика России, инновационный рейтинг региона, государственное регулирование экономики.

Реализация эволюционного подхода к исследованию социально-экономических процессов и явлений позволила сделать вывод о том, что становление многополюсного экономического пространства приводит к формированию на базе постиндустриального хозяйственного множества моделей общественного развития. Необходимым условием реализации данных моделей выступают наличие факторов производства, характеризующихся высоким уровнем насыщения знаниями и информацией. Достаточным условием является изменение человека, который становится носителем интеллектуально-креативных ресурсов, играющих ключевую роль в обеспечении экономического роста. Особенностью перехода к постиндустриальному хозяйственному укладу выступает его анклавный и фрагментарный характер, который проявляется в сохранении и параллельном развитии пространственных образований и таксонов, характеризующихся различиями в составе доминирующих факторов экономического роста. Тем самым, реализуется модель развития, которая не была присуща для трансформационных процессов при переходе от доиндустриального к индустриальному хозяйственному укладу. Таксоны и их интеграционные образования, характеризующиеся

признаками постиндустриального уклада, нейтральны по отношению к другим таксономическим единицам, то есть не выполняют роли экзогенного фактора трансформационных процессов и не могут рассматриваться как условие преодоления поляризации экономического пространства.

Наличие в едином экономическом пространстве различающихся по составу ключевых факторов производства и источников развития таксономических единиц в российской экономике принимает форму сосуществования регионов и субрегиональных образований, реализующих модели индустриализации, неоиндустриализации или постиндустриализации. Модель индустриализации основана на накоплении и ограничении текущего потребления при неизменном качестве человеческого капитала и действии закона убывающей отдачи традиционных факторов производства, реализуется в регионах, которые согласно официальным статистическим данным в 2012-2013 гг., характеризуются самыми низкими среди субъектов Федерации показателями эффективности использования ресурсного потенциала, состояния бюджетной и социальной сфер. Модель постиндустриализации основана на использовании информационно насыщенных факторов производства и действии закона растущей отдачи, что обуславливает возможность роста доступного для потребления продукта при увеличении объема дополнительных инвестиций и повышении качества человеческого капитала. Тем самым, экономический рост не может быть объяснен с использованием положений неоклассических теорий и «золотого правила экономики». Подобная модель развития может быть реализована в регионах, обладающие потенциалом диверсификации экономики и комплексного развития традиционных и высокотехнологичных отраслей. В то же время значительный удельный вес среди российских регионов занимают субъекты Федерации, которые определяются как старопромышленные и характеризуются сохранением индустриальной структуры видов экономической деятельности, но различаются по содержанию ресурсного потенциала, а именно: регионы, обладающие потенциалом неоиндустриализации отраслевого ядра экономики; регионы, обладающие потенциалом включения сферы услуг в отраслевое ядро экономики; регионы, обладающие потенциалом роста в рамках отраслевого ядра при выполнении сферой услуг обеспечивающей функции и функции трансферта стандартных технологий; регионы, с потенциалом развития сферы традиционных услуг (туристско-рекреационного комплекса); регионы, нуждающиеся в прямом государственном регулировании рынка труда, прежде всего, в монофункциональных территориях (моногородах), социальной поддержке населения с целью обеспечения минимального стандарта качества жизни. Для данной группы регионов характерно наличие «инновационного следа», что определяет предпочтительность модели неоиндустриализации, адаптированной к особенностям их ресурсного и пространственного потенциала.

Корреляционный анализ статистической информации, характеризующей социально-экономическое развитие Приволжского и Центрального федеральных округов (ПФО и ЦФО) (совокупная выборка включала 32 региона, имеющих различный уровень развития), показал наличие взаимной зависимости ряда показателей (таблица 1), что является косвенным подтверждением представленной гипотезы о таксономической природе экономического пространства в современных условиях.

В условиях перехода к постиндустриальному укладу наблюдается значимая зависимость между численностью населения и уровнем средних доходов, что подтверждает полученные на основе качественного анализа выводы об улучшении показателей социально-экономического развития территорий при повышении плотности ее заселения. В ходе анализа была выявлена статистически значимая корреляция уровня безработицы и численности населения (выявленная зависимость является обратной, то есть повышение численности населения обуславливает снижение уровня безработицы), а также коэффициента прироста (убыли) населения и просроченной задолженности по заработной плате, что также свидетельствует о формировании плотно заселенных точек роста в условиях перехода к постиндустриальному укладу. Проведенное исследование выявило наличие значительной зависимости уровня инновационного развития

региона, имеющего ключевое значение для перехода региона к постиндустриальному укладу, от трех параметров: численности населения (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,518, значим на уровне 0,01; взаимосвязь данного показателя с инновационным рейтингом представлена на рис. 1), коэффициента прибыли (убыли) населения в регионе (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,403, значим на уровне 0,05), средних доходов на душу населения (коэффициент корреляции Пирсона равен -0,556, значим на уровне 0,01) и наличия просроченной задолженности по заработной плате (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,416, значим на уровне 0,05).

Таблица 1

Корреляционный анализ показателей, характеризующих социально-экономическое развитие российских регионов ПФО и ЦФО

Показатель	Численность населения	Индекс физического объема ВРП	Коэффициент прибыли (убыли) населения	Средние доходы на душу населения	Просроченная задолженность	Уровень безработицы	Индекс пром. производства
Численность населения	1	-,045	,403*	,920**	,596**	-,426*	-,165
Индекс физического объема ВРП	-,045	1	,182	-,065	,019	-,083	,367*
Коэффициент прибыли (убыли) населения	,403*	,182	1	,310	,412*	-,206	,218
Средние доходы на душу населения	,920**	-,065	,310	1	,645**	-,385*	-,210
Просроченная задолженность по заработной плате	,596**	,019	,412*	,645**	1	-,204	,009
Уровень безработицы	-,426*	-,083	-,206	-,385*	-,204	1	-,172
Индекс промышленного производства	-,165	,367*	,218	-,210	,009	-,172	1

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
 **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

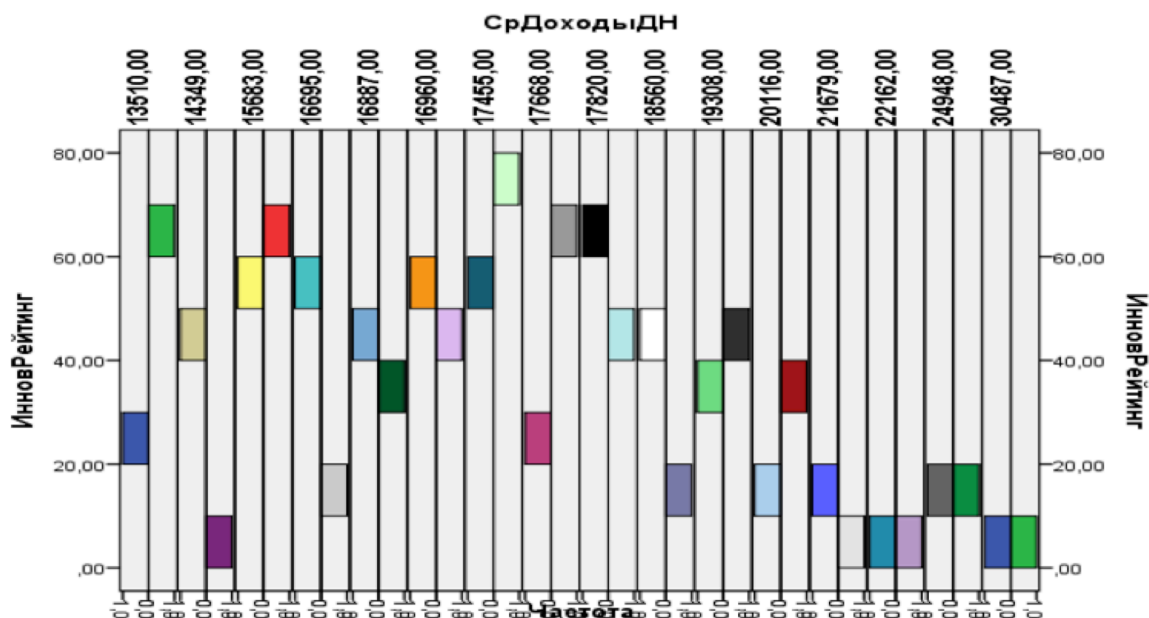

Рис. 1. Взаимосвязь средних доходов на душу населения и инновационного рейтинга региона (Инновационный рейтинг оценивается по шкале 1-83 для регионов России, 1 – самый высокий, 83 – самый низкий.)

Однако последний параметр необходимо исключить из числа значимых по результатам анализа коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и Кендалла. Таким образом, уровень инновационной активности тем выше, чем выше плотность населения региона, что также подтверждает сформулированную гипотезу.

Полученные результаты сформировали основу для проведения кластерного анализа развития регионов в условиях перехода к информационному хозяйственному укладу, что позволило выделить 6 основных кластеров, ключевые характеристики которых представлены в таблице 2.

Таблица 2

Конечные центры кластеров по параметрам социально-экономического развития регионов ПФО и ЦФО, 2010-2013 гг.

Показатель	Кластер					
	1	2	3	4	5	6
Площадь, тыс. кв. м.	1,10	55,77	38,74	93,87	50,78	45,80
Численность, тыс. чел.	12111,20	2231,25	1205,10	3223,27	1266,61	7129,20
Индекс физического объема ВРП, %	103,00	106,88	106,80	106,36	104,46	104,80
Коэффициент прибыли (убыли) населения, на 1000 чел.	,50	-3,62	-2,50	,37	-4,60	-2,50
Средние доходы на душу населения, руб.	42535,00	21100,33	14360,20	24900,67	17557,75	30487,00
Просроченная задолженность по заработной плате, млн. руб.	112,80	35,59	13,67	82,84	23,74	58,40
Уровень безработицы, %	,40	,79	,85	,99	1,01	,50
Индекс промышленного производства, %	100,50	105,57	106,74	102,37	102,75	94,50
Инновационный рейтинг	1,00	18,00	38,00	9,83	45,53	8,00
Число регионов в кластере	1	6	5	3	16	1

Анализ результатов проведенного исследования, отраженных в таблице 2, показывает, что распределение регионов по кластерам является неравномерным и определяется особенностями социально-экономического и пространственного развития. Это позволяет выделить следующие кластеры в условиях перехода российской экономики к постиндустриальному укладу.

I кластер – столичная агломерация. В данный кластер входит только г.Москва, отличительными характеристиками которого являются высокий уровень инновационности (1 место в рейтинге), высокая плотность населения и уровень его среднедушевых доходов, положительный коэффициент прибыли (убыли) населения при низком уровне безработицы.

II кластер – развитые регионы с потенциалом промышленного роста. В данный кластер входят Республика Башкортостан, Нижегородская область, Белгородская область, Воронежская область, Калужская область, Липецкая область; отличительными характеристиками данного кластера выступают: относительно высокий уровень инновационности, высокие индексы физического объема ВРП и промышленного производства, возникающие на фоне убыли населения и среднего уровня среднедушевых доходов.

III кластер – развивающиеся регионы с потенциалом роста. В данный кластер входят Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Саратовская область и Орловская область; отличительными характеристиками данного кластера выступают: средний уровень инновационной активности, возникающий на фоне высоких индексов физического объема ВРП и промышленного производства при относительно низкой численности населения и низком уровне среднедушевых доходов.

IV кластер – развитые регионы с потенциалом информационного роста. К данному кластеру относятся Республика Татарстан, Пермский край и Самарская область; отличительными характеристиками данного кластера выступают: высокий уровень инновационной активности при среднем уровне индексов физического объема ВРП и промышленного производства, возникающих на фоне прибыли населения при уже имеющейся его высокой плотности и уровне среднедушевых доходов выше среднего.

V кластер - медленно развивающиеся регионы с потенциалом роста. Данный кластер является самым многочисленным и включает Удмуртскую Республику, Кировскую, Оренбургскую, Пензенскую, Ульяновскую, Брянскую, Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Курскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую области; отличительными характеристиками данного кластера выступают: относительно низкий уровень инновационной активности, сопровождающийся невысокими индексами физического объема ВРП и промышленного производства при относительно высокой безработице и убыли населения.

VI кластер – спутник столичной агломерации. В данный кластер входит только Московская область, отличительными характеристиками данного кластера выступают: достаточно высокая численность населения, обладающего высокими среднедушевыми доходами, возникающими на фоне высокой инновационной активности при снижении темпов промышленного производства и убыли населения.

Таким образом, при формировании региональной политики в соответствии с принципами таксономической концепции в условиях перехода к постиндустриальному укладу в первую очередь необходимо учитывать подготовленность региона к использованию информационного потенциала. При этом, как показал поведенный кластерный анализ, только незначительная часть регионов Приволжского и Центрального федеральных округов (5 из 32) склонны к использованию именно данного типа потенциала, тогда как приоритетом для остальных остается политика экстенсивного развития.

Проведенный в рамках исследования корреляционный анализ показал, что наиболее значимыми факторами, определяющими состояние инновационной активности региона и характеризующимися инновационным рейтингом, являются средние доходы на душу населения, численность населения и коэффициент прибыли (убыли) населения. Зависимость инновационной активности и среднедушевых доходов представлена на рисунке 1, зависимость инновационного рейтинга от двух других указанных параметров представлена на рисунках 2 и 3.

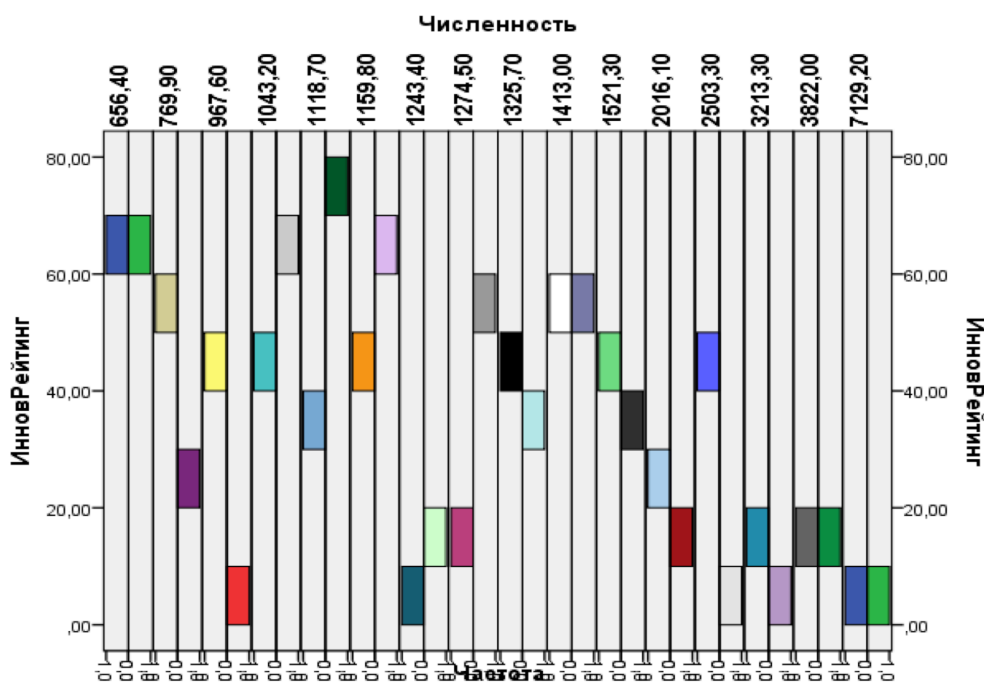

Рис. 2. Зависимость инновационного рейтинга от численности населения региона

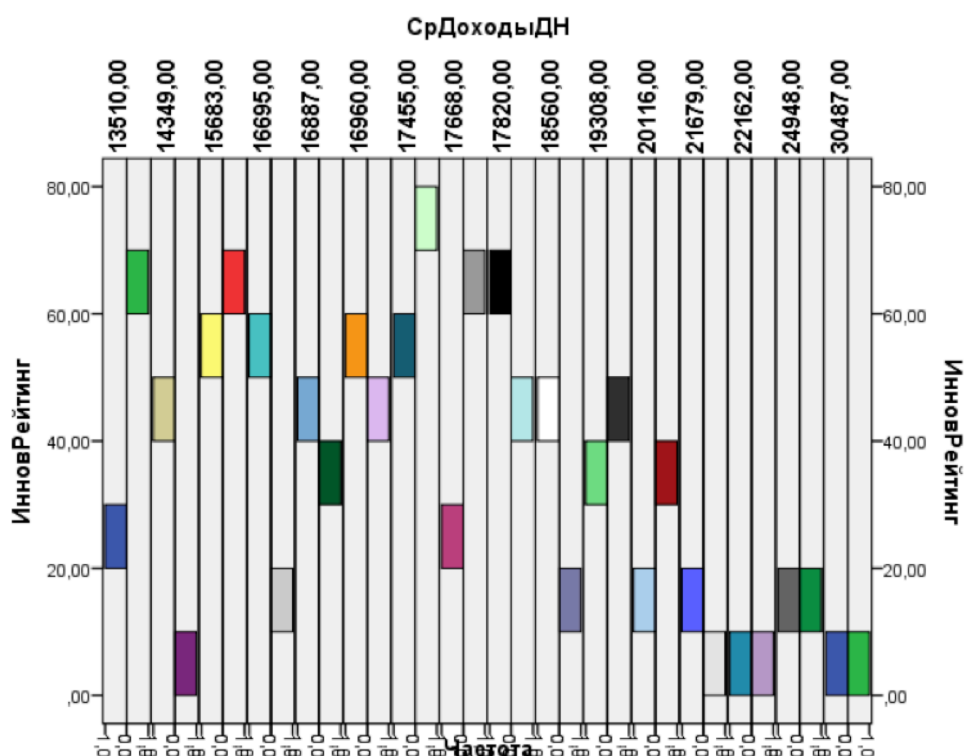

Рис. 3. Зависимость инновационного рейтинга от численности населения региона

Приведенные на диаграммах данные подтверждают наличие взаимной зависимости инновационного рейтинга и средних доходов на душу населения, численности населения и коэффициента прибыли (убыли) населения. Однако регрессионная модель, построенная только с использованием трех указанных факторов, имеет достаточно низкий уровень достоверности (коэффициент детерминации R^2 составляет 0,372). В связи с этим в целях прогнозирования была построена модель, учитывающая все факторы, использованные для проведения кластеризации регионов, а также фактор уровня узнаваемости бренд-капитала территории (оценивался экспертами по десятибалльной шкале, 1 – бренд не узнаваем за пределами региона, 10 – бренд известен в глобальном экономическом пространстве). Полученная модель может рассматриваться как достоверная (R^2 составляет 0,523, F-критерий – 2,679). Ее основные параметры представлены в таблице 3.

Таблица 3

Коэффициенты модели линейной регрессии, характеризующей инновационный рейтинг региона

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты Бета	t	Значимость
		B	Стандартная ошибка			
Регрессия	Константа	301,047	138,257		2,177	,040
	Площадь	-,088	,120	-,146	-,730	,473
	Численность	,003	,004	,337	,814	,424
	Индекс физического объема ВРП	-1,819	1,283	-,237	-1,418	,170
	Коэффициент прибыли населения	-1,274	1,391	-,173	-,916	,369
	Средние доходы на душу населения	-,002	,002	-,525	-1,214	,238
	Просроченная задолженность по заработной плате	,072	,146	,111	,493	,627
	Уровень безработицы	9,970	16,688	,114	,597	,556
	Индекс промышленного производства	-,262	,729	-,064	-,359	,723
	Бренд	-9,480	4,992	-,456	-1,899	,071

Таким образом, регрессионная модель инновационного рейтинга региона, построенная в соответствии с

таксономической концепцией пространства в условиях перехода к информационному технологическому укладу, может быть формализована следующим образом:

$$Ир = 301,074 - 0,088П + 0,003Ч - 1,819ИФ_{ВРП} - 1,274К_{пн} - 0,002С_{Дан} + 0,072ПЗ_{зп} + 9,97Б - 0,262И_{пп} - 9,48Бр, \quad (1)$$

где Ир – место региона в рейтинге инновационности, $0 \leq Ир < 83$;

П – площадь региона, тыс. м²;

Ч – численность населения региона, тыс. чел.;

ИФ_{ВРП} – индекс физического объема ВРП региона;

К_{пн} – коэффициент прибыли (убыли) населения, доля на 1000 чел.;

С_{Дан} – средние доходы на душу населения в регионе, руб.;

ПЗ_{зп} – суммарная просроченная задолженность по заработной плате в регионе, млн. руб.;

Б – уровень безработицы в регионе, %;

И_{пп} – индекс промышленного производства в регионе;

Бр – уровень узнаваемости бренда региона, балл.

Представленная модель может использоваться для реализации сценарного прогнозирования инновационного развития регионов через параметр рейтинга инновационности, что позволит уточнить целевые показатели поступательной динамики мезоуровневых социально-экономических систем, и, как следствие, повысить качество планирования как на региональном, так и на федеральном уровне в условиях перехода к постиндустриальному укладу.

Трактовка экономического пространства как многомерного образования, представленного совокупностью таксономических единиц, взаимодействия между которыми выступают в качестве источников развития и проводников инновационных сигналов, а также использование эволюционного подхода, основанного на признании множественности вероятных траекторий развития, позволила обосновать теоретико-методический подход к формам и методам государственного воздействия на экономические процессы в условиях становления постиндустриального уклада. Согласно предложенному подходу, состав форм и методов государственного регулирования определяется доминирующим типом хозяйственного уклада, уровнем информационного насыщения факторов производства и ролью пространственного фактора (пространство-комплемент, пространство-субститут, нейтральное в отношении факторов экономического роста пространство). Соотношение представленных факторов позволяет определить содержание импульса экономического развития, который может быть экзогенным или эндогенным по отношению к данной таксономической единице. В качестве допущения данной модели выступает предположение о том, что проводником импульсов экономического развития выступает система взаимодействий между таксонами, инициирующая синергетический эффект. Пространственная рента II рода, формирующаяся вследствие реализации мер государственного воздействия, которое вызывает повышение плотности, частоты и интенсивности взаимодействий, может перераспределяться в пользу федерального или регионального бюджета государства, местных бюджетов или стать источником дополнительного дохода неагрегированных экономических агентов – субъектов предпринимательства и домохозяйств. В качестве количественного показателя полноты учета пространственного фактора при разработке и реализации мер государственного регулирования выступает объем пространственной ренты, а показателем уровня сбалансированного развития макро- и мезоуровней экономического пространства является компенсационный критерий Калдора-Хикса. Взаимосвязь вышеперечисленных факторов, определяющих содержание мер регулирующего воздействия, а также содержания предложенных мер, отражена в таблице 4. Реализация предложенных мероприятий должна обеспечить преодоление пространственной эксклюзии и создать предпосылки для выполнения пространством вмененных ему функций.

Таблица 4

Содержание мер государственного регулирования экономического развития регионов с учетом таксономической структуры пространства

Группа регионов	Функция пространственного фактора	Источник развития	Приоритетные меры государственного регулирования
Регионы, характеризующиеся доминированием постиндустриального уклада	Комплекментарная	Внутренний, синергетический эффект от информатизации факторов поступательного развития, агломерационный эффект	Проектирование институтов развития, обеспечивающих формирование замкнутого инновационного цикла и инкорпорацию элементов постиндустриального уклада во все виды экономической деятельности («функциональная» политика ориентации на инновационный тип развития)
Регионы, обладающие потенциалом неоиндустриализации отраслевого ядра экономики	Комплекментарная	Внутренний, кумулятивный эффект от государственных и частных инвестиционных расходов на неоиндустриализацию базисных видов экономической деятельности	Разработка и реализация промышленной политики, направленной на реструктуризацию предприятий реального сектора в соответствии с мировой практикой научно-промышленной деятельности, ресурсное обеспечение мероприятий на основе использования потенциала финансового сектора («функциональная» политика адаптации к внешней среде)
Регионы, обладающие потенциалом включения сферы услуг в отраслевое ядро экономики с последующей неоиндустриализацией	Комплекментарная, замещающая	Внутренний, кумулятивный эффект от государственных и частных инвестиционных расходов на неоиндустриализацию инфраструктурного комплекса	Федеральные и целевые государственные программы развития инфраструктурного комплекса, проектирование институтов государственно-частного партнерства, создания инфраструктурно-транспортных коридоров («каркасная» политика)
Регионы, обладающие потенциалом роста в рамках отраслевого ядра при выполнении сферой услуг обеспечивающей функции	Комплекментарная, замещающая	Внешний, кумулятивный эффект от государственных и частных инвестиционных расходов на модернизацию традиционных (индустриальных) видов деятельности	Федеральные и целевые государственные программы модернизации базисных индустриальных отраслей экономики на основе трансферта импортных стандартных технологий и инструментов импортозамещения, повышение привлекательности региона для инвесторов-нерезидентов («кластерная» политика, где приоритетными выступают дискретные и процессные кластеры)
Регионы, с потенциалом развития сферы традиционных услуг	Замещающая	Внешний, мультипликационный эффект от государственных и частных инвестиционных расходов на развитие сферы традиционных услуг (сферы образования, историко-культурных объектов, неурбанизированных территорий)	Стимулирование процессов формирования туристско-рекреационного комплекса («кластерная» и «каркасная» политика с отказом от эффекта агломерации в пользу пространственной дезинтеграции и развития полупериферии)
Регионы, нуждающиеся в прямом государственном регулировании социальной сферы	Нейтральная	Внешний, эффект от государственных и расходов в рамках реализации программ и регулирования социальной сферы	Социальное вспомоществование, дотирование и субсидирование, создание предпосылок для самозанятости и развития вынужденного предпринимательства, стратегия расселения (политика предупреждения деградации человеческого капитала и нарушения ментальной памяти пространства)

Применение положений таксономической концепции пространства к трактовке экономических процессов и явлений в условиях становления постиндустриального уклада позволило обосновать многоуровневую модель экономического пространства и подтвердить тезис о множественности траекторий развития, а также сформулировать формы и методы государственного регулирования поступательной динамики с учетом фактора пространственной организации, обоснованность и результативность которых подтверждена проведенными расчетами.

Abdulganiev F.S.

ANALYSIS OF THE CONDITION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC SPACE IN ACCORDANCE WITH THE PRINCIPLES OF THE TAXONOMIC CONCEPTS

The article substantiates the key trends in the development of Russian regions in the context of the transition to a post-industrial way with the use of the cluster approach, the model of forecasting innovation ranking using the proposed system of indicators.

Keywords: taxonomic concept, postindustrial society, Russia's economy, an innovative rating region, government regulation of the economy.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Abdulganiev F.S. The Role of Gender Factors in the Formation of Investment Attractiveness of the Territory/ F.S. Abdulganiev, L.F. Nugumanova, A.Z. Novenkova, N.V. Toropova// Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol 5, No 12 (2014).
2. Абдулганиев Ф.С. Роль муниципально-общественного партнерства в социально-экономическом развитии города / Ф.С.Абдулганиев, Г.А. Сульдина, И.С. Глебова, С.А. Владимирова. Коллективная монография. Казань: Казанск. гос. ун-т, 2008.
3. Абдулганиев Ф.С. Этапы проведения Универсиады 2013 в контексте анализа издержек и выгод государства и частного сектора / Ф.С.Абдулганиев // Казанская наука. 2012. №5.

Аверьянов Б.А., к.э.н.

baaveryanov@kpfu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В статье проанализированы противоречия в содержании новой патерналистской экономики, представлен анализ отношений собственности и институциональной матрицы промышленного комплекса современной российской экономики.

Ключевые слова: промышленный комплекс, российская экономика, патерналистская стратегия развития.

Методологической посылкой государственного регулирования в условиях становления новой патерналистской экономики выступает тезис о потенциальной способности государства обеспечить приближение ограниченной рациональности субъектов к состоянию полной рациональности и преодоление различий между эмпирически наблюдаемым поведением и теоретическим идеалом. Таким образом, основным противоречием модели нового патернализма выступает противоречие между признанием ограниченной рациональности поведения агентов контрактных отношений и трактовкой совершенной рациональности как целевого ориентира мер государственного регулирования. При этом парадигма нового патернализма не предполагает однозначного подхода к порядку реконструирования рациональных предпочтений индивидов. В этой связи в нами сформулирована научная гипотеза, согласно которой рациональными выступают те предпочтения, реализация которых обеспечивает повышение уровня их благосостояния при независимости и индивидуальной ответственности экономических агентов. Подобный теоретико-

методологический подход к трактовке проблемы формирования предпочтений выступает основой для разработки действенной стратегии патерналистских интервенций и определяет границы государственного вмешательства в экономику.

Реализация противоречивых процессов глобализации и регионализации обуславливает автономизацию территориальных образований в составе национального экономического пространства, административные границы которых не всегда совпадают с пространственными границами. При этом граница субнациональных территориальных образований трактуется как разрыв совокупности контрактных отношений вследствие снижения частоты и интенсивности транзакций при движении от центра к периферии, что обуславливает превышение транзакционных издержек над трансформационными в случае заключения контрактов с нерезидентами данной территории. Регионализация экономического пространства обуславливает разновекторность предпочтений и различие в нормативных трактовках целевых ориентиров развития между федеральным центром, субнациональными и субрегиональными образованиями, что усложняет задачу формирования модели рационального выбора как нормативного образца, а, следовательно, выработку универсальных патерналистских стратегий. В этой связи формирование качественно новых форм интеграции (кластеров, особых экономических зон, наукоградов и др.), реализующих институциональные проекты, обуславливает преодоление противоречий между административно-территориальными и пространственно-экономическими границами, создает предпосылки для расширения границ субнациональных экономических пространств и снижения уровня радикальной неопределенности внешней среды.

Расширение субъектного состава агентов контрактных отношений вследствие углубления общественного разделения труда, активизации центробежных и центростремительных тенденций обуславливает усиление противоречий между содержанием нормативной трактовки предпочтений со стороны различных участников контрактных отношений, что создает существенные препятствия для реализации модели государства благосостояния, основанной на признании принципов общественного договора. Глобализация экономического пространства и утверждение его полицентристского устройства обуславливают невозможность практического применения методологии коллективного индивидуализма вследствие поляризации ценностных установок экономических агентов, что, в свою очередь, ведет к автономизации контрактных отношений на основе однородного субъектного состава или территориальной принадлежности. Это проявляется в создании новых государств или административно-территориальных образований вследствие снижения интенсивности и частоты транзакций или разрыва контрактных отношений с участием резидентов, характеризующихся различной территориальной принадлежностью, а также в приобретении относительной самостоятельности сети контрактных отношений с участием субъектов, характеризующихся определенным видом экономической деятельности (отраслевые объединения, ассоциации и союзы). Подобная автономизация контрактных отношений проявляется в нарушении принципов общественного договора, в локализации производства общественных благ (корпоративные университеты, корпоративные и отраслевые негосударственные пенсионные фонды, социально ответственное поведение предпринимательских организаций в отношении населения территории их базирования и стейкхолдеров и др.). В то же время тенденция автономизации противоречит содержанию патерналистских стратегий государства, направленных на расширение инструментария и состава объектов государственного воздействия в рамках единого экономического пространства, активизирующихся в условиях усиления колебаний макроэкономической конъюнктуры.

Противоречивость тенденций развития транзакционных издержек обусловлена атрибутивными свойствами постиндустриальной экономики, а именно: с одной стороны, информатизация и сетевизация экономического пространства, превращение информации в общественное благо снижает издержки

поиска информации, ведения переговоров и заключения контрактов, издержки мониторинга и принуждения, с другой стороны, повышаются издержки на защиту прав собственности, издержки оппортунистического поведения участников сетевых образований. Противоречивый характер динамики транзакционных издержек усиливается в связи с реализацией государством и иными экономическими агентами (корпорациями) мер управляющего воздействия в отношении факторов внешней среды в условиях новой патерналистской экономики, а именно: издержки, с одной стороны, характеризуются снижением вследствие повышения уровня рациональности поведения экономических агентов в результате реализации стратегий патерналистской интервенции, с другой стороны, они растут вследствие реализации нормативного подхода к содержанию государственного регулирования и др.

В условиях турбулентности рыночной экономики формируется потребность экономических агентов в институциональном проектировании, обеспечивающем снижение уровня асимметрии информации. Однако устойчивые институты, возникающие в результате их планирования и проектирования, могут носить самоподдерживающий неэффективный характер, препятствующий поступательному развитию экономических и социальных индикаторов («эффект блокировки»). В качестве необходимого источника неэффективных институтов выступают технико-технологические факторы, обуславливающие изменение технологического уклада, а именно: постиндустриальное общество, характеризующееся реализацией продуктовых, управленческих и технологических инноваций, что определяет высокую неопределенность и стохастичность экономики, а также повышение риска как количественного показателя данной неопределенности. Наряду с технико-технологическими факторами необходимым условием возникновения QWERTY-эффектов выступает наличие множественности когнитивных и поведенческих аномалий. Достаточными условиями возникновения неэффективных институтов на современном этапе развития общества выступают институциональные проекты, реализованные с нарушением принципов институционального планирования, и социальный капитал, трактуемый как совокупность явных и неявных контрактов (социальных взаимодействий). Условиями сохранения самоподдерживающегося института выступают превышение издержек отмены неэффективной нормы над издержками ее функционирования, а также превышение издержек введения новой нормы над издержками сопротивления ей, что может быть обусловлено наличием механизма инфорсmenta контракта, предусматривающего санкции в отношении нарушителей действующей нормы. Указанные условия обеспечивают длительное существование неэффективных институтов государственного регулирования, представленного методами реаллокации ресурсов с целью повышения уровня эффективности их использования и инструментами перераспределения дохода с целью достижения Парето-оптимального состояния (например, распределительная система пенсионного обеспечения и др.). Другим источником институциональных ловушек в обществе благосостояния выступает эффект координации, который заключается в наличии существенного внешнего эффекта следования неэффективной норме со стороны значительной части общества, т.е. зависимости функции полезности или производственных возможностей экономического агента от выбора иных экономических агентов.

Следование неэффективным нормам снижает транзакционные издержки экономических агентов, что в условиях современной российской экономики проявляется в оппортунистическом поведении (одно- или двусторонний оппортунизм, например, оппортунизм бюрократического аппарата и потребителей государственных услуг и др., инициируемый неэффективностью институтов бюджетной системы), в налоговых правонарушениях и налоговых преступлениях, стимулируемых действующими неформальными институтами (общественное мнение) и др. Тем самым, снижается эффективность бюджетно-финансовых методов регулирования экономических процессов, трактуемых с позиции теории общественного благосостояния в качестве приоритетных. Закрепление неэффективной нормы происходит вследствие

реализации эффекта сопряжения, который находит выражение во взаимосвязанности действующих институтов. Так, автономизация контрактных отношений в соответствии с выполнением их агентами однородной экономической деятельности и (или) размещения на единой территории приводит к формированию «ловушки отраслевой специализации» и «ловушки бедности», проявляющиеся в преимущественном развитии образовательных организаций в соответствии с потребностями работодателей в специалистах с определенным набором профессиональных компетенций в условиях низкой мобильности трудовых ресурсов. Это обуславливает сохранение монопрофильных населенных пунктов, характеризующихся низкой диверсификацией сфер занятости населения, значительной зависимостью доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий. Имеющая место культурная инерция, проявляющаяся в длительном сохранении стереотипов, поддерживает длительное время функционирование неэффективного института. Подобный стереотип во взаимодействии в системе «государство – население», трактуемом в соответствии с принципами неoinституционализма как отношение «агент-принципал», проявляется в стремлении принципала сократить объем обязательных платежей и взносов в структуре потребительских расходов при увеличении объема получаемых социальных услуг, что оценивается принципалом как повышение уровня эффективности социальной контрактации. Тем самым формируется устойчивая ориентация населения на получение бюджетных трансфертов, что снижает стимулы к ведению предпринимательской деятельности и стимулы к накоплению и реализации человеческого капитала.

Анализ значительного числа институциональных ловушек позволил выделить в работе ряд неэффективных норм в реальном секторе российской экономики, существование которых обусловлено содержанием системы институционального проектирования, целевые ориентиры которой определены в соответствии с ключевым принципом неоклассической парадигмы, т.е. принципом методологического индивидуализма. Реализация данного принципа привела к формированию ловушки рентоориентированного поведения как устойчивой нормы, препятствующей реализации инновационно ориентированной стратегии развития отдельных субъектов хозяйствования, территориальных образований и государства в целом, сопряженной с относительно более высоким объемом транзакционных издержек; ловушки догоняющего развития и копирования, обусловленной высокими транзакционными издержками создания базисных и системных инноваций, а также неэффективностью институтов защиты прав интеллектуальной собственности; ловушки предпочтения доходов в краткосрочном периоде, которые обусловлены низкой степенью устойчивости формальных институтов, регулирующих предпринимательскую активность и неэффективностью механизма инфорсmenta контрактов; ловушки системы общественных финансов, которые возникают вследствие сложности выявления коллективных предпочтений населения, неэффективности институтов общественного контроля и отсутствия возможности коллективных действий. Выход из институциональной ловушки предполагает необходимость соизмерения издержек отмены и издержек ее функционирования. В случае превышения последних представляется необходимым проектирование нового или трансформируемого института с учетом эффектов координации, сопряжения и культурной инерции, а также с учетом издержек адаптации нового института к институциональной среде и разрушения механизма лоббирования неэффективной нормы. Результативность системы институционального проектирования определяется в соответствии с признанием в качестве целевого ориентира рационального выбора, заключающегося в повышении благосостояния экономических агентов без ограничения их автономии.

Становление новой патерналистской экономики приводит к трансформации отношений собственности как совокупности санкционированных государством или иными экономическими агентами правомочий по поводу активов, характеризующихся абсолютной или относительной ограниченностью. Предпосылкой трансформации отношений собственности выступает становление постиндустриальной экономики, что

привело к изменению содержания объектов правомочий и включение в их состав интеллектуального капитала и результатов интеллектуальной деятельности помимо традиционных факторов производства и результатов их использования, а также трансформированные под влиянием процессов информатизации и интеллектуализации активы. Это, в свою очередь, привело к изменению состава «пучка прав» собственности, а именно: право на «капитальную ценность» вещи, предполагающее право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение актива, не может быть реализовано его субъектом, поскольку трансфер прав собственности в рамках контрактов в отношении результатов интеллектуальной деятельности не предполагает передачу права на отчуждение. Реализация данного права предполагает необходимость формирования специальных институтов, регулирующих авторское и смежные с ними права, что существенно повышает уровень транзакционных издержек реализации правомочий собственности. Изменение состава объектов правомочий собственности и увеличение удельного веса нематериальных активов приводит к изменению территориальной организации контрактных отношений, к выводу части контрактов, выполняющих управленческие, производственные или обеспечивающие (аутсорсинг) функции за пределы внутрифирменных контрактных отношений, что отражается в синергетическом эффекте взаимодействия промышленных предприятий, осуществляющих основные и вспомогательные виды экономической деятельности.

Активизация роли финансового сектора российской экономики и увеличение объема финансового капитала приводит к включению в состав объектов собственности концептуальных объектов - титулов собственности на определенные виды ресурсов и денежный капитал, реализуемых в форме права на доход (дивиденд). При этом в состав подобных концептуальных объектов входят государственные и корпоративные долговые обязательства и ценные бумаги, а также производные от них деривативы и др.

В процессе трансформации отношений собственности изменяется субъектный состав отношений собственности, в который наряду с государством, отдельными индивидами и их объединениями входят интегрированные (вертикально-интегрированные компании, стратегический альянс, фокальная сеть поставок, динамическая фокальная сеть, виртуальная организация, динамическая фокальная сеть, кластерные образования, особые экономические зоны и др.) и территориальные (региональные и субрегиональные) образования, что предопределило необходимость разработки и реализации транзакционно-специфических мер предосторожности, препятствующих оппортунистическому поведению участников отношений собственности при сохранении их автономности. Подобную форму собственности можно определить как частно-публичную или административно-коммерческую. Поскольку экономические агенты выступают одновременно в качестве участников различных по содержанию контрактных отношений, то возникает возможность введения дополнительной типологизации территориальных образований с учетом состава субъектов собственности, доминирующих в составе контрактов, а именно: выделяются регионы, в которых собственники активов, размещенных на данной территории, находятся за пределами реализуемых в ее границах контрактов (аутсайдерская собственность); регионы, в которых собственники активов, размещенных на данной территории, находятся в пределах реализуемых в ее границах контрактов (инсайдерская собственность); регионы со смешанным типом собственности. Выбор типа отношений собственности определяется состоянием институционального контура данного территориального образования. Тем самым, одним из факторов конкурентоспособности интегрированных промышленных предприятий выступает учет особенностей институциональной среды территории размещения, что позволяет определить уровень дифференциации правомочий собственности и порядок их спецификации.

Новая патерналистская экономика, характеризующаяся процессами глобализации, привела к изменению институциональной матрицы отношений собственности за счет включения в ее состав наднациональных и локальных норм (например, норм, направленных на защиту интеллектуальной

собственности и др.), а также за счет «квазиинститутов», характеризующихся несовпадением содержанием и формы. К последним относятся формальные институты, которые регулируют порядок функционирования государственных корпораций, совмещающих принципы корпоративного управления с принципами функционирования государственных структур и ориентированных на реализацию общественных интересов. Неопределенность субъектного состава отношений собственности позволяет ее идентифицировать как негосударственную и рассматривать процесс формирования государственных корпораций в форме скрытой приватизации. Отсутствие четкой определенности субъектного состава отношений собственности обуславливает увеличение объема транзакционных издержек (издержек поиска информации, заключения контрактов и др.), а также приводит к формированию агентского конфликта между государством (принципал) и агентом (топ-менеджмент государственных корпораций), характеризующегося наряду с атрибутивными признаками взаимодействия «агент-принципал» специфическими особенностями, обусловленными неэффективностью механизма инфорсментов контрактов.

Дальнейшее развитие нового патернализма привело к изменению состава доходов как формы реализации правомочий собственности, что проявляется во включении в их состав интеллектуальной, информационной и статусной ренты. При этом объем статусной ренты, рассчитываемой как разность между доходом рентоискателя и средней прибылью предпринимательской организации, как сумма транзакционных издержек экономических агентов, связанных с преодолением административных барьеров, может трактоваться как показатель уровня оппортунизма в поведении контрагентов. Статусная рента государства определяется как прирост расходов бюджета, которые обеспечивают превышение объема общественных благ, над оптимальным его значением. Тем самым, реализация принципов государства благосостояния с необходимостью приводят к формированию рентоориентированного поведения бюрократического аппарата и изменению форм реализации отношений собственности. При этом формами реализации отношений собственности на уровне государства и отдельных субъектов хозяйствования (коммерческих организаций) в равной степени выступают экономический и социальный результаты.

Анализ мер государственного регулирования российской экономики в целом, и промышленного комплекса в частности, и оценка результатов их реализации с позиции предложенного в работе методологического подхода показал, что остается нерешенным комплекс задач, связанных с переходом от ресурсоориентированного к инновационно ориентированному типу развития, с преодолением присущей для индустриального хозяйственного уклада структуры, с формированием эффективных институтов. При этом в качестве причины низкой эффективности мер регулирующего воздействия со стороны государства на состояние экономических процессов выступает наличие когнитивных и поведенческих аномалий, инициирующих формирование институциональных ловушек. В этой связи представляется необходимым реализация методического подхода, основанного на принципах нового патернализма, в соответствии с которым государство должно имплантировать в состав субъективных предпочтений экономических агентов нормативный стандарт. Содержание данного стандарта определяется вектором развития постиндустриальной экономики и основано на отказе от методологического индивидуализма в пользу принципа взаимодополняемости индивидуальной и социальной полезности благ.

Признание несводимости групповых предпочтений к арифметической сумме индивидуальных предпочтений выступает исходной методологической посылкой формирования мер управляющего воздействия государства в отдельных секторах экономики, что позволяет трактовать необходимость включения в состав контрактных отношений адаптаторов, или имплицитных факторов, повышающих уровень адаптивности системы контрактов, а также методов и процедур реализации адаптивной стратегии. Реализации институциональных проектов должен предшествовать процесс формирования адаптаторов, или

экономических агентов, заинтересованных в адаптации системы контрактов к продуктовым и процессным инновациям. Тем самым, повышение уровня адаптируемости экономики к мерам государственного воздействия выступает исходным принципом формирования мер государственного воздействия.

Реализация принципов поведенческой экономики, лежащих в основе нового патерналистского подхода к содержанию экономических процессов, не позволяет сформировать целостную систему государственного регулирования, качественно отличающуюся от мер воздействия в рамках реализации неоклассических рекомендаций и положений теории общественного благосостояния. В то же время методический подход, разработанный в соответствии с положениями нового патернализма, обеспечивает легитимизацию всех мер государственного воздействия, целесообразность применения которых обусловлена факторами объективного и субъективного характера – состоянием хозяйственной конъюнктуры, уровнем эффективности институциональной среды и объемом транзакционных издержек, интересами бюрократического аппарата государства, степенью инновационности субъектов хозяйствования, осуществляющих различные виды экономической деятельности, составом институциональных рисков и др. Так, на посевной фазе инновационного цикла в сфере промышленного производства, которая характеризуется преобладанием продуктовых инноваций, отсутствует необходимость в прямых методах воздействия на экономических агентов, реализующих инновационно ориентированные стратегии развития. Представляются более предпочтительными институциональные проекты, направленные на формирование институтов национальной инновационной системы и встроенных адаптаторов в систему контрактных отношений, стимулирующих инновационную активность экономических агентов. Переход к фазам коммерциализации инноваций, характеризующихся преобладанием управленческих и технологических инноваций, обуславливает необходимость привлечения дополнительных ресурсов, что выступает предпосылкой для активизации государственного вмешательства с использованием мер косвенного воздействия (бюджетно-финансовое и денежно-кредитное регулирование, проектирование института обеспечения доступа к информации, манипуляции с архитектурой выбора через реализацию государственно-частного партнерства и др.). Это, в свою очередь, предполагает необходимость трансформации отношений собственности и создания модели частно-публичной, или административно-коммерческой собственности. Фаза превращения в традиционный продукт предполагает необходимость прямых мер воздействия, реализация которых приведет к пролонгации жизненного цикла товара на основе использования сравнительных преимуществ национальной экономики в мировом хозяйстве. Отказ от мер прямого и косвенного регулирования в пользу методов саморегулирования приведет к завершению инновационного цикла.

Averyanov B.A.

DEVELOPMENT AND REALIZATION OF PATERNALISTIC DEVELOPMENT STRATEGY OF THE INDUSTRIAL COMPLEX IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

The article analyses the contradictions in the content of the new paternalistic economy, presents an analysis of the ownership relations and institutional matrix of the industrial complex of the modern Russian economy.

Keywords: industrial complex, the Russian economy, the paternalistic development strategy.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вир С. Кибернетика и управление производством. М., 1965.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. -Т.2.-М., 1989.
3. Баскин А.И. Управление материальными потоками в современной России / А.И.Баскин, Г.В.Зенкова // Пробл. прогнозирования. 2001. -N4. - С.88-97.
4. Васин Ф.П. О методах учета затрат на производство. // Бухгалтерский учет №7, 2001
5. Ефимова О.В. Анализ безубыточности предприятия. // Бухгалтерский учет №6, 2003
6. Куликова Л.И. Учет основных средств: современная концепция и тенденции развития. Казань: Изд-во КФЭИ, 2000. - 308 с. - Библиогр.: 99 назв.
7. Маркетинг: Методика тарифообразования: Курс лекций/Тверской гос.техн. ун-т. Каф. "Автомобильный транспорт"; /Сост. В.Я.Ильин/.-Тверь, 2002.-36с. б 57937
8. Руднев Ю.А., Саприцкий Э.Б., Оптимизация амортизационной политики предприятия как одно из новых направлений оценочной деятельности. Институт промышленного развития Минэкономики РФ, -М: ИНФРА-М, 2002 80 с.

Галиева Г.Т.

gtgalieva@kpfu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЫ В ПРЕМИАЛЬНОМ СЕКМЕНТЕ ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Аннотация: В статье доказывается необходимость выбора предпринимательскими структурами стратегии популяризации продукции премиального сегмента инновационной сферы на основе приоритетного выбора потребителями метода оценки репутации, представлена система показателей конкурентоспособности данной продукции.

Ключевые слова: конкурентоспособность, предпринимательство, инновация, премиальный сегмент.

Одной из ключевых тенденций развития мирового сообщества на рубеже XX-XXI вв. выступает активизация глобализационных процессов, реализации которых не могут воспрепятствовать мировые кризисы и межгосударственные конфликты. Развитие мирохозяйственных отношений приводит к необходимости повышения уровня конкурентоспособности национальных государственных образований и отдельных субъектов предпринимательства на внешних рынках, что в условиях постиндустриального хозяйственного уклада предполагает разработку и внедрение инновационно ориентированной стратегии развития на микро-, мезо- и макроуровнях. Анализ статистических и фактических данных, отражающих динамику основных экономических индикаторов, показывает, что существует прямая зависимость их динамики от эффективности использования инновационного потенциала предпринимательских структур, от степени освоения высоких технологий и уровня наукоемкости конечных товаров.

Атрибутивным свойством предпринимательства как традиционного фактора производства выступает способность к созданию и

коммерциализации инноваций, что предполагает формирование инновационного типа мышления предпринимательского сообщества. Данный признак приобретает особую значимость в условиях российской экономики, которая характеризуется низкой эффективностью использования креативной составляющей человеческого капитала, незавершенностью формирования национальной инновационной системы и отсутствием действенных институтов, обеспечивающих коммерциализацию нововведений и реализацию замкнутого инновационного цикла. Структурные диспропорции в экономике, возникшие в результате трансформационных шоков и обострившиеся на фазе ухудшения мировой хозяйственной конъюнктуры, обуславливают превращение инновативности субъектов предпринимательства в основное условие сохранения их самостоятельности, фактор получения поддержки со стороны государства и источник устойчивого финансового положения.

Инновационная экономика (экономика знаний, интеллектуальная экономика) – это тип экономической системы, которая основана на потоке инноваций, принимающих форму качественных технологических изменений и продуктовых нововведений, что находит выражение в высоком удельном весе добавленной стоимости. При этом основным фактором экономического роста становится интеллектуально-креативный ресурс, основным носителем которого выступают субъекты предпринимательства. Анализ инновационной сферы российской экономики подтверждает, что локомотивом инновационной деятельности выступают крупные субъекты бизнеса, научно-исследовательские организации, финансируемые из государственного бюджета, стартап-компании, формирующие конкурентные преимущества в условиях высокой неопределенности внешней среды и характеризующиеся нестандартным подходам к бизнес-процессам. Развитие инновационной сферы приводит к выделению в ее составе отдельных сегментов, учет особенностей которых становится необходимой предпосылкой формирования действенной системы управления конкурентоспособностью предпринимательских структур.

В настоящее время в Российской Федерации (РФ) реализуется ряд программных документов, направленных на повышение инновационной активности предпринимательского сообществ и коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности. В то же время следует признать недостаточную эффективность подобных мер, что находит отражение в низком спросе на инновации со стороны экономических агентов, несоответствии структуры инновационного потенциала потребностям рынка, в показателях конкурентоспособности российского государства, рассчитываемых с учетом состояния инновационного потенциала. Так, согласно данным Всемирного экономического форума, по индексу глобальной конкурентоспособности в 2012-2013 гг. Россия занимала 67 место из 144 государств, опустившись на одно место по сравнению с 2011-2012 гг.[31] Это подтверждает тезис о том, что уровень инновационности национальной экономической системы не находится в прямой зависимости от объема государственного финансирования целевых программ. Его повышение предполагает необходимость разработки и внедрения инструментов активизации инновационной деятельности предпринимательских структур с учетом особенностей внутренней и внешней среды. В настоящее время подобные инструменты не используются в должной мере, о чем свидетельствуют показатели инновационной активности отечественных предприятий, среди которых – низкая доля предприятий, осуществляющих технологические инновации в общем числе субъектов хозяйствования, низкая доля наукоемкой продукции в ее общем объеме и в объеме российского экспорта и др. Недостаточный уровень инновационности предпринимательской деятельности препятствует реализации эффективного взаимодействия между научно-технической и производственной сферами, ограничивает возможности получения предпринимательского дохода и удовлетворения потребностей общества в новаторской продукции.

Как показал проведенный в нашем исследовании качественный анализ потребительской ценности продукции, производимой предпринимательскими структурами, ориентированными на премиальный

сегмент рынка инновационной продукции, ключевым фактором, обеспечивающим заинтересованность потребителей в данном сегменте, является уровень интеллектуальной добавленной стоимости продукта. При этом под интеллектуальной добавленной стоимостью понимается дополнительная ценность для потребителя, основой создания которой является использование интеллектуального ресурса, формирующего положительный эффект синергии при использовании предпринимательской структурой имеющихся в распоряжении факторов производства.

Как показывал анализ ценности продукции премиального сегмента инновационной сферы для потребителей, проведенной в процессе исследования в формате опроса фокус-групп, в рамках которого предлагалось распределить стоимость приобретенного продукта по составным элементам, формирующим добавленную стоимость (сырье и материалы, труд, основной капитал, финансовый капитал, инновационная, информационная и интеллектуальная составляющая), наибольшую ценность представляла собой интеллектуальная составляющая, тогда как для продукции прочих ценовых сегментов распределение ценности были иным (см. рис. 1).

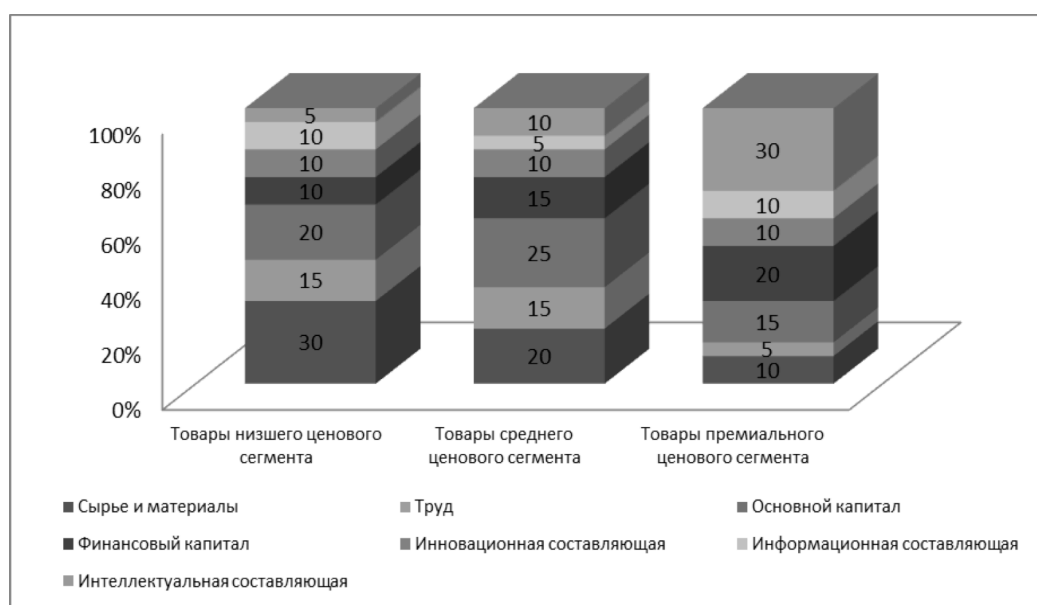

Рис.1. Структура ценности для потребителей инновационных товаров низшего, среднего и премиального ценового сегментов

Как видно из приведенного рисунка, приоритетную значимость интеллектуальная добавленная стоимость имеет только для товаров премиального ценового сегмента, в прочих случаях потребители определяют в качестве базовых другие составляющие добавленной стоимости. Данное обстоятельство позволяет определить, что при планировании производства и реализации продукции премиального сегмента инновационной сферы необходимо учитывать приоритетность составляющих ценности для потребителей, что позволяет выявить ключевые особенности конкурентоспособности продукции рассматриваемого сегмента в современных условиях.

Одной из ключевых характеристик современного этапа развития экономики является изменение структуры конкуренции, обусловленное, с одной стороны, превышением совокупного предложения над совокупным спросом, возникающее на фоне существенной поляризации глобального экономического пространства, и, с другой стороны, усиление склонности потребителей к приобретению продукции с высокой долей интеллектуальной добавленной стоимости. Реализация указанных тенденций обуславливает возникновение специфических особенностей, характеризующих уровень конкурентоспособности предпринимательской структуры, ориентированной на реализацию продукции в премиальном сегменте инновационной сферы:

- высокой конкурентоспособностью в рассматриваемом сегменте обладают предпринимательские фирмы, имеющие значительный человеческий, организационный и информационный капитал, совокупность которых является основой создания интеллектуальной добавленной стоимости при условии формирования возможности генерации синергетического эффекта, что проявляется в наличии ключевых компетенций, базирующихся на реализации потенциала указанных ресурсов;

- конкурентоспособность продукции предпринимательской фирмы, реализуемой в рассматриваемом сегменте инновационной сферы, в большей степени обуславливается восприятием продукта потребителями, нежели генерируемой продуктом полезностью; таким образом, в данном сегменте более высокой конкурентоспособностью будет обладать продукция, имеющая более высокую репутацию, чем продукция, имеющая лучшие потребительские свойства;

- повышение конкурентоспособности в исследуемом сегменте определяется известной потребителям положительной тенденцией по защите права интеллектуальной собственности на собственные разработки, вследствие чего предпринимательские структуры, реализующие продукцию премиального сегмента инновационной сферы, имеют стимул не только к защите интеллектуальной собственности, но и к расширенному информированию потребителей о наличии такой защиты;

- конкурентоспособной в рассматриваемом сегменте оказывается продукция, продвижение которой основано на использовании механизмов популяризации, в том числе посредством предоставления продуктов со значительной скидкой в образовательные учреждения, что позволяет усилить информирование потребителя об особенностях продукта премиального сегмента;

- высокая конкурентоспособность продукции премиального сегмента инновационной сферы обеспечивается расширением сети потребителей, аналогичным увеличению количества пользователей социальных сетей, что обусловлено привлечением новых клиентов в основном на основе рекомендаций лояльных клиентов продукции премиального сегмента инновационной сферы, что определяет необходимость формирования условий обеспечения лояльности пользователей.

Таким образом, повышение конкурентоспособности продукции предпринимательских фирм, реализуемой в премиальном сегменте инновационной сферы, должно быть основано на учете перечисленных выше особенностей данного рынка.

Исследование поведения производителей продукции предпринимательских фирм премиального сегмента инновационной сферы показало, что они могут использовать две основные стратегии продвижения на рынке (производители): стратегию популяризации продукта, основанную на использовании учреждений образования и применении механизмов, аналогичных популяризации социальных сетей, и традиционную стратегию, в меньшей степени использующую данные методы. В то же время потребители продукции исследуемого сегмента могут демонстрировать две основных реакции на реализуемые стратегии продвижения: либо продукция распространяется на основе приоритетной оценки потребителями репутации предпринимательской структуры и выпускаемых ею товаров и услуг, либо продукция распространяется на основе приоритетной оценки потребителями ее полезности. В процессе проведенного исследования было определено, что в сложившихся условиях продвижение продукции предпринимательской структуры в премиальном сегменте инновационной сферы может рассматриваться как игра с нулевой суммой с использованием смешанной стратегии, причем вероятность выбора варианта поведения потребителями и производителями была определена на основе анализа 450 сделок по приобретению товаров рассматриваемого сегмента. Результаты анализа вероятности выбора поведения представлены в табл. 1.

Поведение потребителей и предпринимательских структур - производителей продукции премиального сегмента инновационной сферы

		Стратегия предпринимательской структуры	
		Стратегия популяризации продукта	Традиционная стратегия
Реакция потребителей продукта	Приоритетная оценка репутации продукта	0,90; 0,10	0,25; 0,75
	Приоритетная оценка полезности продукта	0,15; 0,85	0,95; 0,05

На основании полученных данных была определена вероятность выбора производителями и потребителями стратегии поведения на рынке продуктов премиального сегмента инновационной сферы. В первую очередь была определена вероятность p выбора стратегии производителями продукции в рассматриваемом сегменте:

$$0,90p + 0,25(1-p) = 0,15p + 0,95(1-p) \quad (1)$$

При решении приведенного уравнения получаем, что с вероятностью 48,28% производители продукции премиального сегмента инновационной сферы будут выбирать стратегию популяризации, и с вероятностью – 51,62% - традиционную стратегию.

Аналогичный расчет был проведен для анализа вероятности q выбора стратегии потребителями продукции рассматриваемого сегмента:

$$0,10q + 0,85(1-q) = 0,75q + 0,05(1-q) \quad (2)$$

При решении приведенного уравнения получаем, что с вероятностью 55,17% потребители продукции премиального сегмента инновационной сферы будут выбирать приоритетную оценку репутации продукта, и с вероятностью – 44,83% - приоритетную оценку полезности продукта.

Проведенная оценка подтверждает преобладание потребительской оценки репутации продукта, что диктует необходимость более широкого использования стратегии популяризации при реализации предпринимательскими фирмами продукции премиального сегмента в инновационной сфере.

Выбор рациональной стратегии поведения на рынке на этапе, предшествующем выводу продукции на рынок, для предпринимательской структуры, ориентированной на премиальный сегмент инновационной сферы, может быть обеспечен при условии реализации детального анализа внешней среды прямого воздействия с учетом особенностей рассматриваемого рынка, который будет включать следующие основные элементы:

1) по направлению «поставщики»: на первом этапе проводится оценка репутации поставщиков стратегически значимых материалов и услуг (в том числе услуг продвижения продукции на рынке), на втором этапе реализуется оценка технико-экономических характеристик поставляемых услуг, сырья и материалов, на основании которых на третьем этапе проводится ранжирование поставщиков с учетом приоритетности репутационной составляющей реализованной оценки, и, при необходимости, корректировка структуры поставщиков;

2) по направлению «покупатели»: на первом этапе реализуется оценка репутационного потенциала продукции предпринимательской фирмы в премиальном сегменте инновационной сферы, а также уровня ее полезности и совместимости с прочей продукцией, применяемой базовыми потребителями; на втором этапе определяется возможность улучшения репутации исследуемой продукции посредством применения инструментов прямого продвижения (персональных продаж и реализации через сети взаимодействия потребителей), а на третьем этапе выявляется доля покупателей-новаторов для рассматриваемого продукта или услуги, и уточняется приоритетная стратегия взаимодействия с данной категорией потребителей;

3) по направлению «конкуренты»: на первом этапе анализируется репутационный потенциал конкурентов,

и проводится сопоставление выявленного потенциала с собственным потенциалом предпринимательской фирмы; на втором этапе проводится исследование технико-экономического потенциала продукции конкурентов и его сопоставление с рассматриваемым для реализации в премиальном сегменте инновационной сферы продукта предприятия; на третьем этапе выделяются направления воздействия на конкурентов и возможное влияние на поведение предпринимательской фирмы со стороны конкурентов;

4) по направлению «группы общественного воздействия»: на первом этапе оценивается отношение групп общественного воздействия к продукции предпринимательской структуры, реализуемой в рамках премиального сегмента инновационной сферы, ориентированное на определение воздействия, которое группы общественного воздействия будут оказывать на репутационный потенциал рассматриваемого продукта; на втором этапе выявляется возможность и основные направления корректировки влияния групп общественного воздействия при определении негативного тренда, либо исследуется возможность усиления их влияния при выявлении его положительной направленности.

В процессе исследования с использованием метода экспертных оценок было проведено определение зависимости уровня рентабельности, доли рынка продукции премиального сегмента инновационной сферы по истечении года после выхода на рынок для 10 продуктов рассматриваемого сегмента, появившихся в течение трех лет на рынке Республики Татарстан, от качества оценки внешней среды на этапе, предшествующем выходу на рынок. Оценка качества была проведена по 10-бальной шкале представителями предпринимательских структур инновационной сферы, при этом 1 балл означал полное несоответствие проведенной оценки предложенному в настоящем исследовании алгоритму, 10 баллов – полное соответствие предложенного алгоритма и фактически проведенной оценки. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить сильную зависимость рентабельности рассматриваемого продукта от качества проведения оценки внешней среды (коэффициент корреляции составил +0,7383), тогда как гипотеза о влиянии качества оценки внешней среды на занимаемую по истечении года долю рынка не подтвердилась (коэффициент корреляции составил +0,2054). Таким образом, необходимость проведения детального анализа внешней среды при выводе на рынок продукции премиального сегмента инновационной сферы предпринимательской фирмой позволяет сформировать условия реализации высокорентабельного производства.

Как показал проведенный анализ, взаимодействие с покупателями в премиальном сегменте инновационной сферы является сложным многоэтапным процессом, в рамках которого большое значение для обеспечения высокой рентабельности продукта и постепенного роста доли рынка необходимо обеспечить постоянную обратную связь с ключевыми потребителями и корректировку стратегии и тактики поведения на рынке на основе полученных в рамках обратной связи сведений. Процесс формирования системы взаимодействия предпринимательской структуры с потребителями продукции премиального сегмента инновационной сферы, был исследован с использованием описанной выше выборки из 10 продуктов, выведенных на рынок РТ в течение последних трех лет, что позволило выявить общие для различных типов продукции элементы рассматриваемого процесса и сформировать алгоритм взаимодействия (см. рис. 2).

Как видно из приведенного рисунка, учет специфики премиального сегмента инновационной сферы предполагает приоритетность оценки репутации при принятии решения о приобретении продукта предпринимательской структуры, а также необходимость формирования площадки обмена мнениями для потребителей с участием предпринимательской фирмы и стимулирование процессов популяризации продукта среди потребителей – в том числе с использованием методов миссионерского типа, аналогичных применяемых при продвижении продуктов компании Apple, что позволит сформировать устойчивую основу повышения конкурентоспособности.

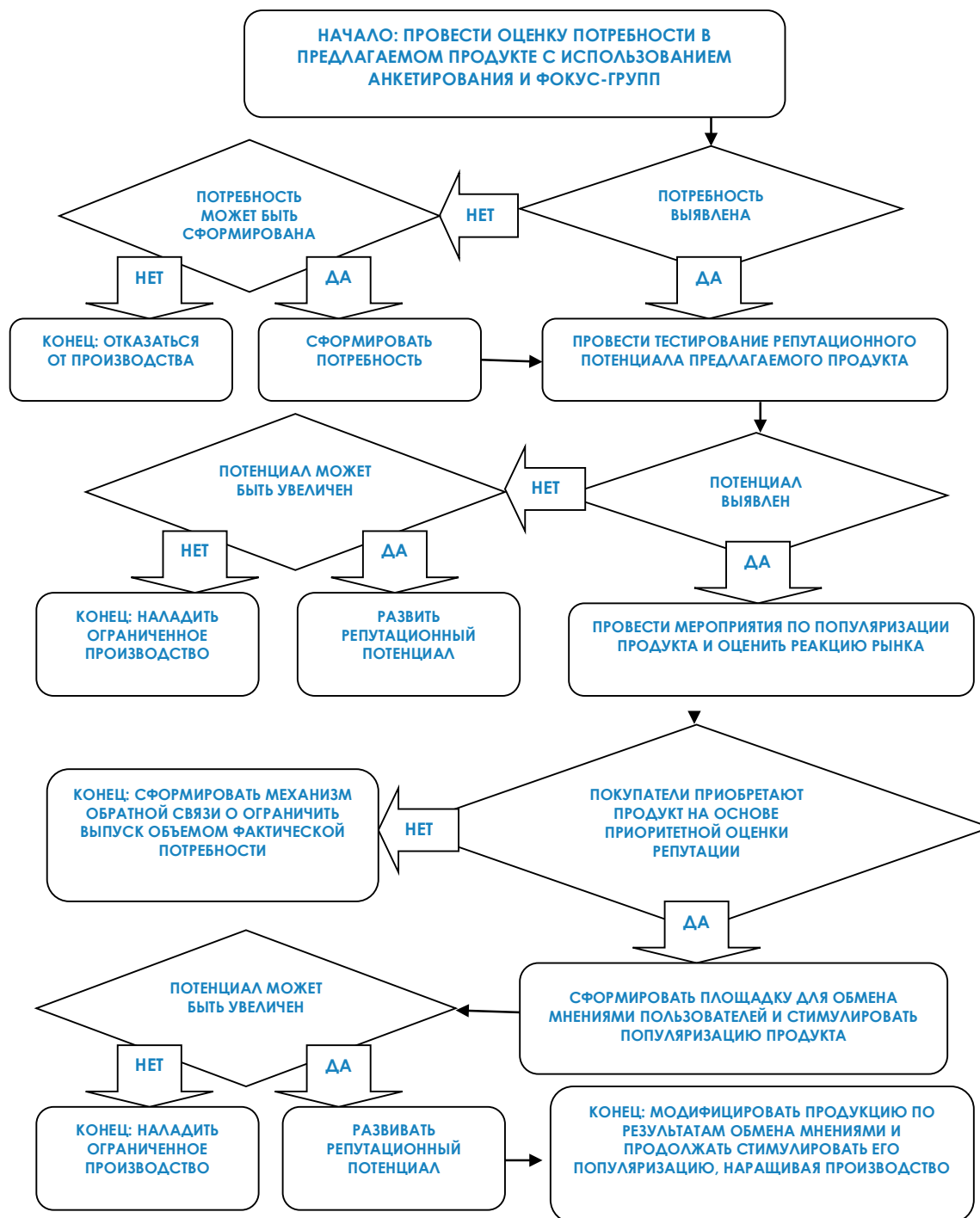

Рис. 2. Алгоритм взаимодействия с потребителями продукции предпринимательской структуры премиального сегмента инновационной сферы

Эффективное управление конкурентоспособностью продукции предпринимательской структуры в премиальном сегменте инновационной сферы предполагает необходимость комплексной оценки конкурентных преимуществ продукции по трем направлениям: техническому, экономическому и репутационному. Для реализации данной оценки на этапе реализации продукции на рынке в нами была разработана система показателей, представленная в табл. 2 (в рамках предложенной системы ранги определялись экспертами, которые являлись представителями предпринимательских структур инновационной сферы, органов государственной власти и потребителями инновационной продукции премиального сегмента).

Таблица 2

Система показателей оценки конкурентоспособности продукции премиального сегмента, продвигаемой предпринимательской структурой инновационной сферы (рассчитывается отдельно для каждого вида продукции инновационной сферы, реализуемой в премиальном сегменте)

Тип показателя	Наименование показателя	Метод расчета	Ранг значимости
1	2	3	4
Экономические	Рентабельность продаж продукции	Отношение чистой прибыли от реализации продукции за год к выручке-нетто за аналогичный период	8
	Доля рынка по продукции	Отношение выручки-нетто предпринимательской структуры от реализации продукции за год к суммарному объему сделок с аналогичной продукцией на глобальном рынке за аналогичный период	9
	Оборачиваемость запасов готовой продукции	Отношение среднегодовой стоимости запасов готовой продукции предпринимательской структуры к выручке-нетто от ее реализации за год	10
Технические	Доля брака	Отношение количества забракованной продукции к общему количеству выпущенной	1
	Коэффициент эргономичности	Экспертная оценка эргономических характеристик продукции в баллах (по десятибалльной шкале, где 1 – низкий уровень эргономичности, 10 – высокий уровень эргономичности продукта)	3
	Коэффициент полезного использования продукции	Отношение среднего количества фактически используемых пользователями продукции функции к общему количеству функций, которые могут быть выполнены продуктом (оценивается с использованием опросов)	7
Репутационные	Коэффициент централизации покупателей продукции	Отношение средней длины связей базовых потребителей продукции с членами их социальной сети к средней величине диаметра социальной сети потребителей	5
	Коэффициент влиятельности покупателей продукции	Отношение среднего уровня влияния базовых потребителей продукции (оценивается по шкале от 0 до 1) к среднему уровню влияния члена социальной сети потребителей	6
	Качество восприятия продукции	Экспертная оценка качества восприятия продукции в баллах (по десятибалльной шкале, где 1 – продукция воспринимается потенциальными покупателями как неприоритетная, 10 – продукция воспринимается потенциальными покупателями как приоритетная)	2
	Показатель соответствия стратегии продвижения	Определяется как отношение доли потребителей, осуществляющих приоритетную оценку репутации продукции при ее приобретении в общем их количестве к доле мероприятий, реализуемых в рамках стратегии популяризации, к общему числу мероприятий по продвижению продукции	4

Анализ конкурентоспособности проводится с использованием представленных в табл. 2 показателей с применением паутинковой диаграммы с учетом ранга их значимости при интерпретации диаграммы, что позволяет определить направления совершенствования предлагаемого продукта и методов его продвижения в премиальном сегменте рынка инновационной продукции.

Нами проведено исследование зависимости рентабельности продукции премиального сектора инновационной сферы от уровня конкурентоспособности продукта предпринимательской фирмы относительно продукта-лидера, проведенное с использованием описанной выборки. Уровень конкурентоспособности определялся как средневзвешенное соотношений по всем 10 описанным в табл. 2 показателям, а полученная зависимость представлена на рис. 3.

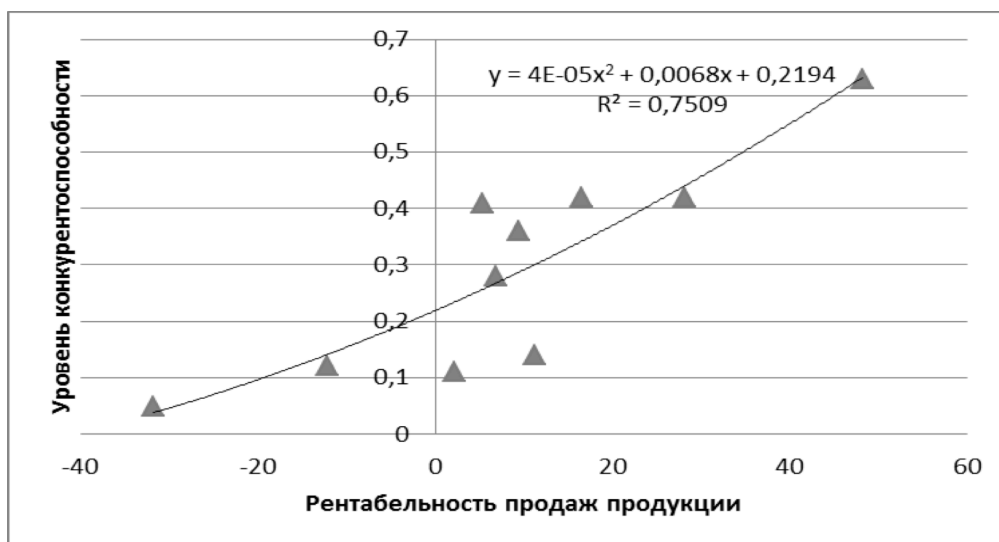

Рис. 3. Зависимость рентабельности продаж и уровня конкурентоспособности продукции предпринимательской структуры

Как видно из приведенного рисунка, обеспечение высокой конкурентоспособности относительно предприятия-лидера обуславливает вероятность повышения рентабельности реализации продукции предпринимательской структуры на 75,09%, что подтверждает целесообразность применения предложенных автором методов совершенствования механизма управления ее конкурентоспособностью.

Galieva G.T.

THE COMPETITIVENESS OF THE BUSINESS FABRIC IN INNOVATIVE SPHERE PREMIUM SEGMENT

It is proved in choosing business entities strategies promote the products of a bonus segment of the innovation sphere on the basis of the priority choice of consumers of evaluation method of reputation, is represented by a system of indicators of competitiveness of the products.
 Keywords: *innovation and competitiveness, premium segment, entrepreneurship.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bresnahan T., Trajtenberg M. General Purpose Technologies: «Engines of Growth?» // NBER Working Paper 2002. - No. 4148. August.
2. Ellyahu M. Goldratt, The Goal – North River Press, 2004 – 384 p.
3. La Pierre R.T. Social Change. New York, 2005.
4. Martin R.L. The Virtue Matrix: Calculating the Return on Corporate Responsibility // Harvard Business Review. 2008.Vol. 80. No. 3. March.
5. West J. Technology Integration: Turning Great Research into Great Products//Harvard Business Review. 2007. May-June.
6. Алиев З.Т. Конкурентоспособность России в условиях глобализирующегося мира. М.: МАКС Пресс, 2009
7. Арсентьева Н.А. Инновационный потенциал как фактор обеспечения конкурентоспособности экономической системы: авт.дис. . .канд. эк.наук / Арсентьева Наталья Александровна Чебоксары, 2010. – 24 с.

8. Ахтаријева Л.Г. Организационно-институциональное развитие в условиях модернизации. М.:МАКС, 2009
9. Барышева А.В. Модернизация и конкурентоспособность российской экономики. Монография. СПб.: Алетейя, 2009.
10. Богомоллова И. П., Хохлов Е. В. Анализ формирования категории конкурентоспособность, как фактора рыночного превосходства экономических объектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mavriz.ru/articles/2005/1/3548.html> (дата обращения 10.05.2013).
11. Валитов Ш.М. Взаимоотношения власти и бизнеса: сущность, новые формы и тенденции, социальная ответственность / Ш.М.Валитов, В.А.Мальгин. -М.: Экономика, 2009. 207 с.
12. Гельвановский М. И. Конкурентоспособность национальной экономики: проблемы статистического сопровождения: поиск методологической адекватности: учебное пособие. М.:Статистика России, 2009.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1-4: официальный текст (по состоянию на 20.06.2013 года). М.: Омега-Л, 2013. 493 с.
14. Гунин В.Н. Инновационная активность предприятий: сущность, содержание, формы. М.: ГУУ, 2009.
15. Дедегкаев В.Х., Камбердиева С.С., Басиева Л.Б. Повышение конкурентоспособности предпринимательства на основе компетентностного подхода // Terra Economicus, 2013, т.11, №2, ч.3. С.63- 67
16. Инвестиции в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М.: 2013. – 303 с.
17. Индикаторы инновационной деятельности: 2012. Статистический сборник ВШЭ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2014>.
18. Инновации ключевая проблема российской экономики XXI века. В кн. Современные макроэкономические проблемы России. - М.: КНОРУС, 2010.
19. Клочков А.К. КРП и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. М.: ЭКСМО. 2010. 155с.
20. Конкурентоспособность российской экономики: потенциал и перспективы /под ред. И. Р. Курнышевой. М.: ИЭ РАН, 2009.
21. Коротков А.В. Статистический анализ развития инновационного процесса//Вопросы статистики, 2009, -№11.
22. Куликов В.И. Стратегия промышленного предприятия: проблемы разработки и проблемы реализации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 4. С. 320-323.
23. Лапуста А. Г. Предпринимательство: учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. 608 с.
24. Ларин С.Н., Жиликова Е.В. Моделирование взаимодействия участников инновационной деятельности // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 11 (314). – С. 52-58.
25. Масюк Н. Н. Стратегический мониторинг текстильного предприятия / Н. Н. Масюк, В. В. Сильченко. – Иваново : ИГТА, 2009. – 192 с.
26. Медынский В.Г. Реинжиниринг инновационного предпринимательства. М: МАКС, 2009

27. Мельничук В.М. Теоретические аспекты определения сущности механизма формирования потребительской ценности товара // Вестник МГОУ. Серия «Экономика». № 4, 2013. С.20-27
28. Модернизация российской экономики: структурный потенциал / Институт мировой экономики и междунар. отношений РАН ; отв. ред. Н.И. Иванова; научн. рук. - Ю. В. Куренков. - М.: ИМЭМО РАН, 2010.
29. Москвин-Тарханов И. Инновации или модернизация? / И.Москвин-Тарханов // Политическая экспертная сеть «Кремль-ORG» Электронный ресурс. Электрон.журнал. - 2009г. - 22 сентября. - Режим доступа: www.Kreml.org/opinions/224034083.
30. Плотичина Т.М. Определение конкурентоспособности предприятия /Т.М.Плотичина //Вестник ТГТУ. 2010. - том.16. - №1. - с.209
31. По данным Всемирного экономического форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2012–2013. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/09/05/494>. Проверено на 15.04.2014.
32. Регионы России. Социально-экономические показатели: 2012. Статистический сборник. М. Росстат, 2012. 990с.
33. Репина А. В. Семантика и соотношение понятий ценности и стоимости в контексте маркетинговых исследований // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3 (43). – С. 189-192.
34. Россия и страны мира. 2012.: Стат.сб. / Росстат. - М., 2012. – 380с.
35. Уколов В.Ф. Инновационный менеджмент в государственной сфере и бизнесе. – М.: Экономика, 2009. – 400 с.
36. Фатхутдинов, Р. А. Управление конкурентоспособностью организации: практикум / Р. А. Фатхутдинов. – М.: Маркет ДС, 2008. – 208 с.
37. Фомин Е.П., Назаров М.А., Федосеева С.В. Развитие взаимодействия объектов инновационно-инвестиционной инфраструктуры: монография. – Самара: Изд-во СамГЭУ, 2009. – 168 с.
38. Шишов С.Е. Мониторинг качества образования в школе / С.Е. Шишов, В.А. Кальней. М.: Педагогическое общество России. 2009.
39. Экономические категории // Экономика: экономическая теория и термины [сайт]. – URL: <http://economics.pp.ua/ekonomicheskie-kategorii.html> (дата обращения: 27.11.13 г.)

Гибадуллина М.Р.,
Силаева З.В., к.полит.н.

silaeva-zoya@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ»

Аннотация: В рамках конфликтологии «напряженность» рассматривается как предконфликтная стадия. В рамках науки рассмотрен и проанализирован термин «социальная напряженность». «Религиозная напряженность» анализируется в рамках религиозного конфликта, как предконфликтная стадия. Проанализированы методы измерения Социальной и религиозной напряженности. Ключевые слова: социальная напряженность, религиозная напряженность, конфликт, религиозный конфликт, статистические методы измерения напряженности.

В рамках конфликтологии напряженность рассматривается как предконфликтная стадия. Исходя из того, что любой конфликт легче предотвратить, чем разрешить, предконфликтная стадия нуждается в глубоком анализе и понимании. Безусловно, любой конфликт имеет и позитивные и негативные последствия, но в сфере религиозных и межконфессиональных конфликтов грань между конструктивными и деструктивными последствиями слишком тонка. Конфликты в плоскости религиозных и национальных чувств всегда имеют глубокие последствия и носят неконтролируемый характер.

Термин «религиозная напряженность» используется в средствах массовой информации для описания состояния общества, но не имеет четкого определения в научной среде. В большинстве научных работ анализируется социальная сторона напряженности. Социальную напряженность рассматривают в связи с такими явлениями как социальная дезинтеграция, отсутствие солидарности взаимодействующих личностей и групп, утрата социальной идентичности, депривация и фрустрация личности, группы, общности, классовая борьба,

межнациональные столкновения, социальный кризис. Опасность социального напряжения в возможности социальной катастрофы, полной утраты управляемости общественными процессами и институтами, распад прежних общественных связей и отношений [1]. Понятие социальной напряженности используется уже в работах Э. Дюркгейм при анализе процесса дезинтеграции как разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания социальной аномии [2].

Социальное напряжение как нарушение равновесия между целями и средствами в фазах социальной структуры ввел Р.Мертону [3]. Т. Парсонс вводит понятие в рамках конфликтологии, как сопротивление при реализации социального действия [4].

В современной науке «социальная напряженность» используется в большом количестве наук (социология права, психология, психология управления, социологии труда, социологии организаций, социальной философии, истории, политических наук, конфликтологии, экономики и другие) и рассматриваться как междисциплинарное понятие.

Религиозный конфликт это столкновение и противодействие между носителями религиозных ценностей, которая обусловлена различиями в их мировоззрении, представлениях и отношении к Богу, разной участием в религиозной жизни. По своим характеристикам религиозные конфликты являются социальными, поскольку сама религия является духовной основой человеческого общества.

Таким образом, мы остановимся на том, что и религиозная напряженность является видом социальной напряженности. Так религиозная напряженность лишь отражает состояние общества в одном аспекте, а именно в межконфессиональных отношениях.

Субъектами религиозного напряжения могут быть: индивид - индивид; индивид - социальная группа; индивид - общество; общественные институты - религиозные нетрадиционные организации; государство – церковь.

Многие методики измерения социальной напряженности нацелены на измерение социального благополучия, качества жизни и социального самочувствия. Наиболее известные из них принадлежат Дж. Вортону и А. Мура, Л. Гутмана, Б. Доренвенд, Ч. Спилберга. В отечественной социологии используют методик измерения социального самочувствия молодежи Е. Давыдовой, оценки уровня напряженности Ю. Плюснина и Д. Шмониной и другие [4].

Конечным показателем данные методики дают некий индекс, который позволяет оценить уровень напряженности. Однако использование только таких методик не позволит прогнозировать развитие напряженности, поэтому нужно дополнять их данными от других исследовательских инструментов. Так для более глубоко анализа религиозной напряженности будет полезен контент-анализ СМИ, анализ данных о религиозных организациях и их деятельности, выявление их активности. В современном мире виртуальный мир занимает огромное место в жизнедеятельности общества, часто именно в Сети появляются первые признаки напряженности, поэтому нужен постоянный мониторинг социальных сетей.

Gibadullina M.R., Silaeva Z.V.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH THE CONCEPT OF «RELIGIOUS TENSIONS»

As part of Conflict "tension" is regarded as a pre-conflict stage. In the framework of science reviewed and analyzed the term "social tensions". "Religious tension" is analyzed in the framework of religious conflict, as the pre-conflict stage. The methods of measuring the social and religious tension.

Keywords: tension, social tensions, religious tensions, conflict, religious conflict, statistical methods for measuring the tension.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Битянова, М. Р. Социальная психология.: Наука, практика и образ мыслей. Уч. Пос. / М.Р. Битянова. – М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2004. – 576 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1901.
3. Еникеев, М. И. Общая и социальная психология / М.И. Еникеев. – ЭКОР, 2003. – 465 с.
4. Битянова, М. Р. Социальная психология.: Наука, практика и образ мыслей. Уч. Пос. / М.Р. Битянова. – М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2004. – 576 с.
5. Крысько, В. Г. Социальная психология: Схемы и комментарии. / В.Г. Крысько. – М., 2001. – 326 с.
6. Пирогов, И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: автореф. Дис. ... канд. Социолог, наук. – М., 2002.

Гумеров А.В., к.т.н.
gumerov_anvar@rambler.ru

Казанский национальный
исследовательский
технический университет
им. А.Н. Туполева
Казань, Россия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ СТРУКТУРАМИ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ АДАПТИРОВАННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА

Аннотация: В статье представлен алгоритм применения инструментов менеджмента качества; проведено сценарное прогнозирование процессов развития предпринимательских структур в соответствии с разработанной автором методикой.

Ключевые слова:
стратегическое управление,
предпринимательство,
принципал, агент,
прогнозирование целей, TQM.

Реализация корпорацией менеджерской и предпринимательской стратегии с применением инструментов TQM обеспечивает изменение внешней среды в части факторов прямого и косвенного влияния. Изменение факторов прямого влияния включает воздействие со стороны предпринимательской структуры на поставщиков в рамках реализации принципа TQM, который заключается в формировании взаимовыгодных отношений, повышающих способность обеих сторон производить экономические и социальные ценности. У поставщиков возникают побудительные мотивы внедрения СМК, что обеспечивает повышение эффективности прогнозирования результатов реализации выработанной стратегии развития, формирование устойчивых долгосрочных связей с потребителями собственной продукции, снижение издержек поиска информации, издержек ведения переговоров, издержек заключения контрактов, издержек мониторинга вследствие преобладания долгосрочных контрактов, накопления опыта сотрудничества с организацией, внедрившей СМК, а также осуществления совместных разработок с организацией-производителем в интересах конечного

потребителя, формирования единого видения перспектив развития. Важнейшей составляющей SMK становится аудит поставщиков. Корпорация выступает субъектом проектирования институтов, регулирующих внедрение и аудит SMK, что обуславливает повышение уровня доверия между экономическими агентами и снижение издержек мониторинга и издержек на принуждение. Воздействие на трудовые ресурсы территории размещения корпорации проявляется в формировании устойчивого спроса на труд, а в случае внедрения системы социальной ответственности SA 8000 корпорация реализует инвестиции в человеческий капитал не только инсайдеров, но и аутсайдеров, что находит выражение в производстве ею социальной ценности, в повышении уровня и качества жизни местного сообщества. Выбор со стороны наемных работников в пользу корпорации, использующей инструменты менеджмента качества, обусловлены лучшими условиями труда, перспективами самореализации и самосовершенствования, относительно более высоким уровнем оплаты труда (за счет уменьшения себестоимости, увеличения сбыта), формированием доверительных отношений в коллективе. Реализация стратегии с использованием инструментов менеджмента качества оказывает непосредственное воздействие на уровень лояльности и удовлетворенности покупателя, что выступает необходимой предпосылкой формирования устойчивого спроса и повышения конкурентоспособности корпорации. Результаты проведенного в ходе исследования анализа внешних факторов с использованием метода экспертных оценок (опроса менеджеров различного уровня и собственников предприятий реального сектора Республики Татарстан, проведенного по методу Дельфи) показал, что фактор потребительского спроса оказывает непосредственное воздействие на поиск новых управленческих инструментов, в качестве которого используется сертификат соответствия SMK требованиям стандарта ISO 9001. В то же время исследование выявило слабую связь между количеством конкурентов и принятием решения о разработке, внедрении и сертификации SMK в соответствии со стандартом ISO 9001. Относительное улучшение показателей финансовой деятельности корпораций, сертифицировавших SMK на соответствие требованиям стандарта ISO 9001 по сравнению с аналогичными несертифицированными компаниями, выявленное в ходе исследования, выступает в качестве фактора, стимулирующего конкурентов к использованию инструментов менеджмента качества для повышения конкурентоспособности и расширения (сохранения) рыночного сегмента.

Изменение факторов косвенного влияния под воздействием стратегии предпринимательских структур на базе TQM происходит вследствие применения ими эффективного инструментария, позволяющего постоянно совершенствовать систему управления, что находит отражение в индикаторах роста, а именно: в показателях деятельности корпорации, скорости роста и ускорении роста. При этом эффект стратегического управления корпорацией с использованием инструментария менеджмента качества носит синергетический характер, т.е. выступает эффектом усиления взаимодействия и координации между элементами этой системы. Положительная динамика показателей прироста экономической и социальной ценности, создаваемых корпорацией, оказывает непосредственное влияние на динамику экономических и социальных индикаторов состояния национальной экономической системы. Сохранение долгосрочных конкурентных преимуществ предполагает необходимость в рамках стратегии развития предпринимательской структуры применения мер, направленных на реализацию инновационного цикла, что обеспечивает длительное сохранение высокого уровня качества продукции и услуг при контроле над динамикой затрат. Тем самым, предпринимательские структуры, использующие инструментарий менеджмента качества, инициируют инновационную активность и НТП. Развитие доверительных отношений с участием расширенного состава экономических агентов, заключающиеся в наличии действительного или предполагаемого контроля над выбором контрагентов в транзакциях, способствуют формированию благоприятной социокультурной среды и позитивных ожиданий со стороны производителей, а также обеспечивает коллинеарность их интересов.

Таким образом, реализация корпорациями менеджерской или предпринимательской стратегии развития, характеризующихся использованием инструментов менеджмента качества, обеспечивает влияние

со стороны субъекта хозяйствования на факторы внешней среды в условиях роста уровня ее сложности и подвижности, что находит отражение в снижении уровня ее турбулентности и обеспечивает снижение транзакционных издержек поиска информации вследствие заключения стандартных повторяющихся контрактов с участием относительно постоянного состава поставщиков, производителей и конкурентов; издержек ведения переговоров вследствие формирования доверительных отношений с контрагентами; издержек заключения контрактов в рамках реализации стратегии по Г. фон Штакельбергу; издержек мониторинга вследствие прогнозируемости качества доверительных или опытных товаров; издержек на принуждение вследствие снижения издержек инфорсmenta контрактов.

В целях разрешения агентского противоречия, возникающего при стратегическом управлении предпринимательской структурой, и защиты интересов принципала при принятии решений в рамках текущего управления, необходимо обеспечить применение инструментов менеджмента качества, так как указанный инструментарий позволяет сохранять долгосрочную ориентацию и рассматривает в качестве базового объекта управления формирование ценности для потребителя, что соответствует парадигме менеджмента с позиций принципала. Последовательность действий при реализации данного подхода следующая.

1. Формирование миссии предпринимательской структуры. Миссия предпринимательской структуры необходима для того, чтобы сформировать у наемного менеджмента четкое представление о базовых ценностях субъекта хозяйствования, что позволит обеспечить их исполнение в процессе реализации деятельности. Таким образом, на этапе формирования миссии предпринимателю необходимо четко определить ключевую цель создания предприятия, а также сформулировать его стратегическое видение, что позволит обеспечить сохранение этих ценностей в фокусе внимания наемного менеджмента в процессе реализации оперативных процессов управления.

2. Разработка политики в области качества. В рамках данного этапа необходимо сформулировать ключевые стратегические задачи предпринимательской структуры, соответствующие ее миссии, реализация которых должна быть целевым ориентиром наемного менеджмента при формировании тактических и оперативных планов управления хозяйствующим субъектом. Кроме того, в данном документе прописываются принципы и направления реализации постоянных улучшений, формируется платформа для создания комплекса оценочных индикаторов реализации миссии предпринимательской структуры. Важно отметить, что, поскольку целью данного документа в рамках разрешения агентского противоречия является создание для наемного менеджмента ценностных ориентиров управления, формулирование политики в области качества предполагает использование неколичественных характеристик улучшения, что обусловлено исходной количественной ориентацией наемного менеджмента.

3. Формулировка целей в области качества. В процессе формирования целей в области качества необходимо сохранять их ценностную ориентированность в целях разрешения агентского противоречия, вследствие чего соотношение материальных и нематериальных показателей, характеризующих цели предпринимательской структуры в области качества, рекомендуется на уровне от 80/20 до 70/30. Комплекс индикаторов, характеризующих достижение целей в области качества, необходимо сформировать с учетом ключевых показателей эффективности и результативности, приоритетных с точки зрения принципала, выявленных в рамках настоящего исследования, что позволит обеспечить точность измерений при оценке исполнения миссии и политики предпринимательской структуры в области качества.

4. Доведение миссии, политики и целей в области качества до персонала. Реализация данного этапа должна проводиться по апробированной в рамках менеджмента качества методике; при этом участие в данном процессе должны принимать собственники предпринимательской структуры, что позволит обеспечить соблюдение их интересов и приоритетов в процессе реализации хозяйственной деятельности, а также позволит добиться высокого уровня понимания сформулированных целей в области качества

наемными работниками.

Реализация данного алгоритма позволит сформировать точную систему контроля реализации заявленной миссии, политики и целей в области качества; при этом для обеспечения точности измерений на всех этапах реализации процессов стратегического управления следует использовать X-карты и R-карты для оценки исполнения целей, сформулированных на третьем этапе приведенного выше алгоритма, и осуществлять корректировку соответствующих процессов при выявлении указанными инструментами системной ошибки.

При проведении прогнозирования исполнения целей предпринимательской структуры в области качества необходимо учитывать как тенденции развития, сложившиеся в результате функционирования организации в ретроспективе, так и возможности ускоренного развития предпринимательской структуры в результате реализации процессов стратегического управления с учетом вероятности их исполнения в соответствии с приоритетами принципала. Для учета последней составляющей следует использовать подход, основанный на применении элементов теории игр, что может быть формализовано следующим образом:

$$C_{t1} = C_{t0}K_{ex}K_{it} \quad (1)$$

где $C_{t1,0}$ – значение анализируемого показателя соответственно в прогнозируемом и текущем периоде;

K_{ex} – коэффициент экстраполяции, характеризующий сложившийся тренд изменения анализируемого показателя;

K_{it} – коэффициент итерации, учитывающий потенциально возможные изменения анализируемого показателя, определяемый следующим образом:

$$K_{it} = 1 + (p(f(x_i)_0 + \sum_j x_j) - c_{x_j}) \quad (2)$$

где p – вероятность принятия решения, соответствующего интересам принципала, наемным менеджментом, определенная с учетом значимости влияния агентского противоречия в пределах от 0 до 1;

$f(x_i)_0$ – интегральное влияние рассматриваемого параметра, определяющего процессы стратегического развития предпринимательской структуры, возникающего в результате в текущем периоде, руб.;

$\sum_j x_j$ – сумма воздействий изменяемых в прогнозном периоде параметров на анализируемый показатель, руб.;

c_{x_j} – затраты предпринимательской структуры на формирование суммы воздействий изменяемых в прогнозном периоде параметров на анализируемый показатель, руб.

Прогнозирование результатов применения предложенных в настоящем исследовании методов и механизмов стратегического управления предпринимательской структурой с применением инструментария менеджмента качества было проведено в рамках следующих сценариев:

- базового, предполагающего сохранение сложившихся тенденций развития предприятия;
- негативного, предполагающего усиление агентского противоречия в отсутствие применения предложенных в настоящей работе методов снижения его влияния;
- оптимистического, предполагающего снижение влияния агентского противоречия в результате применения предложенных в настоящей работе методов и механизмов стратегического управления предпринимательскими структурами на основе методов менеджмента качества.

Прогнозирование было проведено на базе данных пяти крупных предприятий РТ, на развитие которых агентское противоречие оказывает существенное влияние. Результаты прогнозирования по показателю рентабельности собственного капитала представлены на примере ОАО «КамАЗ» и ОАО «Нижекамскнефтехим» (рис. 1).

Аналогичные представленным на рис. 1 результаты были получены при прогнозировании темпов роста уровня риска, производительности труда и темпов роста ценности потребителя, что подтверждает экономическую целесообразность применения предложенных в исследовании механизмов стратегического управления предпринимательскими структурами на основе инструментов менеджмента качества.

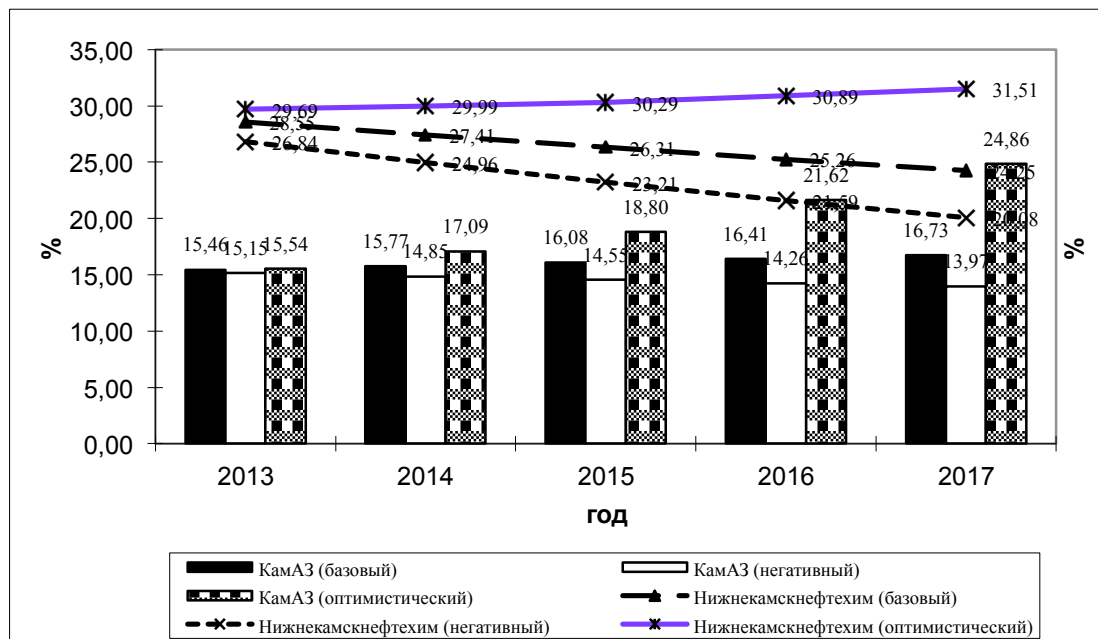

Рис. 1. Рентабельность собственного капитала ОАО «КамАЗ» и ОАО «Нижнекамскнефтехим» в разрезе сценариев на 2013-2017 гг.

Таким образом, интеграция инструментов менеджмента качества в систему стратегического управления предпринимательскими структурами реального сектора экономики с учетом агентского противоречия и агентских издержек обеспечивает положительную динамику показателей финансово-хозяйственной деятельности корпораций, способствует повышению уровня их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, выступает существенным фактором повышения предпринимательской активности.

Gumerov A.V.

IMPROVING THE STRATEGIC MANAGEMENT OF BUSINESS ENTITIES ON THE BASIS OF THE APPLICATION OF THE ADAPTED QUALITY MANAGEMENT TOOLS
In the article the algorithm of applying quality management tools; conducted scenario forecasting of processes of development of business structures in accordance with the methodology developed by the author.

Keywords: entrepreneurship, principal, agent, strategic management, forecasting purposes, TQM.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Василевский, С. Н. Измерение процессов СМК в строительстве / Сергей Николаевич Василевский // Методы менеджмента качества. ... - 2010. - N 2.
2. Каплан Р., Купер Р. Функционально-стоимостной анализ. Практическое применение. Издательство «Дом Вильяме», Москва, Санкт-Петербург, Киев, 2009.
3. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения / пер. с англ. — М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.
4. Капелюшников Р. «Где начало того конца?» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1.
5. Уилер Д., Чамберс Д. Статистическое управление процессами: Оптимизация бизнеса с использованием контрольных карт Шухарта / Дональд Уилер, Дэвид Чамберс; Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Савельева Ж.В., д.соц.н.

zsaveleva@kpfu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

Аннотация: В статье выявляются дискурсивные стратегии конструирования образов здоровья и болезни масс-медиа в дискурсивном контексте дискурсов религии, политики, медицины.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, здоровье, религия, политика, медицина.

Дискурсивные стратегии конструирования здоровья в новостном пространстве российских СМИ.

На основе анализа информационного пространства российских средств массовой коммуникации (далее – СМИ) по базе «Интегрум», контент-анализа и дискурс-анализа новостных (телевизионных и печатных) сообщений СМИ, в ходе исследования, нами были выявлены ключевые стратегии медиапрезентации социальной проблемы здоровья и болезни. Здоровье и медицина как категории наращивают объемы и частоту своего присутствия в российском информационном пространстве на фоне снижения внимания к политике и постоянства – к культуре. Выявлен большой процент сообщений без указания автора, но со ссылкой на другие СМИ в частной прессе – тенденция получает название гипертекстуализации. Нами исследована медиаволновая динамика социальной проблемы, соотношение объема и количества публикаций: рост сообщений не всегда сопряжен с ростом объема статей о здоровье, иногда связан с его уменьшением. Стратегия сенсации и резонанса продемонстрирована количественными и качественными

данными. Стратегия работает на размывание публичной повестки дня об острейших и важнейших с точки зрения политического дискурса заболеваниях. При ее применении приводятся многочисленные примеры противоречивой медиainформации о здоровье (о вреде и пользе тех или иных продуктов, практик, лечений), спорных фактов, приводимых в СМК (например, по поводу кофе, антиоксидантов и др.). Такая ситуация способствует дискредитации объективности науки и самовыбору подходящей интерпретации того или иного аспекта здоровья/болезни в зависимости от предпочтений индивида, его стремления избежать когнитивного резонанса. Апелляция к научным исследованиям происходит без ссылок на источники, авторов, доказательства. Генерализации ученых, максимизации неопределенности служат используемые лексемы (например, «определенный», «часто», «некоторые» и др.), которые должны реабилитировать отсутствие точных данных. Этому же служит обращение к статистике, бюрократизация дискурса здоровья государственных СМК. Обывательский дискурс и дискурс лидеров мнений в медиапрезентациях здоровья и болезни не задействован. Нами проведен анализ географической локализации и экспрессивности настроев медиасообщений. В результате нами выявлены перманентно присутствующие дискурсивные стратегии прогресса (линейного, поступательного движения к лучшему в решении социальной проблемы здоровья) и регресса, характерные соответственно для государственных и частных СМК безотносительно улучшения, ухудшения объективной ситуации в сфере здоровья. Также выявлена гипертрофия медиапрезентаций экономического аспекта в конструировании образа социальной проблемы в «Российской газете» (его минимизация в «Независимой газете»), медицинского и технологического аспектов – в газете «Республика Татарстан». Нами установлено, что моральные и психологические аспекты социальной проблемы поднимаются чаще в статьях, где общей тематикой сообщений является здоровье, а не болезнь.

Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни осуществляется преимущественно через патологию, болезнь. Такая подмена характерна для всех исследуемых изданий и не зависит от вида прессы, уровня издания. Мы делаем вывод о том, что рутинизация модели жизни с болезнью не служит тиражированию паттернов здоровья. Тенденция отсутствия спорта в повседневной жизни россиян соответствует масс-медийной картине, где теме физкультуры отведено мало внимания. Также отсутствует должная проблематизация таких проявлений социальной проблемы, как алкоголизм, наркотизм, травматизм от ДТП. Причем на освещение темы травматизма существует государственный заказ по причине его крайне высоких показателей в России, при этом не наблюдается различия в частоте освещения темы в государственных и частных СМК. Лишь пятая часть статей затрагивает вопросы профилактики заболеваний, и здесь также нет статистически значимых различий между частной и государственной прессой. По результатам исследований иерархия страхов болезни существенно отличается от их эпидемиологической роли в определении смертности, что, в свою очередь, влияет на представления о коллективной/личной ответственности за решение социальной проблемы. Три ведущие причины российской смертности, заболеваемости, инвалидизации – ССЗ, онкология, внешний класс (на которые существует государственный заказ) – фигурируют в повестке государственных СМК не чаще, чем частных. Отличия наблюдаются лишь по классу ССЗ в том плане, что статьи на эту тему в государственных изданиях имеют больший объем. Выявлены жанровые предпочтения частных СМК, а именно освещение динамичных сюжетов на тему здоровья/болезни в форме происшествий.

Нами была прослежена карьера гриппа А/Н1N1: при нарастании объективной угрозы к заболеванию спадает внимание, происходит его натурализация, он сводится к обычному гриппу. Государственные и частные СМК используют тему гриппа для позитивизации и негативизации власти. Нами выявлена динамика использования приемлемых и неприемлемых с точки зрения правозащитных организаций категорий в отношении ВИЧ/СПИДа и людей с ВИЧ-положительным статусом. Мы делаем вывод об уменьшении их дискриминации в масс-медиа в последние годы. На базе кейса об эндокринных заболеваниях (сахарный

диабет) нами была рассмотрена информационная война между частными и государственными СМИ по поводу легитимности отечественных инсулиновых препаратов. Нервный класс заболеваний и психологические проблемы здоровья пользуются повышенным вниманием частных СМИ. Последний вид болезней не входит в официальные конструкции, в связи с чем не проблематизируется государственными медиа. Психологизация здоровья рассматривается как следствие размытости концепта психического и психологического здоровья и развития культуры неонарциссизма с повышенным вниманием к «пси». Также повышенное внимание частных СМИ чаще всего устремлено на мочеполовые, урологические, венерические, а также сексуальные и косметологические проблемы здоровья. Последние вместе с психологическим классом занимают в повестке медиа большее место, чем актуальнейший внешний класс заболеваний (ДТП-травматизм). На фоне этого проблематизируются и различные диковинные болезни, что приводит к выводу о том, что, конструируя социальную проблему здоровья и болезни, СМИ подвергают опасные классы заболеваний символической эксклюзии, а несущественные – гипертрофии. Стратегия медикаментизации (упоминания о лекарствах и медикаментах встречаются в два раза чаще в государственных СМИ) проявляется в том, что здоровье и его показатели (заболеваемость, продолжительность жизни) в дискурсе масс-медиа представляются, как достижимый эталон исключительно через лекарства, медицинские препараты. Такой подход ориентирует интерпретации здоровья через потребление таблеток. Таким образом, здоровье не расценивается как результат собственных усилий человека, поддержания им здорового образа жизни. О тенденции медикаментизации свидетельствует частое обращение к теме способов лечения (63,9%), где лидером является таблетированный (35,7%) и хирургический (19%) варианты. К негативным эффектам медикаментизации можно отнести укрепление веры в фармпрепараты как универсальное средство восполнения ресурса здоровья, содействие бесконтрольному приему препаратов, БАДов, пассивизацию роли индивида и его образа жизни в деле сохранения здоровья. (Это подтверждается данными РМЭПЗН о практиках потребления россиянами лекарств.)

Причины и пути решения социальной проблемы в дискурсе масс-медиа: патернализация и либерализация здоровья и болезни.

Процентное распределение факторов здоровья (50% зависит от образа жизни, 20% - от наследственности, 20% - от экологии, 10% - от медицины) и их вариации из уст экспертов (80% - зависит от образа жизни, 50-70% - от экологии) рассматриваются как идеологические конструкты, акцентирующие перенос ответственности на индивида. Конструкт символически вытесняет из первого фактора (образ жизни) такую составляющую, как социально-экономические условия. При этом дискурс масс-медиа, несмотря на либеральные идеологические устремления власти, воспроизводит такую символическую модель реальности, в которой внешние причины нездоровья преобладают над внутренними, порожаемыми действиями индивида. Стратегия либерализации более выражена лишь в издании «Республика Татарстан», которое чаще обращается к причинам человеческого фактора. Внешние причины социальной проблемы здоровья усматриваются чаще всего в экономике (17,5%), политике государства (12,7%), медицине (7,7%), наследственности (2,6%), экологии (1,7%). Нами рассмотрены дискурсивные стратегии негативизации власти через техники карикатуризации, иронизации, избирательности фактов, мнений, негативного сравнения, перемещения факта в негативную интерпретацию. Что касается субъектов решения социальной проблемы, рисуемой в символической реальности медиа, то здесь государство и медицина примерно в 3,5 раза опережают по частоте упоминаний индивидов и институты гражданского общества. В моделях будущего роль «разрешателя» проблемы сохраняется за теми же субъектами и примерно с тем же распределением. Активность пациента, индивида в деле решения проблем здоровья не имеет различий в государственной и частной прессе. Государство как субъект решения проблемы чаще фигурирует в государственных изданиях (58% по сравнению с частными 28,9%). Мы установили, что в тех сообщениях, где государство выступает

субъектом решения проблемы, именно болезнь, а не здоровье чаще является тематикой сообщения. Посредством качественного анализа нами выявлены дискурсивные стратегии создания позитивного образа государства: переигровки из минуса в плюс, стратегия заботы и эмпатии в условиях препятствий (экономического кризиса), натурализация (негативное явление рассматривается как естественный, неизбежный процесс), стратегия позитивного сравнения (у нас лучше, чем у них). Последняя стратегия в российской прессе реализуется через сравнение с зарубежной медициной и здравоохранением, политикой, в татарстанских СМИ – через сравнение с российской медициной. Позитивизация и негативизация как противоположные стратегии демонстрируются на примерах интерпретации гепатита, ПНП «Здоровье», системы дополнительного лекарственного обеспечения. Стратегия негативизации власти, политики здравоохранения в частной прессе достигается через негативное сравнение (у нас хуже, чем у них), причем «Независимая газета» осуществляет стратегию через сравнение с другими странами, «Вечерняя Казань» сетует на негативную исключительность Татарстана в российском контексте. Помимо экспертов, разделяющих установку на перенос ответственности за социальную проблему здоровья и болезни на пациента, существует множество зарубежных и отечественных ученых, экспертов, социологов, которые настаивают на антилиберальных трактовках, предостерегая от переоценки возможностей отдельного человека для благополучия в сфере здоровья. Среди них, в частности, Э.Гидденс, Д.В.Михель, В.И.Стародубов и др.

Нами изучена медицина как субъект ответственности и решения социальной проблемы здоровья. Помимо количественных показателей, свидетельствующих о лидирующих позициях медицины в качестве источника дополнительной информации медиасообщений, выявляются дискурсивные стратегии создания образов медика и медицины – героев, жертв и антигероев. Сообщения о медицине сопряжены с тематикой болезни (со «здоровьем» связь отсутствует). Связь позитивизации образов медицины в зависимости от вида СМИ выявлена (в отношении государственных изданий), связи негативизации – не выявлено. В разы чаще тиражируется образ бесплатной медицины. Это средство позитивизации власти в условиях надежд граждан на повышение доступности, бесплатности медицинских услуг и помощи. Однако PR бесплатности задает установки, не соответствующие либеральной подкладке политического дискурса о здоровье. Платная же медицина помещается в негативный контекст (сопряжение с признаком «пессимистический настрой» показывает наличие связи). Символический образ пациента, рисуемый СМИ, это преимущественно женщина, помещенная в контекст медиасообщения о болезни. Образ женщины имеет статистическую связь с акушерством, онкологией, образ мужчины – с мочеполовой системой и ССЗ. Частота упоминания в качестве пациентов различных возрастных групп имеет следующую иерархию: чаще всего упоминается детское здоровье (22%), остальные возрастные группы – пожилые (4,4%), молодежь (4,2%), люди среднего возраста (2,2%) – по частоте упоминаний заметно уступают.

Медикализация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации: дискурсивное конструирование нормы и патологии. Нами была проанализирована специфика рекламной коммуникации в создании образов здоровья и болезни. Анализ предварялся определением роли рекламы в условиях нынешнего состояния реальности: выделены такие ее черты как персонификация, идентификация, релаксации, депривация индивида, маргинализация свойств товаров и услуг и ряд др. Реклама рассматривается дуально, как зеркало социальных отношений, ценностей общества и как их творец, задающий эталонные социальные модели, насаждающий товарный фетишизм, переводящий символическую систему (первичный уровень потребления) в социальный маркер статусов и престижа. Выявляется ограниченность позитивистских исследований функций рекламы средств, связанных со здоровьем. Также выявлена инструментализация здоровья в рекламе (его превращение в средство для достижения других благ), эстетизация (отождествление здоровья с красотой, внешней привлекательностью), относительность границ в определениях границы

нормального и патологического в состояниях организма, тела, кожи, превращение данных состояний в знаковую систему. Выявлена гендерная специфика дискурсивных стратегий. Дискурсивные стратегии заботы/щедрости, симуляционной рациональности, научности, маргинализации, натурализации могут иметь деструктивные последствия для здоровья. Социальная реклама о здоровье, использующая эстетические и репрессивные стратегии конструирования образов нормы и патологии воспринимается нами критическом ключе.

Конкурирующие дискурсы о здоровье и болезни: смысловой репертуар значений социальной проблемы.

В ходе исследования нами обоснован выбор трех ключевых сфер – медицины, религии, политики, – участвующих в публичной риторике по определению здоровья и болезни. Медицина проанализирована как дискурс, который монополизировал здоровье в силу удачной профессионализации и успешной борьбы с инфекционным классом заболеваний, символически исключив другие науки, институты, в частности семью и религию. Частичная либерализация, уход государства и здравоохранения из сферы охраны здоровья, перекалывание ответственности за здоровье с общественно-государственных институций на индивида приводит к тому, что медицина становится интердискурсивной. Здоровье в континууме личная/общественная (социальная) проблема претерпевает откат к дододерным, примордиальным формам интерпретации: будучи целостным (неделимым на психическое/соматическое) феноменом в традиционном обществе, определяемым через распределение силы в теле, в монотеистическую эпоху здоровье обозначается через грех, а в обществе Современности – через механистические, физикалистские интерпретации позитивной медицины. Сегодня в условиях поздней Современности трактовки медицины уличаются в дисциплинарности, контроле, самореферентности, замкнутости и закрытости от публичного контроля, теряется сверхлегитимность высказываний медицинского корпуса знаний, проводится рефлексия относительно рисков, порождаемых медициной. На примере смены интерпретаций о беременности, родах, практиках постродового периода, ухода за младенцем можно продемонстрировать относительность медицинских рекомендаций. Подобно беременности и родам, детство, старость, смерть можно рассматривать с точки зрения медиализации и подвергать определенной критике. Обыватели массово обращаются к нетрадиционной (народной, восточной, экстрасенсорной и др.) медицине, самолечению, что говорит о разрушении рациональной биомедицинской модели болезни. Социальные мыслители обращают внимание на медицинскую экспансию в поле социального, усугубление экзистенциальных проблем личности, побочные эффекты, фармацевтическую интервенцию, стандартизованность, репрессивность медицины; особой критике подвергается психиатрическая наука, которая медиализует пограничные состояния (гиперактивность, гиперсомния, гиперхондрия и т.п.). Медицина под воздействием перечисленных тенденций становится плюралистичной, гуманизируется.

Религия в условиях определенной клерикализации возвращает себе утраченное право на определение здоровья и болезни. Анализ мусульманских и православных интерпретаций социальной проблемы нами предваряется экскурсом в основы религиозной антропологии. Религиозные модели объяснения болезни следующие: болезнь как кара Бога за грехи, как время посещения человека Богом, как форма устрашения, как норма, как происки нечистой силы, как западная зараза, как испытание и благодать. С позиции двух значимых для россиян конфессий выявлена специфика данных интерпретационных моделей в Исламе и Православии. Последовательно выявляются и согласования, напряжения и противоречия дискурсов в интерпретации здоровья и болезни и легитимных способов лечения, поведения заболевшего и его окружения в таких отраслях медицины и парамедицины, как диетология, неофициальная медицина, психиатрия и психология, эстетическая медицина, генетика, трансплантология, гинекология, геронтология, сексология, валеология, спортивная медицина. Репродуктивная медицина становится объектом символических битв между православным и экспертным, социологическим знанием. Сопряженные ориентации на

патерналистскую модель болезни объединяют дискурс религии с масс-медиа.

Политический дискурс на примере региона был проанализирован нами на базе программных документов РТ. В результате выявлена либеральная подкладка государственного проектирования по управлению сферой охраны здоровья. ГиперPR роли государства в деле охраны здоровья, громкие высказывания об экономических вливаниях в политику в сфере здравоохранения, осуществляемые через дискурс государственных масс-медиа, противостоят скрытым либеральным интенциям государственных программ. В рамках последних, как показывает качественный анализ текстов, модернизация и оптимизация системы здравоохранения видится в сокращении количества участковых больниц, коек в стационарах, в развитии стационарозамещающих технологий, в долечивании на дому, в сокращении длительности лечения, в распространении частнопрактикующей медицины, в соплатежах населения, в страховании здоровья за счет средств граждан, в расширении платных медицинских услуг, в снижении использования дорогостоящей медицинской помощи, в ориентации на сохранение здоровья здоровых граждан.

Saveleva Z.V.

CONSTRUCTING THE SOCIAL PROBLEMS OF HEALTH AND DISEASE BY MEANS OF MASS COMMUNICATION IN PRACTICAL CONTEXTS

The article identifies the discursive strategies of constructing images of health and disease of mass-media in the discursive context of discourses of religion, politics, medicine.

Keywords: mass media, health, religion, politics, medicine.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. D'Houtard A., Field M. New Research on the Image of Health in Concepts of Health? Illness and Disease: A Comparative Perspective . Oxford, 1996
2. Moatti J.-P., Dab W., Bastide S. Perceptions individuelles et collectives des risqué pour la santé en Ile de France // Les Representations de la Sante. Bilan actuel, nouveaux developments. – Paris: INSERM, 1988.
3. Stacey M. Health concepts: English language research of the last five years // Les Representations de la Sante. Bilan actuel, nouveaux developments. Paris: INSERM, 1988
4. Базы данных RLMS-HSE: URL: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (20.01.2011)
5. Барг А.О., Несевря Н.А. Социальные факторы риска здоровью: теоретико-методологические проблемы анализа // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2010. Выпуск 1 (1).
6. Беляева А.В. Критерии воспитания здорового образа жизни молодежи // Поиск. 2008. №3
7. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008
8. Богачинская Н.Н. Образ жизни медицинских работников амбулаторно-поликлинических учреждений // Социология медицины. 2008. № 2

9. Бодрова В.В. Отношение населения к здоровью и здравоохранению // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.
10. Бойков, В. Э. Здоровье как базовая ценность в сознании и быту российского населения // Социология власти. 2009. № 2.
11. Валеева Э.Р., Степанова И.В. Организация питания в общеобразовательных учреждениях г.Казани // Здоровье человека в XXI в. Т.1. Казань, 2010
12. Верименко Ю.В. Социологическая интерпретация здоровья // Социальные проблемы. 2008. URL: <http://socprob.ru/2008/sotsiologicheskaya-interpretatsiya-zdorovya.html> (10.08.2011)
13. Дубинина А.И. Медицинское обслуживание и лекарственное обеспечение в системе здравоохранения современной России // Вестник РГГУ. 2009. № 2
14. Доника А.Д., Сергеева Н.В. Лидерство в медицинской профессии: проблемы социолого-психологического анализа // Социология медицины. 2010. № 1.
15. Звонарева А.Е. Женское здоровье и семейная политика СССР: специфика репрезентаций в советских СМИ // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010.
16. Здравомыслова Е., Тёмкина А. "Врачам я не доверяю", но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Доверие и здоровье: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: ЕУ в Санкт-Петербурге, 2009
17. Зыятдинов К.Ш., Сабирзянова Г.Е., Хайруллина Л.М. Медико-демографическая ситуация населения РТ // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010
18. Иванова Л.Ю. Факторы, влияющие на готовность людей рисковать здоровьем ради заработков // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010
19. Иванова Л.Ю. Удовлетворенность возможностями получения медицинской помощи // Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности. М.: Маска, 2008.
20. Ковалева М.Д., Кузнецов А.В. Доверие врачам: позиция СМИ и позиция пациентов // Биоэтика. 2009. №4.
21. Кузнецова-Моренко И.Б. Здоровье в контексте самосохранительного поведения и семейных практик (на примере РТ) // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010.
22. Лежнина Ю. П. Роль здоровья в борьбе с бедностью и эксклюзией у пенсионеров // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: Вариант, 2008
23. Ляйбольд Ш., Соловьева С.В. Здоровье как товар? Экономические и этические границы экономизации и приватизации системы здравоохранения в Германии // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010.
24. Мамонова О.Н. Профессиональная самоидентификация российских врачей: вызовы времени и перспективы Поиск. 2008. №4;
25. Мансуров В А, Юрченко О В. Профессиональная идеология альтруизма российских врачей // Вестник Института социологии. 2010. № 1

26. Мейлахс А. Неслышные переговоры, невидимые связи: выбор способа предохранения и отношения между партнерами // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: ЕУ в Санкт-Петербурге, 2009
27. Михель Д.В. Социальная антропология медицинских систем. Саратов: Новый проект, 2010
28. Мухарьямова Л.М., Кулькова В.Ю. Новые подходы, старые проблемы: формирование стратегии реформирования регионального здравоохранения // Управление здравоохранением. 2009. № 2
29. Радченко О.Р., Сабитова О.В. Стереотипы питания мужчин, имеющих проблемы с зачатием // Здоровье человека в XXI в. Т.1. Казань, 2010
30. Решетников А.В., Ефименко С.А. Медико-социологический мониторинг как инструмент современных технологий в управлении здоровьем пациентов// Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности: сб. ст. М.: Маска, 2008
31. Савина М.С. Влияние статуса семьи на состояние питания детей школьного возраста в Республике Саха // Здоровье человека в XXI веке. Казань: Отечество, 2008.
32. Судьин С.А. Health beliefs: культура и здоровье. Исследовательские перспективы в современной России // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010
33. Тузиков А.Р. Государственное проектирование общественного здоровья в России сквозь призму социологии. Казань: КГТУ, 2009
34. Уолкер Дж. К вопросу о психическом здоровье // Здоровье как ресурс. Н.Новгород: Нисоц, 2010
35. Файзуллина Р.А., Хасанова А.М., Федорова Е.В. Предотвратимые потери здоровья детей при заболеваниях органов пищеварения // Здоровье человека в XXI в. Т.1. Казань, 2010
36. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной смертности в России. М.: URSS, 2010.
37. Шангареева З.С., Погорцельцев В.И. Актуальные проблемы питания населения // Здоровье человека в XXI в. Казань, 2010
38. Шаповалова О.А. Средства массовой информации как механизм формирования ценностного отношения населения к своему здоровью: теоретико-методологические основы анализа // Социология медицины. 2008. № 2
39. Шилова Л.С. Отношение населения России к модернизации здравоохранения// Управление здравоохранением. 2009. №24
40. Шилова Л.С. Получение медицинских услуг и модернизация здравоохранения // Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики / Под ред.Е.Р. Ярской-Смирновой, М.А.Ворона. М.: Вариант, 2009
41. Шклярчук В.Я. Самосохранительное поведение в молодежной среде // Социс. 2008. № 10
42. Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб.: Алетейя, 2008
43. Чебанов С.В. Лечебные практики: типология и современная ситуация. URL: http://www.rpri.ru/materials/chebanov1.htm#_ftn15 (25.08.2011)

Сайкина Г.К., д.филос.н.

Guzel.Saykina@ksu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

МЕТАФИЗИКА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДЕЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО

Аннотация: Статья посвящена осмыслению метафизики человека как социального феномена и ее способности незримо продуцировать определенные социальные эффекты, влияющие на способ присутствия человека в социальном пространстве.

Ключевые слова: метафизика, человек, онтология, бытие, социальность, интерпассивность.

«Метафизическое рождение человека: постановка себя в Начало и возвышение над «фюсисом»».

Человек «рождается» особым – метафизическим – рождением, которое по существу есть свободное творение человеком самого себя. Метафизическую встречу с самим собой за человека не может организовать никто другой; никакая внешняя необходимость не может принудить человека быть мета-физичным; нельзя им стать, эксплуатируя чужой труд и не прилагая собственных усилий. Человек как метафизическое существо есть «само-родок»: уникальный и сам себя родящий. В качестве онтологической родины человека определены акты веры, любви, совести, мышления, творчества, выпадающие из череды природных явлений, линии повседневности; в них человек ставит себя в начало и утверждает как начало самого себя.

Метафизическая способность человека к самотворению позволяет ему быть своего рода «первоначалом» по отношению к себе и к миру в целом, строить актами начинания собственный порядок. Человеческое событие начинания (зачина) – это удар прежде всего по природной

необходимости, это «трещина» в мире природы. Оно не может совершаться по природным законам, а совершается в соответствии с измерением свободы. Способность быть началом возвышает человека и над социальностью (над ее застывшими формами). С другой стороны, социальные стороны человеческого бытия сами могут быть рассмотрены именно как реализация способности человека к начинанию, как продукт человеческого «могу». Метафизика человека, безусловно, является фактором организации пространства социальности и создает собственно социальный эффект.

Метафизически человек не произрастает ни из чего, обязан только самому себе, поэтому не имеет генезиса, истока и истории. Метафизическое рождение порывает со всеми принципами «фюсиса», со всеми натуральными сцеплениями (или со сцеплениями, принимающими вид таковых). Напомним, что в соответствии с принципами «фюсиса» (выведенными автором прежде всего на основе смыслов древнегреческого слова «φύσις») нечто становится таким образом, что длится, протягивается исходное, то, что уже заложено в этом нечто. Иначе говоря, развитие по принципам «фюсиса» буквально означает произрастание из своего естества, из того, что уже есть и дано от природы; при этом уклониться от данной логики природному существу практически невозможно. «Фюсис» вещи разворачивается в силу заложенной необходимости и не требует никаких дополнительных усилий. Напротив, сверх-природное (метафизическое) рождение человека характеризуется тем, что он творит себя собственными привнесенными (целенаправленными) усилиями, причем при условии овладения собственной сутью. В этом контексте можно сказать, что природа человека однозначно недо-человечна. Мы называем человека «выкидышем» природы, ее мертворожденным дитя: для того чтобы стать человеком, природа в нем должна умереть. Но должно умереть и то, что начинает жить по принципам «фюсиса» (то, что превратилось в привычку, внешним, стихийным образом обуславливает человека). Это может быть и инкорпорированное социальное содержание, и прошлый метафизический «опыт», которые не дают человеку двигаться вперед, тормозят акты последующих метафизических рождений. Тем самым метафизика не терпит никакой «субстантивации» человека, окостенения его в определенном качестве.

Метафизика связана с инициативностью человека и есть проявление его свободы, однако человека нередко преследует «захваченность» метафизическими феноменами, действующими как неуправляемые стихии: любовь приходит, когда захочет («пришла пора, она влюбилась»); мысль обурекает и диктует свои права; вера оказывается не продуктом выбора, а верой «по крови». Сложно назвать проживание метафизического содержания в такой форме («событием»): меня как субъекта в данном случае нет, поэтому нет и со-бытия. Эти чувства «произрастают» (как в области «фюсиса») из обстоятельств. Стало быть, существуют два способа проживания метафизического содержания: стихийный (природный) и собственно метафизический (событийный). Однако человек актом воли может осуществить перевод стихийного проживания метафизического феномена в собственно метафизическое событие. Стихийное состояние очень напоминает действие законов сферы «das Man». К данному классу можно отнести и рессентиментные чувства, которые проявляют себя лишь в качестве ответа, ре-акции на то или иное событие, некоего «после-чувствия» и не позволяют человеку начать что-то сначала.

Определяющим для метафизического события является поэтому не столько сам факт встречи с «метафизическими» по своей природе феноменами, сколько то, как происходит эта «встреча», как распредмечивается метафизическое содержание, с какими смыслами и целями. Важно не просто мыслить, любить, делать добро, творить, верить, важно то, что проживание этих чувств должно возвышать человека над самим собой как эмпирическим существом. Стихийные состояния пребывания в метафизическом пространстве, как правило, не приводят к перерождению человека. Из-за своей спонтанности и «природного» характера они в большинстве случаев оказываются эгоистичными, а потому в них человек лелеет свое «эго», свои чувства, а не преодолевает себя. В принципе поступки, из которых человек

не извлек никакого урока и которые не привели ни к каким позитивным трансформациям, можно считать именно эмпирическими. С нашей точки зрения, в метафизике всегда важно активное начало, идущее собственно от человека, поэтому она всегда есть акт. Не случайно слово «акт» происходит от слова «архе» (начало). Метафизическое рождение исполнено смысла только как актуальность, вне которой теряет свой смысл.

Метафизический акт характеризуется следующими свойствами: исполнением, а не производством или созданием, что придает ему завершенность, внутреннюю оконченность, черты произведения; целостностью присутствия человека, утверждением его как активного начала и предельностью его усилий; событийностью, а значит, утверждением человека в нераздельности с бытием, что является основанием самоуверенности человека; совершением в самой сущности человека, в его первооснове; способностью поднимать человека до уровня родовой всеобщности и трансцендировать к Иному. Метафизическое событие исполняется от «первого лица». Его нельзя подготовить (воссоздать искусственно, превратить в производство, конвейер и тираж), ему нельзя научить. По большому счету оно открывает нам бытие и нас для бытия и исполняется как акт в бытии.

Метафизика как работа по преодолению разрыва «эмпирического» и «онтологического» человека.

На основе анализа «механизма» метафизического акта покажем опасность абсолютного разведения эмпирического и онтологического срезов существования человека. По законам метафизики человек – существо невозможное: без необходимого метафизического усилия он не состоится как человек. К области невозможного прежде всего относятся метафизические события, которые, по словам М.К. Мамардашвили, как таковые невозможны в рамках этого мира (просто не могут быть как «чистые» явления), но они все же «случаются». «Невозможность» метафизического акта, особенно в аспекте, «каким он должен быть», разворачивает его полностью в сторону онтологической области, однако экзистенциально важно и то, как метафизический акт может эмпирически случаться, превращаться человеком в возможное.

Можно оспорить традиционную точку зрения, согласно которой обязательными условиями вхождения человека в метафизическое состояние являются полнота и собранность как онтологические структуры человека. Правомерной может быть и другая логика: если я уже полный, если онтологически метафизическое содержание во мне уже есть, то я могу и не прикладывать никаких усилий для метафизического рождения. Полагаем, что метафизическая потребность возникает именно у «эмпирического» человека, ведь именно он хочет «выпрыгнуть» из эмпирии в «иное» измерение, компенсируя собственную «нехватку». При этом «голая» эмпирия сама по себе, без усилия со стороны человека, не гарантирует прихода метафизического события.

Модальность «невозможного» в метафизическом сбывании человека проистекает из следующей дилеммы: с одной стороны, человеку необходимо редуцировать себя до «нулевого» состояния, разорвав все связи (временные, пространственные, социальные, культурные, внутриличностные), а с другой стороны, сделать себя полным, собранным. И «снятие» этой дилеммы происходит в каждом подлинном метафизическом акте. Дело в том, что метафизическое рождение предполагает одновременное (одноактное) присутствие редукции («нулевого» состояния или состояния «еще не...») и полноты (состояния «уже-свершения»), которые, несмотря на неразложимость метафизического акта, можно определять условно в качестве элементов его механизма.

Для метафизического сбывания необходимо отринуть все эмпирическое в себе, отказаться от своей устоявшейся идентичности. Мамардашвили определяет данные действия как «редукцию» человека. Редукция, рас-сотворение, необходимость «разучиться», очищение – это все смысловые аналоги. В этом плане необходимым моментом метафизического сбывания человека оказывается раз-бирание человека (но не стихийное, а осознанное, целенаправленное: необходимо разобрать себя на человеческое и

нечеловеческое, на собственное и привнесенное, на метафизическое и натуральное, а потом собрать свое собственное метафизическое содержание в качестве человеческой формы). Редукция как своеобразное умирание человека производится для того, чтобы возвести себя в состояние «простого смертного», характеризующееся безразличием к социальным определениям человека и одновременным выходом в универсальное – человеческое – измерение.

При этом, согласно достаточно распространенному принципу объяснения метафизики человека, в нас как будто («als ob») всегда заранее есть нечто, что уже «мета-физично» по своей сущности. Можно назвать это метафизической «физикой» – онтологией метафизического. Так, согласно известной библейской истине: если ты ищешь Бога, значит, ты его уже нашел. По аналогии с этим принципом можно мыслить мышление: если ты хочешь что-то понять, значит, уже понимаешь; для того чтобы полюбить другого, нужно уже любить себя. По всей видимости, именно это «уже» создает ощущение предвосхищающей метафизическое рождение полноты человека и изначального нахождения человека в онтологическом пространстве. Состояние «уже» – это, возможно, обнаружение в себе некоего «знания» о «чистых» метафизических актах, которое мы всегда держим в уме, сверяя свои реальные действия с ними. Оно может быть аргументом для отстаивания идеи определенной «встроенности», «вдвинутости» онтологического человека в эмпирического человека, их сосуществования. Состояние «уже» тем не менее не означает существования какого-то «опыта» совершения метафизических актов, и в этом смысле человек все так же находится в «редуцированном» состоянии. Так, в истинные метафизические события внедрены особые метафизические сомнения: а мыслишь ли ты на самом деле, веришь, любишь, творишь ли по-настоящему, добро ли это? Они символизируют непрерывную редукцию. В связи с этим для человека, совершающего метафизические акты, важно еще постоянно удерживать себя в лиминальном состоянии: состоянии «уже не... – еще не...», что делает возможным постоянно начинать метафизику сначала.

У С. Кьеркегора есть интересные описания «метафизических движений» («рыцаря веры»). Он сравнивает метафизику «рыцаря бесконечности» с «прыжком» вверх, с полетом танцора, задача которого вернуться в определенное положение, причем так, как будто это положение заранее уже содержалось внутри прыжка. Когда рыцарь падает, он немного медлит, что доказывает, по его мнению, что он чужой в этом мире. Кьеркегор отмечает одну важную деталь: только «рыцари бесконечности» способны «падать так, чтобы в ту же самую секунду создавалось впечатление, будто они стоят или идут, превращать прыжок всей жизни в своеобразную походку, находить утонченному абсолютное выражение в пешеходных привычках»[21]. «Рыцарям веры» ведомо блаженство бесконечного, но главное – они умеют получать вкус от конечного. Кьеркегор, как мы полагаем, сумел заметить неразрывную связь метафизического с эмпирией, причем не только предпосылающую, но и последующую. Он обращает внимание на то, что вызванная прыжком трансформация проявляется и далее в повседневном существовании человека, меняет ее, преобразуя новизну состояния в нечто естественное.

Осуществление метафизического события, с одной стороны, требует от человека раздвинуть эмпирию, остановить ее ход, совершить «прыжок», а, с другой стороны, должно изменить саму эмпирию, сделать повседневное «течение» жизни другим, в соответствии с произошедшим внутренним преображением. Приумножение бытия возможно только через приращение метафизического в самой эмпирии (бытие уже «есть») и не нуждается в улучшении, а сущему всегда недостает бытийственности). Именно так метафизическое и можно сделать «эмпирией», обыденностью – «пешеходной привычкой», «походкой жизни». Метафизическая работа состоит в «протягивании», «длении» метафизического события и во «втягивании» его в повседневность, что в конечном итоге направлено на «снятие» разрыва между «эмпирическим» и «онтологическим» человеком. По сути способность метафизики человека встраивать друг в друга эмпирию и бытие является основанием для поиска социального потенциала метафизики.

Постоянная готовность к метафизическому событию необходима именно потому, что в будничном течении жизни нет «места» для метафизики, если ты сам его не сотворишь, не высвободишь. Если человек всецело отдается плавному ходу эмпирии, то он никогда не заметит, что не успел вовремя сделать добро, не рискнул полюбить, помыслить с «нуля», не затратил усилий, чтобы понять другого. При этом, на наш взгляд, требуется коррекция «онтологического» правила, согласно которому метафизическое событие возможно только с твоего «единственного места» (М. М. Бахтин). Бытие совместно, а значит, метафизику добра может совершить кто-то другой (но не обязательно вместо тебя, а за себя самого), а ты будешь и дальше вяло шагать по своей повседневности.

Человек как усилие быть Человеком: метафизика - область «очищенной» человечности. Сущностное свойство метафизического акта: он осуществляется на универсальном, всеобщем уровне – некой «очищенной человечностью». Метафизические события совершаются на пределе человеческих возможностей и потому обнажают нашу подлинность. Собирая себя, человек соприкасается с всеобщим, проявляет себя как универсальное существо. В нем просыпается собственно человек. В принципе для метафизического сбывания безразличным является социальный, возрастной, национальный, гражданский статусы человека; оно происходит даже вопреки данным качествам. Целостная (а не функциональная, частичная) вовлеченность человека в метафизические акты в свою очередь требует и отношения к другому человеку как к целостности, обнаружения в нем человечности. В метафизических актах выбор себя, по мнению С. Кьеркегора, означает «выбор выбора», «выбор Абсолюта», который сам есть выбор себя («в вечном значении человека»).

Совершая метафизические акты, человек подтверждает свою человечность, а не определенный статус, и тем самым освобождается от собственной частичности. Посредством метафизики происходит определенное «ощельнение» человека: она достраивает человека-функцию, возникшего в сфере общественного разделения труда, до целостного человека. Так, не всегда в собственно общественных отношениях человек может выступать как целостность и субъект (как самоосновное начало, всецело зависящее от собственных решений). Метафизика как будто возвращает человеку похищенную социальностью субъектность; в ней он не функционер, а свободное существо (первоначало, архэ). Она и спрашивает с человека так, как будто он полноправный субъект в труде, поэтому он не может быть «плохим профессионалом» только по причине того, что его деятельностью распоряжается кто-то другой. Именно в таком смысле можно говорить об избыточности метафизики человека для социального организма, а также о ее принципиальной неотчуждаемости от человека, нефункциональности и неутилитарности. Метафизика способна компенсировать ущербность человека, отчуждение в социальных отношениях; в этом и состоит ее высший социальный смысл и потенциал. Возводя человека до уровня родовой всеобщности, она обращена именно к основаниям сущего, к основаниям социального.

Несмотря на то, что метафизический акт надэмпиричен, а метафизические переживания даются только на уровне внутренней самоочевидности, он, как ни странно, является своего рода презентацией человека в социальном пространстве, своеобразным про-ступанием (проявлением) человеческого лика на сцене бытия. Мы обнаруживаем человека, когда он совершает поступок, делится мыслью, завораживает искренностью своей веры, любит или творит. Метафизический акт, как истина, высвечивает правду о человеке. Он работает с «ничто», но удивительно, что именно в нем человек действительно подлинно есть: есть как некий «эйдос» человека и самого себя. Не случайно в концепции Х. Арентс сама действительность поступка, слова и мысли зависит от человеческого присутствия, от «человеческой множественности». Тем самым метафизический акт требует не просто живой личностной формы воплощения, но и живого – актуального – общения.

Для того чтобы человек сбился и пребыл целиком, необходима реализация принципа «метафизического

круга». В соответствии с ним метафизические сущности обнаруживают внутри себя некое единство и взаимопринадлежность: при реализации одной метафизической сущности актуализируются другие. В итоге они все будто существуют одновременно: нельзя быть нравственным без любви или неосознанно; мысль можно рассматривать как поступок и как эстетическое событие; философствование предполагает философскую веру и любовь к истине; творчество дарует счастье; любовь невозможна без ответственности за себя и другого; вера жаждет еще и понимания... Каждый метафизический акт стремится к совершенной форме, а потому и к включению в событие по возможности всех метафизических сущностей.

Человеку, в определенной мере всегда онтологически недостаточному, достичь всеобщности и полноты помогает трансценденция – выход за пределы своей частной и частичной позиции через устремленность к иному. Мы считаем, что трансцендентный мир так же требует присвоения, как и социальный. Трансценденцию можно определять по аналогии с социализацией – как присвоение трансцендентных ценностей и инкорпорирование их во внутренний мир, превращение в имманентность. Метафизический акт можно определять как единство трансценденции (выхода за пределы сущего) и эксценденции («исхождения из бытия»).

Несмотря на то, что концепт трансценденции изначально исходил из социального одиночества трансцендирующего человека, его можно укоренить и в социально-философском дискурсе. В современной философии фактически именно Другой помещается в область трансцендентного, поэтому intersубъективность можно рассматривать как трансценденцию. По Ж.-П. Сартру, Другого невозможно конституировать, его просто встречают. Следовательно, с ним можно именно общаться и составлять определенную общность. Трансцендирование может совершаться в двух разных измерениях: в направлении «вовне» и в направлении «вовнутрь» (С. Франк). По Франку, трансцендирование «вовне» есть трансценденция к Другому «я»: в отношении «я-ты» и в бытие «мы». Трансцендирование «вовнутрь» обозначается им как трансцендирование в объективность, а не в субъективность, причем под ней понимается духовное бытие. Отметим, что, согласно Франку, первая форма не может в полной мере избавить и спасти человека от собственной субъективности, поэтому и необходимо трансцендирование в духовное бытие. В целом глубинный смысл трансценденции заключен не столько в трансценденции к Иному, сколько в трансценденции к самому себе, к «человеческому в человеке», но именно выход на уровень родовой всеобщности позволяет избежать «самоцентризма» (Г. Марсель), рас-соединяет с собственной узостью.

Социальные ресурсы онтологии человека.

Обоснуем возможность социально-философского анализа онтологии человека. Мы отталкиваемся от достаточно продуктивной постановки проблемы бытия Ж.-Л.Нанси: он предлагает вопрошать о «сообществе бытия», а не о «бытии сообщества». По его мнению, бытие – это то, что роднит нас с другими, что мы разделяем с другими, но при этом не есть общая собственность; оно «совместно», что подразумевает разделяемость и коммуницируемость смысла. Совместность требует не просто коммуникации, а сообщества, последнее же и появляется в результате «отчетливого разделения смысла». Важным моментом его концепции является утверждение о том, что бытие не может быть дано само по себе, оно дано в модальности «обращенности к», как «экс-позиция». При этом «mit» не квалифицирует Sein и Dasein, а лишь конституирует. В таком случае можно, на наш взгляд, утверждать, что «mit» имманентно до такой степени, что не вырывается на уровень предиката.

Встреча с бытием, подлинное присутствие, согласно М. Буберу, происходит в самом «отношении» – в отношениях «Я» и «Ты». Получается, что отношение или встреча и создают бытие. Однако не всякое отношение обретает статус подлинного. Метафизика человека способствует осознанию того, что подлинная связь (а именно взаимность) между людьми держится только бытийствующим человеком и невозможна в анонимности общения. Бытие в таком случае выступает как основание межлических связей и

отношений.

На наш взгляд, с точки зрения онтологии как таковой самостийным родом сущего является человек, а общество является формой организации человеческого существования, способом устройства отношений человека с другим человеком. Общество представляет собой способ бытия человека, причем единственно возможный для поддержания истинно человеческой формы человека. Однако общество бытийственно лишь постольку, поскольку есть человек как онтологическая единица мира. При ином подходе мы обязательно будем впасть в логическое противоречие: у нас появятся две независимые, непересекающиеся области – онтология человека и онтология общества, как будто человек и общество существуют отдельно друг от друга.

В онтологическом смысле (а онтология всегда обращена к подлинной форме) общество призвано быть способом связи между подлинными людьми, следовательно, должно быть не стихийной связью, а осознанным произведением людей, продуктом их метафизического труда. Кроме того, общество должно соединять людей, а не разделять, сближать, а не отдалять. По сути бытийная модель общества предстает не столько как определенное состояние общества, сколько как необходимое метафизическое допущение, позволяющее живому индивиду жить и оправдывать свое существование, как некая структура, удерживающая человека в человеческом состоянии, а значит, и лежащая в основании процессов функционирования общества именно как человеческого.

Важным для нашего анализа стал подход К.С. Пигрова, заключающийся в вычлениении «позитивной» и «негативной» сторон социума, раскрывающихся соответственно через равенство и различие. Позитивная сторона социума, которая в самом общем виде проявляется в согласии сторон отношений, направлена, с нашей точки зрения, именно на онтологический замысел человеческого общежития. При этом негативная сторона (проявляющаяся в противоречии и несогласии) всегда уже есть сама по себе, а позитивная сторона создается именно организованной метафизикой человека. Свобода только в качестве «экзистенциала» человека становится мощной детерминантой развития общества. Именно онтологическая конструкция – открытость человека бытию – обеспечивает «позитивную сторону» общества. Бытийствование человека невозможно в стихийной форме; оно требует организованного способа построения общественных связей. В этом смысле бытие технологично: оно предполагает способ устройства человеческой жизни (то, что М. Фуко называл «искусством существования» или «эстетикой существования»).

Человек – бытийное или социальное существо?

Обратим внимание на следующую логическую ошибку при осмыслении человека: отстаивая тезис о социальном как сущности человека, мы подчас не замечаем, что одновременно вводим совершенно другую «сущность» – бытие. Отправной точкой проблематизации стал вопрос, на каких основаниях происходит «примирение» данных определений и их равноправное существование?

Однако еще в феноменолого-экзистенциалистской философии «бытие» и «социальность» рассматривались как оппозиционные «сущности», а осмысление человека как бытийного существа выдвигалось с целью преодоления определения человека как существа социального. Такой подход позволил человеку осознать себя выше («мета») всех социальных условий, способным преодолеть ограниченность любых обстоятельств.

Оговоримся сразу, что «определение» человека как бытийного существа не есть определение в классическом смысле слова. О самом бытии вообще нельзя говорить как о сущности. Но человек все же самоопределяется именно по направлению к бытию. При этом бытие можно мыслить и в качестве призвания человека. Человек призван бытием и к бытию: будучи призванным, метафизически нацеленным на бытие, он и получает «звание» человека.

Уроки бытийного мышления заставляют задуматься: что дает нам основание считать, что в качестве социальных существ мы всегда точно сбываемся? Реализуется наивная установка: само нахождение в

социальном пространстве автоматически и гарантированно делает нас социальными существами, а значит, и носителями человеческой сущности. Это означает, что мы стали относиться к социальности как к тому, что нас пожизненно сопровождает и не может быть у нас отнято. Конечно, никто не будет отрицать, что мы исходим из сферы общественных отношений, но смущает то, что мы только это фактически и имеем в виду, определяя человека в качестве социального существа. Как мы полагаем, определения человека как бытийного существа и как социального существа («живаются») вместе только потому, что социальность на самом деле редуцирована к «природе человека». Социальные отношения, будучи неприродными по своей сути, действительно могут существовать по законам «фюсиса», что проявляется, в частности, в существовании инкорпорированного социального отдельно от внутренней субъективности и субъектности человека, в стихийном, автоматическом (запрограммированном, как у животного) способе воспроизводства; в воспроизводстве в человеке лишь узкой социальной функциональности (частичности); в репрессивности социального по отношению к человеку и его существованию в анти-человеческой форме; в редукции жизни к законам выживания и в функционировании социального лишь в измерении сущего (без трансцендентного плана); в преобладании «элементарных», стихийно возникающих форм и общественных связей, которые оказываются лишь общностью происхождения; в господстве частного, а не всеобщего. Естественный принцип функционирования неестественного образования будет постоянно диктовать логику распада социальных связей, призванных вообще-то выступать неким невидимым каркасом социальной ткани. Человек, потерявший связь с социальным (как с собственной сущностью), в результате сам перестает быть онтологической единицей.

Мы полагаем, что социальное способно приобрести бытийную форму лишь в том случае, когда человек сделает социальное предметом собственной метафизической установки. Тем самым будет преодолена логика «произрастания» из социального, проявляющаяся в потребительском отношении к нему. В подлинном смысле сущностное присвоение социального возникает при созидании смыслового отношения к сфере абсолютов. Без трансцендентного уровня социальное теряет родовое измерение и поэтому может воспроизводить только частичного человека.

Подлинно социальное может открыться, на наш взгляд, только человеку, способному постоянно удерживать себя в метафизическом измерении. Событийный подход позволяет ввести социальное в область должностования и моральной ответственности, а сознание ответственности, как отмечал Левинас, всегда «призывно». Для того чтобы социальное стало сущностным для человека, оно должно быть осмыслено им именно аксиологически и переплавлено метафизическим усилием в индивидуальную форму. Нам представляется, что необходимо ставить задачу утверждения социального именно как призвания человека, причем с такими же акцентами, с которыми мы утверждаем бытие как призвание. Отметим, что именно предельная форма осмысления (а именно: говорить о социальном как таковом) позволяет удержаться на уровне человеческой целостности, а также избежать всякого рода идеологических «подстановок», пустословия. Данная установка на социальное как призвание человека должна выдвигаться только как регулятивный, но ни в коем случае не как объяснительный принцип. В противном случае мы легко получим обвинение в морализаторстве.

Социальный смысл и социальные эффекты метафизики человека. Покажем, что метафизические акты человека создают особый тип связей между людьми, действующий по принципу «близкодействия общественных отношений» (Мих. Лифшиц) и конституирующий ценность Другого. В каждом метафизическом акте осуществляется не только желание передать свой смысловой мир Другим, но и понять, как Другой проживает и переживает метафизические состояния. В метафизически устроенном пространстве нет «мест» - в силу того, что каждый способен встать на место Другого, слиться с другим. Поэтому метафизическое социальное пространство атопично: оно может быть занято одним

(воплощающим совместность) или сразу всеми вместе.

Отметим, что, отрывая метафизические события от социального контекста, мы перестаем рассматривать отношения, создаваемые ими, как форму общественных отношений между людьми, в конечном счете дискредитируем их социальную значимость. Данные отношения способны быть фундаментальными, базисными и для производства общества. Они создают особого рода общность - ее можно назвать «трансцендентной (метафизической) общностью» людей в отличие от стихийно созданной («повседневной общности»). У метафизических отношений есть одно большое преимущество в плане протягивания человеческих связей: они не строятся на принципе «заменяемости» человека, а потому прочнее собственно общественных отношений. На экзистенциальном уровне именно метафизические отношения держат наш «жизненный мир», нашу близкую социальность, и «опыт социальности» мы в первую очередь получаем именно благодаря им. Наряду с этим можно утверждать, что метафизика «растрчивает» (изводит) общественные связи – связи в их частичности, недочеловечности.

Согласно С. Франку, в обществе можно выделить «внешний» и «внутренний» слои. Полагаем, что отношения, которые складываются в процессе исполнения метафизических актов, в соответствии с их природой и социальным смыслом можно соотнести с внутренним слоем. Внутренний слой общества («соборность») подразумевает сверхвременное единство «мы»; внешний слой («общественность») распадается на противоборствующие «я», имеет «механический», формальный, «извне налаженный» способ связи. Концептуально важным представляется положение Франка, согласно которому любое безличное, механическое внешнее отношение между людьми внутри себя содержит силу внутренней солидарности, единства и опирается в конце концов на элементарное человеческое доверие. Мы полагаем, что доверие, имеющее по видимости априорный характер, на самом деле является продуктом «спрессованной» истории развития метафизических чувств и может выступать своеобразным метафизическим пластом человеческого общежития. Через допущение возможности априорного доверия другому человеку в механический тип общественных отношений способна проникнуть личностная форма человека. Тем самым именно благодаря метафизическим актам человека и производится минимальная внутренняя связь людей, необходимая не только для собственного человеческого благополучия, но и для поддержки «наружного слоя» общества. В соответствии с данным подходом можно утверждать, что метафизика человека есть внутренняя форма общества или оформляющий принцип общественного бытия, основание безличных общественных процессов. Не случайно доверие относят к так называемому «символическому капиталу» (П.Бурдьё). В целом и общество как таковое нуждается в доверии со стороны его членов, может нормально функционировать только на этом метафизическом базисе. Отметим, что в условиях общества соблазна власть быстрее и легче достигает желаемого, если обращена к метафизическому началу человека.

В современной философии субъект определяется как «нехватка Другого». На наш взгляд, имеющееся во внутренней субъективности человека «пустое место» для Другого конституируется именно доверием к другому человеку, являясь по сути «условием» для осуществления избыточных по своей природе метафизических желаний.

Мы утверждаем возможность присутствия метафизического начала в процессе функционирования формальных структур и определенной встроенности метафизики в безличные социальные процессы, что позволяет говорить о существовании («синтетических») общественных отношений – в виде определенной формы синкретизма социального и метафизического измерения. Конечно, метафизическое измерение проявляется только в тот самый момент («когда»): в момент исполнения метафизического акта, но ведь та целостная трансформация, которая в некотором смысле и является его «продуктом», не может так просто исчезнуть. Метафизическая работа по протягиванию метафизического состояния определенно может продолжаться вне зависимости от того, где человек находится и чем занимается. Метафизическая

целостность вполне может быть сохранена и при нахождении человека в формализованных отношениях. Мы убеждены, что социальность бессильна перед целостным человеком, то есть не может редуцировать его до одномерности.

Метафизические события имеют свою значимость в измерении «здесь-и-сейчас», тем не менее производимые ими социальные связи создают «долгоиграющий» эффект, скрепляют людей, несмотря на разрывы социальной ткани, образующиеся при переходах от одной формы общественного развития к другой, каждая из которых имеет свою собственную онтологию. Метафизическая работа, вводящая общекультурные ценности в живое дыхание жизни, задает обществу особый режим существования - бытия в модальности «социум как культура» или, как сказал бы В.С. Библер, «социума культуры», «социума личности». Построению общественных нитей в единоличных актах метафизики, не имеющих прямой социальной интенции, способствует присутствие в них родового измерения. Именно потому, что реальный метафизический акт сращен с онтологической формой, он способен быть предельным основанием социального, условием воспроизводства вневременного пласта общества – метафизики общества.

Метафизика человека возвращает обществу его собственную «органику», человеческую (а потому общественную) форму переживаний и отношений. Присутствие хотя бы минимума метафизики в функционировании социальных институций продуцирует и сохраняет цивилизованные отношения между людьми. Безусловность, надситуативность метафизики и способность тотально присутствовать во всех сферах жизни позволяет ей переплавлять холодную социальную сферу в теплое человеческое бытие, а само социальное – в собственно человеческое. Метафизика человека способна стать разрушительницей социальных барьеров, поэтому мы даже в формализованных отношениях можем пробиться сквозь толщу всяких опосредований к другой личности, стать ближе друг к другу.

В целом способ соединения в общество не может не зависеть от открытости Dasein. Будучи сугубо экзистенциальным состоянием, открытость человека бытию внутренне подразумевает открытость социальному (или взаимность). Мы полагаем, что метафизические события так или иначе проявляют себя в соответствии с принципами, обнаруженными Рудольфом Бульманом при анализе веры: вера, освобождая человека от страха, от цепляния за сущее, в конечном счете делает человека открытым для других, для общения. Тем самым метафизика как способ освобождения от сущего придает человеку «метафизическое мужество» (Г. Померанц), «мужество быть» (П. Тиллих). Г. Померанц определяет «метафизическое мужество» как такой план существования, при котором исчезают источники ненависти, отстаиваются человеческие смыслы при анти-гуманном функционировании социальных институтов.

Метафизические акты трансцендируют не только человека, но и саму социальную реальность к новым формам. Не стоит забывать, что в сущности своей общество как таковое чрезвычайно консервативно: оно больше тяготеет к воспроизводству структур в прежнем качестве. Правда, это положение верно лишь в том случае, если убрать человека или свести его до уровня функции социального и забыть о его метафизике. По всей видимости, обществу необходим не частичный человек-функция, а человек, преодолевший свою конечность через выход к бесконечным целям.

З.Бауман отстаивает идею наличия в обществе особой энергии – «энергии трансцендентности». В данном случае речь идет именно об участии общества в процессе трансценденции. Смысл трансцендентности Бауман видит в преодолении конечности человека и в движении к бессмертию, поэтому «энергия трансцендентности» общества связана с поиском и производством жизненных смыслов человека, поставками «стратегий трансцендентности» самому человеку. По мнению мыслителя, социальный порядок базируется именно на работе с «энергией трансцендентности» - с «мета-капиталом» общества. Следовательно, метафизика человека с неизменно присущими ей актами трансценденции так или иначе участвует в организации социального порядка, а последний в свою очередь можно определять как источник

наполнения метафизических событий высшими трансцендентными смыслами. В такой субординации общество является органом человека, обеспечивающим такую совместность, которая позволяла бы человеку развивать свои сущностные силы.

Метафизика человека – это в конечном счете событие социального масштаба. Возможно, социальный смысл метафизики заключается не столько в производстве новых социальных форм и способов взаимодействия, сколько прежде всего в создании необходимого для функционирования общества баланса свободы и необходимости, творчества и репродукции, общества и сообщества, целостности и функциональности... В обществе «текущей современности» (З.Бауман) само «размягчение» жестких социальных структур может происходить, по всей видимости, только благодаря личностной форме метафизически живущего человека.

Мы полагаем, что в онтологическом смысле социальное как таковое есть общение и взаимоотношение разных родов бытия посредством метафизической работы человека. Данное определение вряд ли можно считать натяжкой или метафорой. Надо сказать, что человек становится средоточием бытия не фактом своего наличия, а именно метафизическими усилиями, которые единят все, формируя онтологическую социальность. Посредством со-бытийного характера актов метафизики социальное и может быть признано продуктом взаимодействия людей. В противном случае человеку действительно дана лишь стихийная совместность, имеющая внешнюю принудительность и неизбежно скатывающаяся к разобщенности людей (что отрицает сам смысл общества), к модусу «общества без социального». Но человек не может жить – жить как человек (живой и целостный) – в стихийной объективности общества (в ней живут люди-функции); ему всегда необходимо осознавать, что в этой жизни хоть что-то зависит именно от него самого. Иначе говоря, человеку экзистенциально необходимо определять реализацию собственного метафизического начала в качестве основания функционирования социального. Метафизика человека как предельное основание социального выступает в качестве самой возможности социального, равного самому себе, взятого в бытийном измерении, а не редуцированного к фюсису.

Автономность человека versus социальное.

Обоснуем иллюзорность достижения автономности человека на путях противопоставления себя социальному. При этом обнаруживается определенная зависимость: автономность от трансцендентного мира продуцирует тягу к беспредельной автономности человека от социального, достижение которой ложно трактуется как реализация метафизического начала (проявление самоосновности). Однако автономность человека по отношению к социальному всегда имеет свои пределы. Обретение и сохранение человечности возможно только в «топосе» совместности.

В недрах социального исторически складывался механизм нормирования людей, в соответствии с которым родовая всеобщность достигалась методом исключения определенных индивидов из рода «человек». Идеологема «человеческого» рождала практику реального абстрагирования людей. Так, сообразно механизму нормирования само человеческое в результате оказывается всего лишь определенным «социальным сословием» или «состоянием» (Г.В.-Ф. Гегель). В целом посредством нормирования на самом деле происходило поглощение родового социальным, редукция человеческого (родового) к социальному и превращение общества в место заточения. Отметим, что нормирование исключает из общества для того, чтобы включить в него, поэтому является технологией социализации человека. Но в его рамках стремление к собственной автономности редуцируется в человеческом самосознании лишь к стремлению стать «верхом», «нормой».

В конечном счете социальная борьба в обществе происходит как борьба под «антропологическими знаменами» – борьба за право называться человеком, иметь человеческое достоинство. Поэтому механизм нормирования скрывает суть социально-классовых антагонизмов, выводя на поверхность якобы

«антропологические» различия между людьми. Нормирование иллюзорно подменяет эксплуатацию «экскоммуникацией» (Ж.Бодрийяр). Тем самым под знаком всеобщности и интеграции людей и происходит самое мощное абстрагирование человека.

В современную эпоху индивидуализации механизм нормирования вытесняется другой формой абстрагирования человека – механизмом идентификации, основанном на формальном (символическом) уравнивании людей. В обществе «текучей современности» человек пытается достичь автономности на пути изменчивой, плавучей идентификации, так как прочная идентичность, крепко привязывая человека к социальным структурам, становится помехой и мощным фактором риска. В связи с этим человек уже не нуждается в глубокой распаковке социального содержания. При этом непрерывающийся процесс идентификации создает иллюзию постоянного перекраивания, переоформления самого общества, ощущение отсутствия его субстанции. Современная индивидуализация в какой-то мере представляет собой еще и вынужденную реакцию на ослабление институциональной сферы и социальных сцепок: на абстрагирование общества, проявляющееся в конституировании феномена «общества без социального». В условиях, когда социальное поглощено самим человеком, общество действительно остается без самого социального, без самих социальных сцепок и связей. Образцом такого «общества без социального» является массовое общество, которое одновременно является пределом («индивидуализированного общества»), существующего по закону тождества. Господство «духа абстракции» (Г. Марсель) в массе, по всей видимости, означает отсутствие ценностей и личностного измерения существования.

Механизм идентификации, который с первого взгляда можно определить как технику самости, на самом деле перенимает черты социального института. Поэтому попытка реализовать автономность посредством идентификации является иллюзорной: идентичность изнутри социальна. Насилие в «индивидуализированном обществе» осуществляется посредством нейтрализации. Отметим, что изменчивость идентичности и собственное раздвоение человек может расценивать как некое спасение от поглощения анонимной (нейтральной) массой и как избавление от абстрактности: пусть я буду хоть изнутри разный, пусть буду внутри себя производить «раз-личения», если мне не удастся отличаться от других!

В этой безудержной гонке за своей автономией человек стал рабом самого себя. Причем он оказывается поработанным не столько внешней социальностью, сколько своей внутренней неразвитостью, невзрачностью. В принципе лекарством от абстрагирования человека всегда была метафизика человека. В осуществлении актов метафизики человек и может достичь истинной автономности. Только остается вопрос: способен ли абстрактный человек на метафизику?

Парадоксы метафизического сбывания одномерного человека.

Формально допускается возможность проживания одномерным и частичным человеком метафизических событий, обусловленная обретением одномерностью статуса индивидуальной идентичности. Ввиду того, что человек строит свою идентичность фактически только исходя из своего профессионального статуса, социальная функция начинает работать как целостность. Она поэтому не обезличивает человека, не является для него чем-то внешним, привходящим, а есть само «Я», само лицо человека. Человек перестает замечать свою одномерность и чувствовать необходимость в ее преодолении, вследствие чего в некотором роде исчезает оппозиция социального и человеческого, которую пыталась «снять» классическая метафизика.

У одномерного человека настолько сильные внутренние «сцепления» с социальным статусом, что он не может их расцепить даже в ситуациях, не требующих проявления «профессионализма». Метафизические события совершаются поэтому уже не столько вопреки своему социально-профессиональному статусу, сколько силами этого статуса, не метафизическими органами, а социальными. Но будет ли в актах метафизики утверждаться собственно человеческое?

В принципе в метафизике одномерного человека на первый взгляд может присутствовать тот же

«метафизический состав», что и в метафизике целостного человека: бескорытность, неделимость, целостность. Но разница в «распредмечивании» метафизических сущностей все же будет. В.В. Библихин обращает внимание, что слово «часть» с учетом его этимологии означает «насиленно оторванное, отгрызенное», «откусанное от целого»[7]. Напрашивается вывод, что у «огрызка» вообще не может быть никакой метафизики.

Мы полагаем, что внедрение социального измерения в сферу метафизики, подчинение ее принципам господства-подчинения может разрушить прежде всего единство метафизических сущностей – «метафизический круг», способствовать подавлению одним метафизическим явлением других, приводя к «одномерной» метафизике. В результате подмен мы не замечаем парадоксальности следующих ситуаций: к примеру, человек философствующий не умеет понять нужды другого человека; человек любящий безответственен; человек верующий грешит; человек нравственный не умеет любить и т.д. Одномерный человек хочет какой-то микродозированной – частичной – метафизики; чаще всего окунается в область метафизического не в качестве субъекта, а в качестве адресата метафизики (адресата добра, любви, веры, мысли). Разрушение «метафизического круга» приводит к тому, что метафизика осуществляется лишь как «игра» (симуляция метафизики), лишена предельности усилий, ответственности и внутреннего роста. За счет превращения профессионального в суть нашего «Я» мы нередко перестаем жить в мире «ближних», в мире чисто человеческих отношений.

«Вкусная» трансценденция в эпоху потребления.

Опишем современный способ «мутации» трансценденции посредством «товарной формы трансцендентного». В ситуации молниеносного устаревания тех или иных моделей вещей и так называемого опережающего потребления человек в действительности нацелен уже не столько на потребление потребительной стоимости товара, сколько на получение «прибавочного, избыточного наслаждения» (С. Жижек). Вместе с товаром человек пытается купить трансцендентное – купить собственную метафизику. Тем самым в стоимость товара заложена сегодня прежде всего «цена» метафизических смыслов, встречи с трансцендентным.

«Метафизическая прибавочная стоимость» товара существует тем не менее по законам метафизики: ее можно обнаружить, если сам находишься в метафизическом измерении, если метафизическая потребность имеет модус актуального состояния. Ее можно сравнить с лакановским объектом «*petit a*» – недостижимым объектом-причиной желания. Действительно, в самом товаре объективно нет искомого трансцендентного, оно появляется тогда, когда товар превращается в «объект а» – причину моего желания трансцендировать. Ради справедливости отметим, что товар становится таковым во многом посредством рекламы. Таким образом, метафизические желания, хоть и навязываются обществом, на самом деле не могут быть реализованы без минимального включения субъективности и субъектности человека, без работы самого человека по превращению объекта в искомый «объект а». Современное потребление позволяет вместе с удовлетворением желаний, напрямую не связанных со стремлением к трансценденции, незаметно втянуть в себя некой «петлей» и сферу трансцендентного.

Однако товарная – горизонтальная по существу – форма трансценденции вновь возвращает нас к субъект-объектной логике, да и сам субъект значительно отличается от классического субъекта. Потребитель всегда растаскан на желания. Собранным может быть лишь субъект «рации». Кроме того, человек в принципе не может кардинально преодолеть в себе потребителя, выйти за пределы этого статуса, поэтому в предельном смысле трансценденции как самопреодоления и выхода к новой форме существования в акте потребления не случается. В некотором роде потребитель находится «по ту сторону» трансценденции.

В обществе потребления «трансценденция» становится «лестницей» для социализации, черты которой также трансформируются. Вследствие тотального превращения всех продуктов производства (в том числе и

духовного) в предметы потребления, в современном обществе исчезает «онтология» вещных носителей общественных отношений. Вещь фактически изымается из процесса социализации: богатство заложенных в ней общественных отношений не может быть присвоено исключительно посредством акта потребления. Крайне важно, что в процессе потребления вещь перестает играть роль посредника общественных отношений между людьми. Круг вещей перестал определять человека, так как стал фактически универсальным для всех людей. В результате человеческий способ отношения к вещам уже не так существен для качества социализации, как это было раньше. К тому же современное потребление пренебрегает отношениями как таковыми: оно вполне допускает человека-одиночку, человека-монаду. Сущность потребления не меняется от того, индивидуальный это процесс или коллективный. Не случайно Ж. Липовецки утверждает, что эра потребления порождает всеобщую и незаметную на первый взгляд «десоциализацию». При этом логично предположить, что общество потребления – это общество, где потребляется уже сама социальность, сама человечность.

Однако общество потребления создает картину благоденствия и изобилия и тем самым камуфлирует неравенство и социальные противоречия. Поскольку потребление затрагивает каждого члена общества, мы не ощущаем явного социального насилия, реализуемого через акты потребления.

Итак, метафизика человеческой жизни свернулась в «физику». В ситуации метафизического вакуума вход в подлинный трансцендентный мир оказывается заблокированным, вследствие чего человек компенсирует этот недостаток построением его «здесь». Тем самым имманентное берет на себя функции трансцендентного. Печально, что трансценденция посредством товарной формы не предусматривает таинства экзистенциального со-бытия встречи с Трансцендентным. Мы пользуемся трансцендентным, как вещью. Поэтому мы всегда испытываем его утрату. Однако гедонистическое смакование трансценденции может быть в данном случае даже продуктивным. Оно будет, хоть на краткий миг, протягивать «онтологию» трансцендентного, а также создавать образ приятной, радостной и «вкусной» трансценденции, что может повысить ее привлекательность.

Метафизика современного человека в модусе интерпассивности.

Исследуем искусственные механизмы запуска метафизических событий, осуществляемого социальными институциями в лице СМИ. Вследствие лености человека и атрофии его метафизической способности социальные институции включаются в механизмы «трансценденции», провоцируя человека на рождение «человеческой формы» человека. Так, создается целый поток «фабрик», реалити-шоу, в которых человеку предлагается испытать встречу с Трансцендентным (Иным) и перевести себя в другое измерение.

Серийное производство человеческих сущностных сил в реалити-шоу происходит по схеме индивидуальных метафизических актов трансценденции человека. В них целенаправленно создается искусственная реальность (или событийность), максимально работающая по принципу «пограничной ситуации». Скрытый смысл состоит в следующем: попадая в иную – трансцендентную (по отношению к повседневному потоку жизни) – реальность, человек просто вынужден трансцендировать, преодолевать свою косность, страхи, стереотипы, компенсировать «утраченное время». Реалити-шоу будто «впитали» в себя основные принципы метафизического акта: требование всегда начинать «с нуля», стирание прошлых заслуг, важность настоящего момента, активную форму присутствия и собирание человека. Игроки в них могут забыть об определенных социальных, половых, возрастных различиях; они все находятся в равных условиях с другими. Одновременно с метафизическими способностями актуализируются еще и социальные способности – умение жить «сообща». Реалити-шоу продуцируют у зрителей важную модальность: «я могу»; катализируют метафизические начинания человека, вдохновляют на реальные поступки и действия; учат человека минимизировать собственные риски; раскачивают человеческие переживания, вынуждают человека хотя бы ненадолго задуматься о смысле любви и моральных принципов, о природе человеческого страдания,

о пределах человеческих способностей; избавляют от застарелых «рессентиментных» чувств. По сути установление смысла производится именно зрителем.

Однако метафизическое событие превращается в техничный и технологичный процесс; как следствие, возникает инструментальное (функциональное) отношение к метафизике человека. Определенный отрыв формы метафизического события от содержания, господство внешней оболочки способствуют симуляции метафизики. В ритуализированной социальностью механике трансценденции меняется суть: она превращается в простую трансгрессивную игру с человеческими пределами, в горизонтальную «трансценденцию». «Шоу-изация» метафизики человека легко «вписывается» в принципы соблазна. При этом в соблазне, как отмечал Бодрийяр, завораживает именно чистая форма игры, опустошение смыслов.

«Проживание» зрителем реали-шоу актов трансценденции за счет Другого происходит в соответствии с принципом «интерпассивности» (С. Жижек), согласно которому можно исполнять определенные действия посредством другого (предмета или человека). К примерам интерпассивности Жижек относит феномен плакальщиц на похоронах, закадровый смех, молитву при помощи тибетского «молитвенного барабана». На анализе последнего примера остановимся подробнее. В соответствии с данным культом человек пишет на бумажке молитву, отправляет ее в молитвенный барабан и вертит его. Тем самым за человека молится барабан, причем, по словам Жижека, в это время он может даже думать о грязных вещах, но при этом создается видимость, что «объективно» он молится. Особо отметим, что с традиционной позиции осмысления метафизики человека («объективное»), то есть независимое от самого себя, совершение метафизического акта является достаточно парадоксальным. Метафизическое начинает жить отдельной от человека жизнью; внутренней субъектностью в данном случае можно вообще пренебречь. Человек как будто и не присутствует «здесь-и-сейчас», целостно, то есть не адекватен метафизической форме события. Метафизические феномены («высокое») становятся внешней оболочкой для повседневных – «физически» укорененных – дел (для «низкого»). При этом внешне человек выглядит достаточно «пристойным» с точки зрения существующих моральных норм.

Бесспорно, феномен интерпассивности современен. Современный человек подменяет реальные метафизические акты внешним (объективным) проживанием; он действительно именно «объективно» верит, смеется, любит, мыслит, творит – в полном соответствии положению Б. Паскаля о внешнем характере веры: ведите себя так, как будто вы уже верите, и вера придет сама собой.

Согласно принципу интерпассивности, человек для запуска собственной веры всего-навсего ищет того, кто бы уже верил, просто допускает его существование, не нуждаясь при этом в присутствии непосредственно верующего. Попробуйте распространить данный принцип на другие метафизические события. Так, окажется, что непосредственно делающий добро уже не нужен, главное – уповать на то, что добро сделает кто-то другой, и ... не ждать от кого-либо помощи. А нужен ли тогда непосредственно любящий человек? Достаточно просто верить, что он где-то есть?! Останутся ли в таком случае в нашем мире вера, любовь, добро, мысль, творчество, если каждый будет жить лишь в ожидании, что кто-то, наконец-то, сделает его адресатом метафизических событий (объективно вовлечет в метафизическую сферу)?

Современный зритель «делегирует» собственное метафизическое сбывание тому, кто уже верит, уже любит, уже добродетелен, уже мыслит, а потому ему самому уже не надо любить, верить, делать добро, мыслить. Телевидение как некий «метафизический барабан» социальности (абсолютный Другой) выполняет за человека в публичной, универсальной форме акты метафизики. Именно поэтому мы и не отходим от нашего «молитвенного барабана», ведь при помощи него можно совершить фактически сразу все акты метафизики.

Итак, социальные структуры заимствуют механизмы метафизического акта и по сути эксплуатируют метафизические способности человека. Однако, если в классической форме метафизические акты

осуществляются бескорыстно, в «уединенном одиночестве», перед лицом Ничто, то в данном случае они осуществляются уже коллективно, напоказ, в опыте вселенской радости. Кроме того, традиционно трансценденция совершалась в фокусе свободы, сегодня она начинает обживать сферу «социальной физики» (необходимости); раньше трансценденция осуществлялась вопреки, сегодня – благодаря социальным формам.

При этом можно предположительно обнаружить определенные позитивные последствия «исполнения» метафизики человека через легитимные социальные каналы. Во-первых, главный продуктивный момент шоу заключается в сохранении социальными структурами продуктивных форм и способностей человека, которыми он в общей массе уже не владеет, не включает в собственное жизненное пространство, считает либо устаревшими, либо неприемлемыми. Одновременно социальность в обратном порядке сможет провоцировать человека уже на подлинные акты трансценденции (путем передаривания человеку им же самим делегированной субъектности). По сути, в истории так и было: ведь именно через ритуализированные, формализованные способы мы когда-то научились любить, верить, поступать, даже думать. Во-вторых, социальные структуры буквально на глазах создают модель всеобщего развитого, универсального человека, запуская веру человека в свое всемогущество, избавляя от одномерного восприятия жизни. Они выпускают наружу человеческие сущностные силы, причем в форме готовой культурности. В-третьих, механизмы трансценденции, будучи социально организованными, могут стать катализаторами трансформации самих социальных структур и связей, причем в направлении к бытийной модели общества. Через внедрение в человеческую метафизику современная социальность пытается как раз создать «формальную идею социума», выстроить новые узлы своей ткани и восполнить бедность (абстрактность) социальных связей плотью простых человеческих переживаний, выстроить собственные структуры изнутри человека.

Одновременно внедрение социального в акты метафизического сбывания человека является симптомом истощения самого общества (то есть симптомом «общества без социального»). В этой связи социальность сама изымает из внутренних структур человека недостающее социальное содержание. При этом социальность фактически узурпировала единственную область, в которой еще можно было оставаться самим собой: она произвела некий символический «захват» метафизики человека. Вследствие этого метафизические сущности начинают жить по законам социальности, вовлекаться в товарно-денежные отношения, а сфера метафизики превращается в «сферу услуг».

Необходимо отметить, что если в первой половине XX века произошел предел вбирания социальности во внутреннее пространство человека, причем так, что человеческое стало выступать оппозицией социальному, то в наше время происходит предел вбирания и освоения человеком уже метафизического содержания. Метафизическое начинает функционировать «автоматически», независимо от моих усилий, обретать статус «фюсиса». В условиях принудительности метафизического (а метафизика и принудительность – вещи несовместимые) спасением может стать все та же интерпассивность: по ее «законам» человек может заполнить навязанную форму каким угодно содержанием, а значит, и метафизикой. Именно изнутри этой формы человек – свободное существо. Захват метафизической области социальностью приводит к тому, что человек начинает запускать новую форму метафизики – метафизику телесности. Ее анализ отнесен к перспективам исследования.

Saykina G.K.

METAPHYSICS AS THE LIMIT OF THE SOCIAL BASE

Article is devoted to the understanding of the human as a social phenomenon of metaphysics and its ability to efficiently produce certain social effects that affect the way a human presence in the social space.

Keywords: man, metaphysics, ontology, Genesis, sociality.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агапов, О.Д. Интерпретация как практика автопоэзиса человеческого бытия / О.Д. Агапов. Казань: Познание, 2009. - 248 с.
2. Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. - 437 с.
3. Бадью, А. Этика: Очерк о сознании Зла / А. Бадью; пер. с франц. В.Е. Лапиц-кого. СПб.: Machina, 2006. - 126 с. (Критическая библиотека).
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. - 390 с.
5. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
6. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. - М.: Наука, 1986. - С. 80 - 160.
7. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. С. 155.
8. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. - М.: Политиздат, 1990. - 413 с.
9. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; перевод и вступительная статья С.Н. Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. - 387 с.
10. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Жан Бодрийяр; пер. с фрр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. - 319 с. (Коллекция "Философия по краям").
11. Бубер, М. Диалог // Два образа веры / М. Бубер. М.: Республика, 1995. - С. 122-161.
12. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье; пер. с фрр.: А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001 г. - 562 с. («Gallicinium»),
13. Вейль, С. Тяжесть и благодать / С. Вейль; пер. с фрр.; сост. и коммент. Н.В. Ликвинцевой, А.И. Шмаиной-Великановой; предисл. Н.В. Ликвинцевой; вступ. ст. А.И. Шмаиной-Великановой. М.: Русский путь, 2008. - 266 с.
14. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель; пер. Г.Г. Шпета. СПб.: Наука, 2002. - 444 с.

15. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель // Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И. Немецкая классическая философия. Том 1. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. - С. 301 - 666.
16. Гиренок, Ф. И. Философия как исследование пределов возможности мыслить иначе / Ф. И. Гиренок // Человек.1Ш: Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2007.-С. 251-262.
17. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального II: Размышления о Всемирно торговом центре третья версия Электронный ресурс. / С. Жижек. - URL: <http://www.anthropology.ru/ru/texts/zizek/reflections.html> (дата обращения: 12.12.2011).
18. Киселева, М.С. Антропология как дисциплина: прагматический проект И. Канта / М.С. Киселева // Человек. 2010. - № 2. - С. 116 - 128.
19. Кореш, Э. Основы метафизики Электронный ресурс. / Э. Корет. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/koretOI/index.htm> (дата обращения: 12.12.2011).
20. Кутырев, В.А. Философия постмодернизма: Научно-образовательное пособие для магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей / В. А. Кутырев. -Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. -95 с.
21. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: ТЕППА – Книжный клуб; Республика, 1998. С. 41.
22. Липовецки, Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма / Ж. Липовецки; пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: «Владимир Даль», 2001. - 331 с. (Университетская библиотека. Философия).
23. Лифшиц, Мих. Нравственное значение Октябрьской революции / Мих. Лифшиц // Собрание сочинений: В 3 т. Т.3. - М.: Изобраз. искусство, 1988. - С. 230-258.
24. Малкина, С.М. Преодоление метафизики и судьба бытия в философии М. Хайдеггера / С. М. Малкина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. - № 1. - С. 66-77.
25. Мамардашвили, М.К. Очерк современной европейской философии // Очерк современной европейской философии / М.К. Мамардашвили. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. - С. 12-514.
26. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. М.: Изд-во МГУ, 1990.302 с.
27. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше // Соч.: В 2 т. -Т. 1. М.: Мысль, 1990. - С. 231 - 490.
28. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / под ред. В. Б. Устьянцева. Саратов: Изд. центр «Наука», 2006. - 289 с.
29. Огурцов, А.П. Педагогическая антропология: поиски и перспективы / А.П. Огурцов // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. - С. 116 - 167.
30. Пигров, К. С. Амбивалентность социального: (опыт исследования онтологических оснований) / К. С. Пигров // Вестник СПбГУ. Сер. 6, Философия, политология, социология, психология, право. 1994. - Вып. 4 (№ 27). - С. 11-18.
31. Пигров, К.С. Еще раз о предмете социальной философии / К.С. Пигров // Личность. Культура. Общество. 2002. - Т.4. - Вып. 3-4 (13-14). - С. 63-68.

32. Померанц, Г.С. Метафизическое мужество Электронный ресурс. / Г.С. Померанц. URL: <http://www.pomeranz.ru/p/metaphcourage.htm> (дата обращения: 10.11.2012).
33. Померанц, Г. Работа любви / Г. Померанц // В тени Вавилонской башни / Г. Померанц, З. Миркина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.-С. 5-220.
34. Розин, В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир / В.М. Розин; изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. - 224 с.
35. Смирнов, С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода / С.А. Смирнов. Новосибирск: ЗАО ИПП «ОФСЕТ», 2010. - 492 с.
36. Суковатая, В. А. Путешествие. Культурно-антропологический хронотоп Другого / В.А. Суковатая // Человек. 2010. - № 2. - С. 48 - 64.
37. Тайсина, Э.А. Очерки новой онтологии: в 4 ч. / Э.А. Тайсина. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010.
38. Тиллих, П. Мужество быть / Пер. с английского О. Седаковой / Под ред. «Символа» / П. Тиллих // Символ. 1992. - № 28. - С. 7 - 119.
39. Тульчинский, Г.Л. Маркетизация гуманизма. Массовая культура как реализация проекта Просвещения: российские последствия / Г.Л. Тульчинский // Человек. Ru: Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2007. - С. 194-216.
40. Франк, С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Духовные основы общества / С.Л. Франк; сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. -М.: Республика, 1992. С. 13-146. (Сер. "Мыслители 20 века").
41. Франк, С.Л. Непостижимое // Сочинения / С.Л. Франк. Мн: Харвест, М.: АСТ, 2000. - С. 245 - 796.
42. Франк, С.Л. С нами Бог // Духовные основы общества / С.Л. Франк; сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. М.: Республика, 1992. - С. 217 - 404.
43. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX XXI вв. - М.: Алгоритм, 2007.-С. 16-45.
44. Шатунова, Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического: (опыт оправдания красотой) / Т.М. Шатунова. Казань: Казан, гос. ун-т, 2007. - 154 с.

Сидоров В.В., к.полит.н.

Viktor.Sidorov@kpfu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ПАРТИЙНЫЕ КОАЛИЦИИ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли размера и идеологии партий в формировании коалиций, поэтапно рассматривается процесс формирования и функционирования коалиций в парламентских системах.

Ключевые слова: коалиции, парламентская система, политическая партия

Сложность формирования правительства в демократической парламентской системе связана с тем, что одна партия редко может претендовать на единоличный контроль над парламентом и правительством. В такой ситуации для создания устойчивого правительства необходима коалиция парламентских политических партий, создающая надежную опору правительству и обеспечивающая его стабильное функционирование. В первую очередь, актуальность темы диссертации связана с центральным местом коалиций в политическом процессе парламентских систем. Чем лучше мы знаем, как формируются и действуют коалиции, тем лучше мы понимаем, как функционируют политические партии и демократические парламентские системы.

Изучение процесса формирования коалиций помогает политологам выявить механизмы возникновения политических кризисов в парламентских системах. Благодаря надежным аналитическим инструментам анализа можно выработать практические рекомендации для преодоления кризисных ситуаций, возникающих в процессе формирования и функционирования коалиции.

Почти все демократические европейские государства с парламентской формой правления имеют богатый опыт формирования коалиционного правительства. Высокая распространенность коалиционных практик делает изучение процесса формирования коалиций крайне актуальным.

Несмотря на то, что некоторые аспекты функционирования коалиций в парламентских системах нашли свое отражение в литературе, следует отметить, что нет ни одного комплексного теоретического исследования партийных коалиций, учитывающего динамику жизненного цикла партийных коалиций и постоянно меняющуюся политическую практику. В отечественной политологии не издано ни одной монографии на тему формирования партийных коалиций. Все это говорит о том, что в отечественной политологии существует пробел, на устранение которого направлена данная работа.

Неисследованными остаются вопросы о том, как формируются коалиции до парламентских выборов, как прошлый опыт и предыдущий этап коалиционного цикла влияет на принятие партиями решений при формировании коалиций, каким образом распадаются коалиции, и как это влияет на процесс формирования будущих коалиций. Кроме того, существует множество дискуссионных вопросов о видах коалиции, особенностях коалиционных процессов в парламентских системах, о преимуществах и недостатках коалиционного правления партий. Остается много спорных моментов по таким вопросам, как понятие и типология коалиций, виды коалиционных правительств и содержание этапов жизненного цикла коалиций.

Теоретико-методологические основания исследования коалиций

Наиболее общее определение коалиции может быть сформулировано следующим образом: коалиция – это союз, объединение политических акторов для совместного достижения определенных целей. Коалиция обладает определенными признаками: во-первых, она всегда является объединением двух или более относительно самостоятельных акторов; во-вторых, устремленность участников к участию и осуществлению политической власти; в-третьих, общность цели или целей; в-четвертых, наличие соглашения между партнерами, создающими коалицию.

Используя данный термин применительно к внутренней политике государств с парламентской формой правления, диссертант имеет ввиду коалицию, создаваемую между политическими партиями для формирования правительства. Такая коалиция является частным случаем политических коалиций.

Близким по значению к понятию «коалиция» является понятие «блок». На взгляд автора, следует различать эти понятия. Блок также предполагает объединение партий с определенной целью, однако, это, во-первых, всегда объединение против чего-то или кого-то, а, во-вторых, блок предполагает наличие доминирующего актора. Иными словами, члены коалиции могут быть разными по силе, уровню влияния, количеству мест в парламенте, однако они зависят друг от друга, так как если один из членов коалиции выйдет из нее, то коалиция потеряет необходимое для принятия решений большинство в парламенте. В отличие от коалиции, где чрезмерное количество участников-партий считается нерациональным из-за необходимости делиться с ними дивидендами от победы, блок заинтересован в как можно большем привлечении в свои ряды большого числа различных организаций и движений для того что бы продемонстрировать широкую народную поддержку.

По мнению автора, есть два основных критерия деления партийных коалиций – это уровень формирования коалиции и ее размер. Если партии формируют коалицию до выборов, то такая коалиция называется предвыборной коалицией. Объединение партиями своих усилий и голосов для совместных действий, например, предложение законопроектов, совместные заявления, голосование за вотум недоверия правительству и т.д. нельзя назвать коалицией, так как такие объединения существуют на не долгосрочной основе. На правительственном уровне коалиции между партиями выражаются в формировании и функционировании коалиционного правительства, в котором его члены принадлежат к партиям, вступившим

в коалицию. Правительственные коалиции еще называют правящими коалициями. Размер коалиции является важным критерием, который позволяет разделить коалиции на коалиции меньшинства, минимально выигрывающие коалиции и сверхразмерные коалиции.

Нами представлен разработанный автором специальный математически выраженный показатель, который помогает определить тип коалиции в каждой конкретной ситуации, коалиционный порог.

Формула коалиционного порога T_g выглядит следующим образом: $T_g = P_n - S_g + 1$

где S_g , – общее количество мест в парламенте;

P_n – количество мест партии n (где $n \in 1, \dots, n$), входящей в правящую коалицию;

индекс g характеризует конкретную коалиционную ситуацию, где ни у одной из партий нет большинства, правительство формируется парламентом с использованием правила абсолютного большинства, нам четко известно количеством мест в парламенте и итог распределения этих мест между партиями.

Если $T_g \leq -1$, то такая коалиция будет коалицией меньшинства. Если условием коалиции меньшинства поставить $T_g < 0$, то в ситуации, когда в парламенте нечетное количество мест и у коалиции большинство в один голос, то показатель T_g будет принимать значение 0,5.

Если в ситуации g ни одна из партии P_n не удовлетворяет условию

$P_n \leq S_g$, то правящая коалиция имеет статус выигрывающей коалиции.

Если в ситуации g хотя бы одна из партии P_n удовлетворяет условию

$P_n \leq S_g$, то правящая коалиция будет сверхразмерной коалицией. Коалиция меньшинства – это объединение партий для формирования правительства, которое не имеет большинства (50% + 1 место) в парламенте. Такая коалиция формирует правительство, опираясь на поддержку партии или партии, которые формально не входят в коалицию.

Минимально выигрывающие коалиции – это коалиции, которые обладают большинством для принятия решения в парламенте и могут самостоятельно формировать правительство. Сверхразмерные коалиции – это коалиции, которые включают в себя членов больше, чем необходимо для обладания большинством и статусом «выигрывающей коалиции». Основной признак такой коалиции – это соблюдение условия, при котором при выходе из нее одного из члена, коалиция сохраняет необходимое для принятия решения большинство.

Ключевая черта парламентской демократии заключается в том, что правительство формируется парламентом и несет перед ним ответственность. Коалиции возникают в парламентских демократиях по причине того, что одной партии не удастся завоевать большинство в парламенте, необходимое для формирования правительства. В большинстве парламентских демократий именно коалициям, по сути, принадлежит исполнительная власть в виде контроля над правительством. В парламентских демократиях именно коалиции партий, формирующие правительство, принимают решения о распределении министерских портфелей. Государственная карьера министров в парламентской системы напрямую зависит от судьбы коалиции, которую они представляют.

Роспуск парламента и досрочные выборы также зависят от жизнеспособности правительственной коалиции. При возникновении разногласий между партнерами по коалиции и невозможности принять политическое решение, коалиция распадается, а, значит, требуется определенная «перезагрузка» политической системы в виде внеочередных выборов в парламент.

Статическая модель формирования коалиций

Одним из самых важных положений в статической модели является вывод о наиболее оптимальной по размеру для участников конфигурации коалиции – «минимальной выигрышной коалиции» (теория У.Райкера). Как только коалиция становится выигрышной, добавление туда новых, то есть лишних по размеру членов, становится неэффективным. Минимально выигрышная коалиция – это коалиция, которая становится

проигравшей при удалении из нее хотя бы одного члена.

В определенных ситуациях данная модель может приводить к большому количеству возможных вариантов коалиций, являющихся математически выигрывающими.

Однако если прогнозировать формирование коалиций только исходя из размера гипотетических коалиций, то такой подход не объясняет большинства сформированных в реальной политической практике партийных коалиций. Несомненно, одна из задач политической науки – создать адекватные модели, которые бы объясняли механизмы формирования коалиций именно с позиции идеологической близости партий.

Вскоре после появления теорий коалиций, которые не учитывали фактор идеологии, были сформулированы теории, которые включали идеологические позиции партий в анализ коалиций (теории Р.Аксельрода и А. де Сваана). Такой подход позволил уменьшить количество возможных вариантов коалиций. Политическая совместимость партий стала рассматриваться как ключевой фактор при заключении «коалиционной сделки» между партиями: чем ближе политические позиции партий находятся друг к другу, тем легче партиям формировать коалицию.

Теории формирования коалиций на основе идеологической близости партий оказалась неспособными предсказать появления правительств меньшинства. Сходным образом обстоит дело и с объяснением появления сверхразмерных коалиций. Если подходить к формированию коалиций с позиций теории игр, то формирование сверхразмерных коалиций выглядит нерациональным поведением партий.

Еще одно уязвимое место теорий, учитывающих идеологию, – принцип связанности. В силу разных обстоятельств некоторые партии могут не войти в коалицию, будучи идеологически к ней близкими. Не участвуя в коалиции, партии избегают политической ответственности, или вовсе не приглашаются в коалицию сильными партиями в силу ненадобности. Объяснение отклонения от принципов связанности также лежит в контексте политической ситуации и специфики партийной системы.

Очевидно, что каждый случай формирования коалиции обладает своей спецификой, но универсальная модель должна описывать наиболее общие черты и механизмы создания коалиций, свойственные всем парламентским системам. Стоит признать, что сложность моделируемых процессов не позволяет построить формальную математическую модель, которая прошла бы эмпирическую проверку с удовлетворительным результатом. И на данный момент видится возможным лишь построение концептуальной модели формирования коалиций, которая базируется на точке зрения, что изучаемое явление – динамический процесс.

Динамическая модель формирования коалиций в парламентских системах

Перед политической партией стоит выбор: она может войти в предвыборную коалицию, или участвовать в выборах самостоятельно, пытаясь войти в формирующуюся правящую коалицию после выборов. Предвыборная коалиция – это объединение партий, которые официально объявляют о намерениях совместно править в случае удачного результата на выборах или участвуют на выборах под единым названием, оставаясь организационно независимыми.

Предвыборные коалиции являются сигналом для избирателей, что партнеры по коалиции могут сформировать эффективное коалиционное правительство. В параграфе рассмотрены примеры Ирландии и Швеции. Каждая из этих стран имела длительный опыт доминирования одной партии – Фианна Файл в Ирландии и Социал-демократы в Швеции. Те избиратели, которые предпочитали голосовать за оппозиционные партии, сталкивались с проблемой, что их голос будет «потерян», учитывая особенности избирательных систем этих стран. В Ирландии в 1994 году Финне Гэл в коалиции с лейбористами удалось победить на выборах и сформировать коалиционное правительство, прервав четырнадцатилетнее правление партии Фианна Файл. В Швеции в 2006 году предвыборная коалиция из четырех правых партий смогла прервать восьмилетнее правление социал-демократов. Правящие партийные коалиции в реальной

практике парламентских систем могут быть сформированы еще до проведения выборов.

Формирование партийных коалиций происходит во время переговоров между лидерами политических партии и заканчивается заключением коалиционного соглашения.

Во время формирования правительства переговоры между партиями и внутри самих партии проходят наиболее интенсивно и проходят в несколько раундов. Чем больше таких раундов, тем более неопределенными являются результаты переговоров. Кроме внешних институтов партии могут самостоятельно ограничивать себя в своих действиях. Партии ограничивают круг возможных коалиционных партнеров, стараясь строить коалиции с идеологически близкими партиями. Кроме того партии могут в определенный момент времени рассматривать коалиционные взаимодействия в динамике, не ограничиваясь одним электоральным циклом, а смотреть на перспективу. На взгляд автора, на процесс переговоров при формировании коалиции влияют нормативно-правовые акты, регулирующие политический процесс, правила выбора форматора, которые могут наделять определенной властью главу государства, и особенности инвеституры правительства, которая может давать преимущества партиям и коалициям, создавая барьеры и препятствия для других партий.

Наличие в переговорной среде конфликтов, скандалов и споров усложняет переговоры. Партии как рациональные политические акторы обладают политической «памятью», понимая, с какими партнерами можно иметь дело, а с какими лучше не вступать в коалицию. Например, партии могут воздержаться от вступления в коалицию с партнером, с которым они уже были в коалиции, после которой электоральные результаты партии значительно снизились. Длительность при формировании коалиции и коалиционного правительства является ключевым показателем, которые демонстрирует степень сложности переговоров между партиями.

Формирование партийной коалиции находится под влиянием особенностей функционирования предшествующей правящей коалиции. К этим особенностям относятся причины и способ распада. Иными словами, формирование и распад коалиции мы не можем и не должны изучать изолированно друг от друга. Прошлый опыт формирования коалиции влияет на настоящее и будущее поведение партий при формировании коалиций. В математической теории игр такие процессы получили название «повторяющиеся игры».

По мнению автора, можно выделить два вида распада коалиций – технические и дискреционные. Технические распады не находятся под контролем партий, сформировавших коалицию, в то время как дискреционные распады происходят по усмотрению и решению партий и их лидеров. Дискреционные распады правящих коалиций включают в себя распады коалиций, происходящие до истечения конституционных сроков полномочий созданного ими коалиционного правительства. Такие политические события как вотум недоверия правительству со стороны парламента, добровольная отставка коалиционного кабинета, конфликт между коалиционными партиями, а также внутрипартийные конфликты являются основными причинами дискреционного распада правящих коалиций.

Если взглянуть на причины распадов, то среди технических распадов большое преимущество остается за распадами в связи с окончанием конституционных сроков полномочий правительств, в то время как основной причиной дискреционных распадов являются конфликты между партиями и внутри партий. Если коалиция смогла «досуществовать» до окончания своего конституционного срока полномочий, то это означает, что она смогла ответить на все вызовы и справиться со всеми рисками. Решающее значение в объяснении причин дискреционных распадов коалиций принадлежит идеологическим предпочтениям партий. Как и в случае с формированием коалиций их распад во многом объясняется сходствами и различиями между идеологическими позициями партий. Чем дальше находятся друг от друга партнеры по коалиции, чем шире идеологическая дистанция коалиции, тем выше вероятность межпартийного конфликта в коалиции.

В более идеологически поляризованных партийных системах коалиции будут менее устойчивыми. Если сама коалиция идеологически разнообразна, то это по определению не добавляет ей стабильности: имея разные мнения по общественно значимым вопросам, разные партии не смогут договориться и «разойдутся». Даже если коалиция будет сформирована из идеологически близких партий, постоянная критика и давление оппозиции повышает внешнее давление на правящие коалиционные партии, что также осложняет жизнь коалиции.

Проведенный нами анализ показал, что чем больше партий в коалиции, тем она менее стабильна. Иными словами вероятность технического распада коалиции уменьшается, а вероятность дискреционного распада увеличивается при увеличении количества партий в коалиции.

Институциональная среда крайне важна для объяснения дискреционных распадов коалиций. Кроме конституционных положений, таких, например, как конструктивный вотум недоверия, имеющих цель стабилизировать политический процесс, можно выделить еще две институциональные составляющие, объясняющие дискреционные распады коалиций – это партийная дисциплина партии и коалиционные соглашения.

По мнению автора, при анализе и прогнозировании распада коалиции необходимо учитывать макроэкономическую динамику в государстве. Падение темпов экономического роста, стагнация или рецессия ведут к приходу к власти оппозиции. В этой ситуации правящие партии могут решиться на досрочные выборы, пока ситуация не ухудшилась окончательно.

Sidorov V.V.

COALITIONS IN THE PARLIAMENTARY SYSTEM: FORMATION AND OPERATION

The article is devoted to the role of ideology and party size in forming coalitions, in the process of formation and functioning of coalitions in parliamentary systems.

Keywords: the Coalition, parliamentary system, political party.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bäck H. Who Gets What in Coalition Governments? Predictors of Portfolio Allocation in Parliamentary Democracies. / H. Bäck, M. Debus, P. Dumont. // European Journal of Political Research. – 2011. – N50. – Pp. 441–478.
2. Bergman T. Parliamentary Democracy and the Chain of Delegation / T. Bergman, W. C. Müller, K. Strøm // European Journal of Political Research. – May, 2000. – Vol.37. – N3– Pp. 255–60.
3. Coalition Government in Western Europe / Edited by W. Muller, K. Strøm. – Oxford: Oxford University Press, 2000 – 624 p.
4. Golder S.N. The Logic of Pre-Electoral Coalition Formation / S. N. Golder. Columbus: Ohio State University Press, 2010. – 209 p.
5. Laver M. Government Termination / M. Laver // Annual Review of Political Science. – 2000. – Vol. 6. – Pp. 23–40.

6. Laver M. Governmental Politics and the Dynamics of Multiparty Competition / M. Laver // Political Research Quarterly. – September 2008. – Vol. 61 – N 3 – Pp.532–536.
7. Leiserson M.A. Coalitions in politics: a theoretical and empirical study. / M. A. Leiserson. PhD Thesis.Yale University, 1966 – 910 p.
8. Mershon, C.The Costs of Coalition / C. Mershon. Stanford University Press, 2002 – 307 p.
9. Müller W.C. Political parties in parliamentary democracies: Making delegation and accountability work European / W. C. Müller // Journal of Political Research. – May 2000. – Vol. 37. – Issue 3. – Pp. 309–333.
10. Warwick P. Government Survival in Parliamentary Democracies / P. Warwick. CambridgeUniversityPress, 2007. – 200 p.
11. Алескеров Ф.Т. Индексы влияния, учитывающие предпочтения участников по созданию коалиции / Ф. Т. Алескеров // Доклады Академии Наук. – 2007. –Т. 414. – No5. – С. 594–597.
12. Амиантова И.С. Большая коалиция как институциональный фактор развития партийной системы : на примере ФРГ : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Амиантова И. С. [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2012. – 196 с.
13. Артюшин С.М. Роль коалиции в современном политическом процессе : на примере законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. – Санкт-Петербург, 2007. – 199 с.
14. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. – М.: Академический проект, 2002. – 558 с.
15. Мелешкина Е.Ю. Политические партии на постсоветском пространстве: опыт коллективного исследования / Е. Ю. Мелешкина // Полис. – 2006. – No 6. – С. 178–182.
16. Щербак А.Н. Влияние коалиционной политики на становление партийной системы в России: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. – Москва, 2003. – 152 с.

Снарская Е.В., к.филос.н.

katerina.snarskaya@yandex.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯСЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА МАСС

Аннотация: Статья посвящена определению понятийного ряда феноменов масс и повседневности и выявлению в массах эпохи модерна возможностей метафизического роста индивида, что позволяет определить теоретическую модель индивида, существование которого возможно в ситуации постмодерна.

Ключевые слова: феномен масс, повседневность, человек, метафизика.

Актуальность темы исследования обусловлена двумя группами причин. Первая группа связана с характером современного общества, которое диагностируется чаще всего как массовое общество или общество потребления. Отметим, что последняя характеристика также связана с процессами омассовления. Учитывая, что теоретическая маркировка феномена часто накладывает на него серьезный отпечаток, например, усиливая черты массовизации, мы видим в социальной реальности тенденцию к нивелированию индивида. В то же время в обществе обнаруживается дефицит форм и пространств проявления индивидуальности, хотя очевидно, что преодоление массовизации общественных процессов требует выхода на авансцену истории сознательного индивида, способного взять на себя ответственность если не за общество, то за самого себя.

Вторая группа причин связана с состоянием самой социально-философской теории, в которой наблюдается некоторое несоответствие теоретического инструментария характеру феноменов, которые подвергаются анализу. Другими словами, нам нужно ответить на вопрос,

можно ли исключительно теоретическими средствами модерна «схватить» постмодернистские (и даже пост-постмодернистские) формы социальной реальности? Этот вопрос в несколько провокационной форме поставлен, например, Ж. Бодрийяром, который пишет о том, что масса не схватывается ни политическим, ни социологическим инструментарием. Но масса эпохи «пост-» отнюдь не тождественна массам эпохи модерна. Если массы были способны репрезентироваться, описываться социологически и политически, то масса – именно эволюционирующая масса эпохи постмодерна – этими категориями не схватывается. Ответ на поставленный вопрос, таким образом, требует скрупулезного и бережного анализа самой социальной теории (социальной философии в том числе).

Сегодня в рамках социально-философской теории наблюдается возросший интерес к проблеме повседневности. В этом плане становится важным не просто необходимость возвращения к опыту анализа повседневности, реализованному классической социальной теорией, но и переосмысление этого опыта в свете новых социальных и культурных реалий. Отметим, что в современной социальной философии повседневность представлена в двух версиях. Первый вариант – жизнь *map on the street*. Такой вариант сформировался в результате дискуссии о предмете социальной философии, прошедшей на страницах журнала «Личность. Культура. Общество» в первом десятилетии XXI века. В рамках этой дискуссии Е.А. Тюгашев высказал версию о том, что социальная философия сегодня призвана носить объяснительно-рекомендательный характер[6], что отождествляет функцию социальной философии с функцией, традиционно приписываемой повседневности (мы имеем в виду ее рецептурность). В этой версии, однако, происходит размывание самой предметности социальной философии.

Второй вариант – это версия, разрабатываемая, например, В.Е. Кемеровым. Он пишет о том, что повседневность есть важный контекст человеческого существования, не лишенный бытийственных и метафизических оснований, а потому его анализ должен стать реальным предметом социальной философии[4].

Связь повседневности и процессов омассовления, выявленная в результате взаимного наложения социальных теорий, оказывается достаточно очевидной. Однако мы обнаруживаем несколько специфических, не столь явных аспектов. Во-первых, негативные оценки обоих феноменов часто слишком тенденциозны. Во-вторых, выводы, сделанные в эпоху модерна теоретиками модерна, могут быть применены в ситуации *post-mo* и даже *post-post-mo*, поскольку оказываются ключом для понимания некоторых универсальных характеристик человека сегодня. А. Данто отмечал, что пересечение теорий дает возможность обнаружить феномены (или характеристики феноменов), которые отсутствуют в каждой из этих теорий, рассматриваемых в отдельности[3].

Понятие массы в социальной теории модерна.

Обращение к истории термина «масса», а также к истории изучения феноменов, которые этим термином могут быть обозначены, позволяет выявить три значения, ключевых для функционирования данного термина в пространстве социальной теории: массы как толпа; массы как непривилегированные социальные слои и массы как интеллектуально неразвитые слои населения. Многие исследователи довольно часто не проводят между ними четких разграничений. Причины этой тенденции кроются, среди прочего, в том, что массы как малоимущие, эксплуатируемые, непривилегированные слои, которые, как правило, оказываются еще и наименее образованными, составляют большинство в любом обществе. И хотя этот критерий относителен, но, варьируясь в разных обществах и культурах, сохраняет свою главную особенность – противопоставленность масс различным типам элит (политическим, экономическим, интеллектуальным и т.д.). Это отчетливо видно в теориях Г. Лебона, К. Ясперса, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, а также в активно разрабатываемой на рубеже XIX-XX веков теории элит (В. Парето, Г. Моска).

Значение «масса как толпа» выделяется из всех прочих значений тем, что в основу образования

соответствующего понятия положен абстрактный количественный признак: телесное соприкосновение большого количества людей в одном месте. Связь данного значения с любым другим из тех, что упоминались выше, на наш взгляд, достаточно органична. Количество – это свойство, безразличное к качеству[1], а значит, качество может быть совершенно любым. Толпы, стремясь к количественному росту, могут впитывать в себя любые качественные особенности входящих в них единиц. Причем качество, содержащееся в элементах, на уровне функционирования толпы не имеет принципиального значения. Этот факт, в числе прочего, явился причиной того, что некоторые теоретические выводы, касающиеся рассмотрения массы как толпы, зачастую могут касаться только масс как непривилегированных слоев общества (Г. Лебон, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет). Однако масса как толпа вследствие целого ряда психологических изменений, возникновение которых оказывается независимым от социальной, классовой и иной принадлежности человека, принципиально отличается от массы как тех или иных слоев общества.

Толпа – это очень важная характеристика, учет которой определяет социальную группу не только с точки зрения количественного роста, но и, что гораздо более важно, с точки зрения нового качества, возникающего вследствие соединения людей в толпу. Количественные характеристики общества становятся предметом научного интереса уже в теориях английской политэкономии. Политэкономия Маркса, вычленив некое качество однородного среднего труда, дает нам возможность предположить, что увеличение количества людей, занятых в производстве, приводит к совершенно иному качеству – усреднению форм, способностей, оценок и прочее. То, что многие теоретики масс оценивают как негативные качества, присущие массам, вполне вероятно, являются результатом этого количественного роста, поскольку далеко не все формы в процессе его разрастания могут быть соразмерными индивидуальным качествам человека. Толпа является именно той формой, в которой общественная группа оказывается несоразмерной индивиду.

Значения «массы как непривилегированные социальные слои» и «массы как необразованные / интеллектуально неразвитые слои» претерпевают в теории масс значительно более существенные изменения. В целом ряде концепций XX века эти значения либо дополняются важными смысловыми элементами, либо вообще трансформируются настолько, что под «массами» начинает пониматься нечто другое, и указанные первоначальные значения становятся принадлежностью истории понятия. Яркими примерами новых смысловых компонентов феномена масс, возникших в социальной теории, являются, в частности, психологическая характеристика человека, напрямую не связанная с отношением к какому-либо социальному слою, предложенная Х. Ортегой-и-Гассетом; одномерность как форма существования человека у Г. Маркузе; автоматизированный человек, описанный Э. Юнгером и прочее.

Приведенные нами примеры теорий масс демонстрируют, что мыслители конца XIX – XX веков продолжали традицию соотнесения масс с непривилегированными и необразованными слоями населения, вместе с тем вкладывая в термины «массы», «массовый человек», «массовое общество» новые смысловые компоненты, отражающие трансформации духовного мира человека в определенных исторических реалиях. Вместе с тем, как нам представляется, для подавляющего большинства теоретиков масс слово «массы» сохраняло связь хотя бы с одним (либо более чем с одним) из названных выше трёх исходных значений: «массы как толпа», «массы как непривилегированные социальные слои», «массы как необразованные / интеллектуально неразвитые слои». В большинстве случаев (концепции Лебона, Тарда, Фрейда, Юнгера, Арндта, Маркузе, Манхейма, Ясперса, Канетти, Московичи, Бодрийяра) указанные значения оставались базой понятия, приобретающего вдобавок какие-то новые смысловые компоненты; в некоторых случаях, как в концепции Х. Ортеги-и-Гассета, несмотря на смену отправной точки образования понятия, связь с вышеназванными значениями сохраняется и легко прослеживается.

Очевидно, что понимание масс как непривилегированных и интеллектуально неразвитых слоев населения носит ярко выраженный оценочный характер. Интересен сам факт существования этой оценочной формы.

Он дает нам возможность увидеть теоретика как человека, находящегося вне этой структуры – в ситуации вневходимости, то есть дистанцированно от объекта его исследования. А это значит, что отношение теоретика позволяет нам сделать эти подходы предметом многоступенчатого анализа. Мы не просто можем описывать массы как объективно существующий феномен, но мы можем увидеть в этих теориях человека не-массы, элиты, индивидуализированного субъекта.

Концепция повседневности в традиции социальной феноменологии и за ее пределами.

В ходе изучения становления теории повседневности мы приходим к тому, что феноменологическая традиция исследования повседневности, сложившаяся в социальной теории модерна и рефлектирующая эту эпоху, оказывается необходимой и наиболее плодотворной базой для дальнейшего изучения разрабатываемой нами проблематики.

Феноменологическая концепция повседневности делает акцент на субъективной позиции отдельно взятого индивида, воспринимающего мир вокруг себя и взаимодействующего с ним. Разграничение повседневного и неповседневного производится здесь не по типу объектов, с которыми взаимодействует субъект, а по типу деятельностно-познавательной установки субъекта.

Наиболее детально и разносторонне концепция повседневности разработана А. Шюцем, работы которого и составили методологическую основу данного исследования. Повседневность понимается им как одна из конечных областей значения. Каждая конечная область значения – это определенный тип (или система типов) явлений индивидуального сознания. Повседневность в этом ряду выделяется ориентированностью на восприятие всех объектов опыта с позиций индивидуальной биографической ситуации, точкой отсчета для которой является индивидуальное тело с его «здесь и сейчас», взаимодействующее с материальными предметами вокруг него. Повседневность в феноменологическом подходе – это не некая совокупность объектов внешнего мира, а пласт опыта. Одни и те же предметы, события и ситуации могут осмысливаться человеком в различных конечных областях значения, имеющих различные когнитивные стили. Получается, что сами когнитивные стили, специфичные для каждой конечной области значения, задают разные границы и содержание опыта, который попадает в поле зрения этих областей.

Теория повседневности, возникшая в пространстве социологии, мыслит в логике, в терминологии, пространстве модерна. А. Шюц, исследуя повседневность в русле феноменологической традиции, ищет ответ на вопрос: как в повседневности возможно существование индивида (по большому счету – картезианского субъекта). Получается, что повседневность есть пространство собирания автономного индивида. Такие «островки» пространства собирания автономного индивида бывают всегда в культурах массового механизма трансляции. В эпоху средневековья, например, пространство собирания индивида локализовалось в пространстве исповеди, в котором человек «выговаривал» себя, так или иначе, собирая свой опыт. Сейчас этим пространством «выговаривания» себя и выстраивания своего опыта является повседневность. И хотя повседневность – это явление Нового времени, но мы можем найти в других культурах некоторые формы локализации, где протекали аналогичные процессы.

Сегодня, по свидетельству В.Е. Кемерова, у повседневности обнаруживаются другие, совсем не негативные коннотации[4], то есть повседневность уже не может рассматриваться так однозначно, как это делает классическая теория, описывая повседневность как форму примитивных общедоступных смыслов.

Следовательно, применяя феноменологическую методологию и затем метод ее (методологии) деконструкции, активно используемый в философии постмодерна, к феномену масс, мы можем выйти на проблему анализа условий рождения в пространстве масс индивида, поскольку все негативные характеристики массового человека (человека повседневности), предстают перед нами как следствие определенной интеллектуальной оценки и установки.

Массы в горизонте повседневности как конечной области значения.

Теории масс и теории повседневности в их классической форме обнаруживают множество аспектов, позволяющих нам выявить сходство в рассматриваемых феноменах (традиционализм, примитивизация, низкий уровень интеллектуального развития, рецептурность, манипулируемость, рутинизация сознания и автоматизация деятельности).

Проведенный анализ характеристик масс и повседневности позволяет выявить закономерность: массы противопоставляются тем группам людей, которые отличаются от них, в первую очередь, интеллектуальным уровнем развития. Такими группами выступают, как правило, интеллектуальные элиты. Повседневность, в свою очередь, противопоставляется другим конечным областям значения, отличающимся от нее способом мышления и глубиной познания явлений и процессов. Для нас оказывается особенно важным то, что теория видит противопоставление масс интеллектуальным элитам, поскольку сам теоретик рефлектирует логику элит, и массы не попадают в его пространство существования.

Учитывая выделенную нами классификацию конечных областей значения, мы обнаруживаем, что массы, согласно описываемой теории, в силу низкой интеллектуальной развитости, способны существовать лишь в повседневности или тех конечных областях значения, которые мы определили как неспециализированные (повседневность, сновидения, фантазия, игра, нерефлексивное принятие внешней стороны ритуала) в силу отсутствия необходимости для попадания в них какой-либо специальной подготовки. Поскольку логика выстраивания пространства масс эпохи модерна наиболее ярко проявляет себя при анализе повседневности, то формы взаимодействия масс и неспециализированных конечных областей значения мы будем исследовать посредством сопоставления масс и повседневности. Интеллектуальные элиты – это такая группа людей, которая в силу своей высокой интеллектуальной развитости и способности критически оценивать окружающий мир, способны выходить за рамки повседневности в специализированные конечные области значения.

Описанные нами характеристики масс и повседневности работают лишь в условиях твердой современности (которую описывает классическая теория модерна). Сегодня же, в условиях текущей современности (эпоха постмодерн), многие из описанных характеристик проявляют себя как амбивалентные. Традиционность, например, является сегодня уже не негативной характеристикой повседневности, а позитивной, так как создает островок стабильности особенно важный в ситуации, когда все течет, все разламывается, ничто не обладает сколь-нибудь устойчивой ценностью. Примитивизация оказывается присущей всем областям знания, включая те, которые традиционно считались далекими от нее (например, наука и искусство). Нерелексивность – отнюдь не негативная характеристика, присущая только массам, а напротив – вполне естественная и вписанная в структуру общественного сознания, а значит, и во все его виды, в том числе сознание теоретическое.

В точках пересечений этих теорий мы обнаруживаем человека масс, существующего исключительно в пределах повседневности и неспециализированных конечных областях значения, что будет служить основанием для рассмотрения вопроса о способах выхода человека масс за пределы повседневности, а значит, возможности разрыва массовизации.

Отношение масс к специализированным конечным областям значения.

Обществу классического (индустриального) типа, являющегося предметом исследования теории повседневности и теории масс, свойственно стремление к жесткой вертикализации. Представление о вертикали распространяется на все фундаментальные явления и принципы, рассматриваемые данными теориями, в том числе и на конечные области значения, общечеловеческие и трансцендентальные ценности. Общей матрицей выстраивания аксиологических установок становится матрица одной из специализированных конечных областей значения, которая в иерархии занимает более высокую ступень.

Однако исследователи, размышляющие в русле феноменологической традиции, обнаруживают очень важный момент: любой человек, даже будучи способным выходить в сферу специализированных конечных областей значения, непременно возвращается в повседневность. Следовательно, прожить жизнь в этих конечных областях значения, а значит руководствоваться исключительно ценностями, продуцируемыми этими областями, невозможно.

Принимая во внимание, что массы существуют лишь в повседневности (или неспециализированных конечных областях значения), мы можем констатировать, что данные элементы также не доступны массам, поскольку постижение их возможно только при условии способности выхода в специализированные области значения. Но при этом постоянно обходится вопрос о том, что массы (масса) могут дифференцироваться, распадаться, или консолидироваться. А значит, возникает возможность выхода за пределы (или хотя бы на границу) массы, а потом, следующий шаг – и в конечные области значения. Толкование масс абсолютно лишено динамики. С точки зрения социологии это правильно, так как социолог решает конкретную задачу, возникающую в настоящий момент времени.

С точки зрения теоретиков модерна неспособность воспринимать ценности специализированных конечных областей значения отчетливо просматривается именно при анализе соотношения масс, существующих по законам повседневности, и других конечных областей значения. А процесс усугубления этой неспособности мы можем наблюдать сегодня, анализируя ситуацию пост- и пост-постмодерна. Если пользоваться понятием «конечные области значения», выделенного А. Шюцем, то современная ситуация, описываемая Ж.-Ф. Лиотаром в рамках критики больших нарративов, позволяет нам понять, что одни конечные области значения в тех или иных ситуациях навязывают ценностные установки другим областям значения. Тогда оказывается вполне понятным, почему, скажем, столь тотальна религиозная культура Средневековья, эстетизированы все сферы жизни в эпоху Возрождения, гносеологизирована эпоха Нового времени вплоть до середины XX века. В определенные исторические периоды та или иная область человеческого опыта навязывает целевые и ценностные установки всем другим конечным областям значения, которые, в свою очередь, «переписываются» под доминирующие ценностные установки. Сегодня становится очевидным, что без обращения к повседневности и ценностям, продуцируемым в ней, теории, основанные исключительно на анализе высших ценностей, онтологических оснований человеческого бытия, превращаются лишь в теоретическую спекуляцию. Ситуация, сложившаяся в эпоху постмодерна, обнаруживает невозможность исследования высших метафизических оснований, не прибегая при этом к анализу оснований повседневной жизни человека.

Преодоление повседневности как формы, продуцирующей и воспроизводящей массовые характеристики, возможно лишь на уровне индивида в пространстве повседневности, так как сам выход, напряжение, есть действие, действие, работа. Массы же, элиминируя все субъектное, казалось бы, оказываются неспособными к преодолению повседневности. Но при более глубоком анализе выясняется, что повседневность проявляет свои антиномичные свойства: с одной стороны, она действительно является формой существования масс, а с другой стороны, только посредством преодоления свойственной ей массовизации оказывается возможным выход в специализированные конечные области значения, существование в которых возможно лишь индивидуализировано.

Кроме того, сегодня мы можем наблюдать качественное изменение характера и характеристик самих феноменов масс и повседневности. С одной стороны, можно констатировать возникновение феномена «интеллектуальной массы» или «массового интеллектуализма». Речь идет о том, что в какой-то степени, смыслы конечных областей значения попадают в сознание масс. Сегодня массы оперируют многими понятиями, которые не свойственны были им ранее. Другое дело, что это интеллектуализм со сниженным пафосом, где ценности специализированных конечных областей значения существуют в превращенной

форме посредством выхолащивания смыслов, изначально присущих ценностям науки, искусства и т.д.

С другой стороны, происходит стремительная смена характера повседневности. Если раньше повседневность представляла собой нечто локальное и ограниченное субъективным опытом, то сегодня даже личный опыт принимает глобальный характер, неустанно умножая повседневности: есть повседневность быта, есть повседневность работы, повседневность заключения международных договоров, повседневность общения в социальных сетях и т.д. Сама повседневность, таким образом, становится другой, и мы обнаруживаем разные ее пласты. Более того – она одновременно расширяется пространственно и атомизируется во времени, поскольку меняются отрезки повседневности – из повседневности она превращается в повсечасность. Повседневность, традиционно характеризующаяся размеренностью, приобретает черты динамичности. В постоянной смене срезов повседневности вновь появляется возможность ее разрывов. И в этих разрывах вновь включается работа, проблематизация и рефлексия. Глобализация пространства сосуществует в повседневности с атомизацией времени.

Нравственность в повседневности: на пути индивидуализации человека масс.

В анализе человека массы в рамках теории масс и повседневности мы сталкиваемся с обвинением масс в нежелании служить высоким идеалам. Эта критика, во многом оправданная, обусловлена тем, что массы не воспринимают ценности науки, искусства, религии, когда деятельность в этих областях предельно рационализируется, уходя в специализированные конечные области значения. При этом в поиске «чистых» форм утрачивается собственно целостная человеческая составляющая этих видов деятельности. Ошибочно характеризовать массы как людей, руководствующихся исключительно потребительскими установками и эгоизмом. Следует учесть, что каждый человек, как правило, сочетает в себе позитивные и негативные черты нравственного облика. Таким образом, отсутствие служения ценностям, производным от специализированных конечных областей значения, еще не означает безнравственности человека. Напротив, повседневность представляет собой сферу функционирования нравственных ценностей, более того, нравственность атрибутивна повседневности. Отношения людей в повседневной жизни являются основным материалом, регламентируемым нравственными принципами как древних, так и современных культур. Следовательно, однозначно негативный нравственный портрет масс является необоснованным, даже если полностью согласиться с невосприимчивостью масс к так называемым «высоким» ценностям.

Здесь мы подходим к обнаружению непроанализированного аспекта в теории масс. Причина его появления заключается в том, что негативная оценка ценностных установок масс, не позволила увидеть реальные основания нравственного поведения и необходимости морального выбора, осуществляемого в повседневной жизни. Будучи представителями интеллектуальных элит, теоретики масс чутки к тому обстоятельству, что массы равнодушны к ценностям, столь важным для самих теоретиков, например, к ценностям, проистекающим из конечных областей значения, связанных с философией, наукой, политической теорией, элитарным искусством и т. п. Однако моральность поведения человека массы в его повседневной жизни оказывается при этом для многих авторов за рамками рассмотрения.

Нравственность как единство нравственного поведения и морального выбора возможна именно в повседневности. Она неизбежно приводит человека к необходимости выхода в практическую сферу – без практики, без реального взаимодействия между людьми существование нравственности невозможно. Но человек, находящийся в пространстве нравственности, одновременно будет существовать и на уровне морали, долженствования, и выходя на уровень должного, он обязательно проблематизирует ситуации повседневной жизни. Нарушение нравственных норм и правил, происходящее в определенный момент у каждого, выводит человека за рамки опривыченного нравственного поведения в область проблематизации. Безусловно, существует некоторая формальная сторона нравственности – этикет, которая в действительности прямого отношения к морали не имеет. Можно обладать огромным массивом

специализированного знания, быть искушенным в тонкостях этикета, но не являться при этом нравственным, поскольку сфера проблематизации нравственных феноменов сосредоточена не на уровне теоретизации, а на уровне практического поведения.

Отказ человека действовать в рамках «положенного» позволяет ему выйти из некоторой формы массовидности. Ситуации разрыва повседневности, разрыва массовидности позволяют оценить возможности человека, поскольку выход за эти рамки может привести человека либо в специализированные конечные области значения, либо примитивизировать его до уровня животного существования.

Кроме того, повседневность в таком ракурсе рассмотрения предстает как возможность, как некое пространство возможности метафизического роста. В этом плане конечные области значения – это, скорее, из области действительного. Причем действительными значения этих областей становятся тоже после того, как будут адаптированы в сфере повседневности (в частности, посредством работы).

От масс к индивиду: переосмысление теоретических оснований феномена масс в ситуации эпохи постмодерна.

Нравственность как форма практического поведения, реализующаяся лишь при осуществлении индивидом морального выбора, позволяет определить потенциальные точки разрыва массовизации, а, значит, возможности индивидуализации. Эти точки не попали в фокус исследования социальной теории эпохи модерна. Но именно их исследование позволяет проанализировать саму возможность вырастания индивида из масс (массы). Этот ход и оказался востребованным в современной социально-философской теории, обратившейся к феномену повседневности и, естественно, столкнувшейся с необходимостью переосмысления феномена масс.

Анализ постмодернистской теории на примере творчества М. Бланшо позволяет выявить важную закономерность: представитель элиты обнаруживает в определенных ситуациях способность вовлекаться, проваливаться в массы, тем самым разрушая классическую установку вневходимости. Следовательно, мы можем наблюдать бесконечно расширяющийся горизонт масс, которые оказываются способными вмещать в себя людей независимо от их социального статуса, культурной развитости и любых других различий, имеющих значение как на уровне индивидуальном, так и на уровне общественном.

Массы же, будучи способными включать в себя человека элиты – классического воплощения индивидуализма, – предстают перед нами формой и необходимой базой для возможного роста индивидуального.

Возникает ряд вопросов. Как масса, в сущности, являясь неструктурированным феноменом, лишенным индивидуальности, может быть пространством для выработки индивида? Тот ли это индивид, которого воспевала классическая философская мысль на протяжении многих веков или, возможно, понимание индивида и идеал индивида меняется с наступлением новой эпохи – эпохи постмодерна?

Представляется, что исходной точкой для ответа на поставленные вопросы должна служить уже обозначенная нами содержательная база понятия феномена масс в ее классическом варианте, в основании которой лежит отношение членов любой социальной группы к феномену производства. Теория постмодерна обнаруживает процесс трансформации базисных принципов построения этих теорий (исключая отношение к производству), что влечет за собой принципиально новые выводы и результаты.

Таким образом, исключая все формы редукции сообщества к конкретно-осязаемым условиям, мы получаем сообщество, превращенное в некий идеальный образец – оно желаемо, но невозможно. И этот идеальный образец отныне становится предметом работы и производства. Именно с ним, а не с формами производственных вещных отношений человек соотносит себя как с предметом, то есть предмет перестраивается из вещи в идеальную форму.

Мы можем говорить о том, что Бланшо, выстраивая альтернативную концепцию сообщества

непроизводящего, пытается понять непредметность предмета. В самом деле, предмет вполне может быть не только материальным, но и идеальным. Описанное Бланшо сообщество само оказывается предметом работы, что позволяет нам понять, как масса может стать формой, продуцирующей индивида.

Получается, что свойства масс оказываются естественным свойством любого человека. Поясним: классическое общество, будучи четко структурированным, достаточно четко демаркировано. В этой демаркации каждая социальная общность становится социальным эквивалентом, социальным носителем тех или иных фиксированных характеристик. В массах же мы обнаруживаем отсутствие четкой структурированности. Безусловно, отсутствие строгой структуры влечет за собой немало разноплановых последствий. Нам представляется, что массы сегодня можно представить как отражение одной из сторон развития общества эпохи модерна, а именно – логики универсализации, логики всеобщности. С одной стороны, массы обнаруживают своего рода «провал всеобщности», а с другой стороны, логика всеобщности трансформируется в логику массовизации. При этом логика всеобщности как универсализации есть и логика становления индивидуальности. В массе (массах) наличествует росток индивидуализации – именно из массы (а не из элиты) может вырасти социальный индивид.

Массы и повседневность, описываемые теоретиками модерна, вполне закономерно предстают перед нами как формы, сосредотачивающие в себе негативные характеристики: невозможность творчества, рефлексии, проектирования и прочее. Все эти характеристики проявляются благодаря рефлексии этих феноменов, но при этом рефлексии позиции самого теоретика – «рефлексии рефлектирующего» – не происходит. Фактически, философия постмодерна осуществляет рефлексии рефлектирующего и приходит к выводу о том, что позиция теоретика оказывается индивидуальным дискурсом, который питает иллюзию о том, что он и только он (теоретик!) является воплощением всеобщности. Однако, осуществляя рефлексии позиции теоретика, мы обнаруживаем уже указанную выше непротивоположность элиты и массы, что позволяет говорить о том, что представитель элиты вырастает из массового общества и в этом плане неизбежно несет на себе печать масс.

Сейчас мы находимся в исторической ситуации, когда механизмы мягкого принуждения отсутствуют, а значит, ничто не гарантировано. Даже такие жизненно важные для человека социальные гарантии как трудоустройство или семья перестают быть оплотом стабильности. В этой ситуации только индивид в его личностном, индивидуальном проявлении способен «склеить» распавшиеся социальные ячейки. Однако возможным это становится только лишь в случае осуществления личного усилия, а отнюдь не посредством действия традиций или государственной поддержки.

Как видно из изложенного, это уже не тот классический индивид, являющийся идеалом эпохи модерна. Самость и субъектность его проявляются уже не в отстраненности от общества, не в той принципиальной иерархизированности, которую мы встречаем, например, в титанизме как идеале эпохи Возрождения. Этот индивид родственен, удивительно похож на субстанциального индивида, о котором писал К. Маркс. Анализ данного понятия приводит нас к выводу о том, что субстанциальный индивид – это ученый, философ, теоретик (иными словами – представитель элиты) в его непосредственной включенности в общество, а значит, с одной стороны, он принадлежит некоему научному сообществу, а с другой – взаимооформляется, взаимоопределяется, получает само-сознание, и, соответственно, взаимо-усиливается и взаимо-развивается только и именно в отношении к народу (в нашем случае позволим себе сказать – к массам / массе). Именно отношение «представитель элиты – массы / масса» в его (отношении) целостности, композиционности делает возможным появление того самого индивида, способного быть и выстоять в условиях «текущей современности», так как позволяет «снять» односторонность каждой из теоретических моделей. У Маркса это отношение представлено в отношении «мудрец (ученый Демокрит и философ Эпикур) – народ».

Кроме того, возможность реализации идеи, несоразмерной человеку, в ситуации, которая диагностируется эпохой постмодерна как ситуация несоразмерного человеку знания, позволяет нам утверждать, что индивид эпохи «пост-» может и должен существовать в форме субстанциальности.

Поскольку субстанциальный индивид предполагает взаимозависимость теоретика и массы, то оказывается, что именно массы являются формой, продуцирующей субстанциального индивида. Сама возможность его существования может быть обеспечена лишь посредством постоянного взаимодействия в контексте «элита-масса».

Итак, реальный индивид, о котором хочет писать теоретик эпохи постмодерна – это своеобразная индивидуализация субстанциального индивида. Этот индивид ничем и никем не гарантирован (ни социальной структурой, ни образованием, ни государством), но он существует. Отметим: никем и ничем, кроме себя самого. В этом и заключается сложность социальной теории и социальной практики. Возникает вопрос: что нужно сделать, чтобы субстанциальный индивид в его индивидуализированной форме случался чаще? Ответ находится лишь один – только воспроизводить его в собственной личной деятельности. Ведь посредством личного примера, подкрепленного желанием и стремлением сподвигнуть Другого на аналогичные поступки, проявление (и появление) в массе субстанциального индивида становится не только возможным, но и необходимым.

Snarskaya E.V.

TRANSFORMED DAILY AS A PREMISE OF INDIVIDUALIZATION OF HUMAN MASSES

Article is devoted to the definition of the concept of a number of phenomena of mass and the daily life and the identification of the Nouveau features of metaphysical growth of the individual, which allows you to determine the theoretical model of the individual whose existence is possible in postmodern situation.

Keywords: the phenomenon of the masses, daily, people, metaphysics.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – Т. 1. – С. 170.
2. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – С. 8-9.
3. Данто А. Аналитическая философия истории [Электронный ресурс] / А. Данто; под ред. Л. Б. Макеевой; пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 289 с. – URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/danto/danto_intro.htm (дата обращения: 28.01.2014).
4. Кемеров В. Е. Связность общественности и проблематизация повседневности / В. Е. Кемеров // Социемы: журнал по социальной философии и методологии общественности. – 2003. – № 9. – С. 12–15.
5. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – Соч. в 9 томах. – Т. 1. – 958 с.
6. Тюгашев Е. А. Проблема предмета социальной философии [Электронный ресурс] / Е. А. Тюгашев. – Новосибирск, 2007. – URL: <http://filosof10.narod.ru/special.htm> (дата обращения: 28.01.2014).

Хазиева Н.О.

nokhazieva@kpfu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ФЕНОМЕНА ВИРТУАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОДУКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИРТУАЛЬНОГО И АКТУАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНЫХ МИРОВ

Аннотация: Статья посвящена уточнению онтологического статуса виртуальной реальности, исследованию присутствия виртуального в жизни человека, специфике понимания виртуальной реальности, особенностям философского представления о становлении и превращении виртуальной реальности в сферу социального бытия человека.

Ключевые слова: личность, виртуальная реальность, социальный мир

Ближе к середине двадцатого столетия в естественных науках, таких как физика, химия, математика, программирование и др., возникло и закрепилось понятие виртуальной реальности, способное описать различные естественные и искусственные состояния изучаемых объектов. Затем оно многократно уточнялось: у виртуальной реальности появлялись новые грани, виды, подвиды. Различные области наук акцентировали свое внимание на определенных свойствах, качествах виртуальной реальности, тем самым понятие продолжило свой рост. Безусловно, истоки происхождения оставили свой отпечаток, и, говоря «виртуальная реальность», мы изначально подразумеваем некое компьютерное киберпространство, искусственную среду, т.к. благодаря именно компьютерным технологиям этот термин вошел в нашу повседневную жизнь и стал популярным.

У естественных наук понятие было заимствовано социогуманитарными науками, в которых оно, не сумев избежать значительных преобразований, обрело собственное оригинальное звучание. Родственные философии науки, такие как психология, социология и др.,

сумели увидеть в ней понятие, способное не только описать некоторые имеющиеся состояния и процессы, но и реализовать новый способ видения имеющихся актуальных проблем, а также очертить новый круг вопросов. Например, на стыке философии и психологии зародилась виртуальная психология, объектом исследований которой стали взаимодействия человека и кибернетического пространства. В последствии на основании полученных результатов была образована виртуалистика, больше мировоззренческая система, нежели наука в строгом смысле. Она была призвана помочь исследователю философски осмыслить саму виртуальность, а так же процессы и условия порождения виртуальных реальностей и их свойств.

Безусловно, этими областями науки не может быть исчерпано современное применение понятия виртуальной реальности. Оно превзошло себя, и из состояния узкоспециализированного, технического и научного было расширено до пределов возможного. Так под виртуальным стали подразумевать потенциальное, возможное, идеальное, фиктивное, воображаемое, нереальное, порожденное и пр. В повседневной речи привычные фразы о несбыточности, бессмысленности и трагической раздвоенности существования человека: «Витаешь в облаках», «Ты пребываешь в мире грез», «Живешь иллюзиями» и пр., были дополнены новой: «Ты живешь в виртуальном мире!». Возникли понятия «виртуальной дружбы», «виртуального общения», «виртуальной любви» и пр. Виртуальная реальность проникла даже в искусство: литературу, киноиндустрию и т.д. В каждой из областей ее применения раскрываются все новые грани и смысловые оттенки. Виртуальная реальность стала неотъемлемой частью жизни современного человека.

Виртуальная реальность претерпела качественный скачок – она приобрела мировоззренческий аспект. Более того, она стала философским понятием; категорией философии, не только олицетворяющей некие предельно абстрактные умопостижимые конструкты, но и способной отражать проблемы, связанные с самой повседневной жизнью человека, его природой, его бытием.

Виртуальные миры, как неотъемлемая часть жизни, принимают непосредственное участие в социализации человека. Невозможность пройти процесс социализации в силу многих причин и проблем, содержащихся как в наличной действительности, так и в самом человеке, вынуждает его обратиться за помощью к виртуальным мирам.

Виртуальная реальность есть умозрительная конструкция, идеальное пространство, надстроенное над действительным, но ставшее неотъемлемым фактором «подлинной» экзистенции человека. Она есть, прежде всего, пространство социализации, продуцированное человеком по причине наличия в актуальном мире изъянов, не позволяющих человеку пройти традиционный процесс социализации. Пребывание в виртуальных мирах, а также само перемещение из актуального мира в виртуальные и обратно, способно дать человеку возможность достижения собственной полноты бытия. Личность, как продукт столь сложных социализирующих путешествий, зачастую балансирует между жизненными позициями, воплощенными в активных социальных преобразованиях (вопреки всему или соотнося с наличной действительностью) или пренебрежением актуальной реальностью в пользу виртуальной.

Виртуальная реальность – один из миров, где протекает бытие человека. Следовательно, виртуальная реальность не должна быть отождествляема ни с одним из проявлений этого мира.

Виртуальная реальность, по своей сути, есть идеальное образование, некая умозрительная конструкция, ставшая неотъемлемым фактором «подлинной» экзистенции человека. Идеальное может навсегда так и остаться идеальным, а может стать виртуальным, как только человек начнет им жить и наделит его онтологическими характеристиками: перенесет себя и свое существование в пространство виртуального. Со временем человек становится все более эмоционально вовлеченным, заинтересованным в пребывании в этом идеальном пространстве. Возникает аксиологический аспект виртуальной и актуальной реальностей: человек дает оценку наличной и виртуальной реальностям. Из сущего, наличного бытия рождается представление о должном. Осознавая несовпадение должного и сущего, виртуальные реальности начинают

включать сущностные, необходимые, должные характеристики бытия.

Но как только человек начинает жить в этом виртуальном, тогда он в этом пространстве и начинает социализироваться, обретать свою социальную сущность. Так он оказывается в пространстве виртуальной социальной реальности.

Виртуальное социальное пространство вбирает в себя социальную действительность, преобразует ее (по собственным уникальным законам), а затем, отражая, выдает человеку иной ракурс, иное видение окружающего мира. Однако, зачастую, эти процессы для человека остаются невидимыми, и он с легкостью принимает подобное видение за саму действительность.

Виртуальная социальная реальность может твориться самим человеком по причине несовершенства мира наличного, присутствию в нем глубинных социальных изъянов, из-за которых человеку и приходится прибегать к помощи виртуальных миров при процессах социализации и самоидентификации.

Заметим, такое понимание виртуального не совпадает с общепринятым. Так как термин имеет глубокие технологические корни, то его современная интерпретация чаще всего и подразумевает именно компьютерные сетевые разработки. Безусловно, виртуальная реальность, созданная и поддерживаемая средствами связи, также может быть рассмотрена как один из факторов социализации современного человека. Однако, виртуальная реальность, основанная на технических средствах, не будет иметь столь глубокого влияния на человека, не сумеет встроиться в самую суть процесса социализации, выступая лишь одной из областей творчества человека и всегда подразумевая некоторую техническую поддержку.

Понимание виртуальной реальности, реализованное в данной работе, не подразумевает никаких иных ее контактов с действительностью, кроме как посредством человека и в самом его мышлении. Творение виртуальных социальных реальностей не носит характера праздности, технического вызова и пр., иногда она есть вынужденное творение в условиях беспомощности человека перед лицом действительности, иногда – производство области собственной деятельности. Очень часто она перенимает на себя большую часть социализирующих функций наличной реальности. Человек вынужден все чаще обращаться к виртуальному, вольно или невольно производя и воспроизводя ее в своих мыслях. И тогда действительно можно сказать, что человек «живет» в виртуальном мире.

Виртуальной реальности мы придали характер историчности, исходя из того, что наполнение или содержание социального (пространства) всегда само по себе исторично. Иными словами социально значимым для человека в разные эпохи было то, что соответствовало на тот момент времени ступени его духовного развития. Виртуальная реальность, имея началом своим социальные противоречия, в каждый момент истории «отражает» (искажая, переиначивая) реалии соответствующего времени.

Виртуальные реальности могут быть порождением ума одного человека или умов многих людей, могут предназначаться для собственной социализации или для социализации группы людей. Человек может прибегать к построению виртуальной реальности бессознательно или же вполне осознанно. Они могут быть притворены в жизнь, и тогда стать частью самой актуальной реальности.

Виртуальное – продукт творчества человеческого духа, и в этом смысле оно, конечно, зависит от человека, времени и условий его жизни. Мы предлагаем различать два уровня виртуальных реальностей. Первая виртуальная реальность отражает общественную, предельно объективную сторону жизни человека. В некотором смысле это есть объективный дух, который поэтапно включает в себя весь накопленный ранее духовный опыт человечества. Каждое новое поколение, проходя процесс социализации, присваивая себе собственную родовую сущность, вынуждено обращаться к кладовым первой виртуальной реальности. Призванная объединять людей, первая виртуальная реальность предполагает некие собирательные стандарты: религиозные, культурные, этнографические, языковые и т.д. Но в тот же самый момент разъединяет общество по тем же самым признакам, что нередко приводит к столкновениям и войнам. Имея

преимущественно всегда ярко выраженное культурно-историческое преломление, по-разному социализирует человека даже в рамках одного исторического отрезка времени развития человечества. К примеру, раннее христианство (как один из предполагаемых вариантов первой виртуальной реальности) «вело на баррикады», являлось альтернативой, возражением против наличной религии и текущего политического строя. Однако со временем было превращено в весомый сдерживающий фактор.

Для полной социализации человека первой виртуальной реальности еще недостаточно. Всегда присутствует, участвует личностная, индивидуальная сторона данного процесса. Осознаваемое несоответствие наличного мира и тех идеалов, которыми располагает первая виртуальная реальность, вынужденно приводит человека к попыткам устранения пропасти между должным и сущим. Человек обращается к своему собственному миру: вторая виртуальная реальность строится (достраивается) именно на таких «несовпадениях». Она есть такое преломленное, искаженное умственное отражение наличной действительности, что социальное полотно начинает выглядеть в глазах человека не разорванным, а целостным.

Проблема заключается в том, что подобных (вторых) виртуальных реальностей начинает твориться все больше в пределах жизни одного человека. Каждый, кто не согласен с наличным бытием, кто по разным причинам не в состоянии пройти процессы социализации в должном виде в условиях наличной действительности, обращается за помощью к виртуальным мирам. Осознанно или спонтанно, целенаправленно или интуитивно каждый человек в большей или меньшей степени воспроизводит, замещает наличную действительность виртуальной. Проходя процесс до-социализации в такой смешанной социальной среде, личность человека изменяется (иногда деформируется) не по естественным законам, а уникальным законам конкретной виртуальной реальности. Безусловно, такие личностные изменения могут привести к различного рода конфликтам с другими людьми и обществом в целом. В этом случае вполне объяснимо желание еще более углубиться в собственные виртуальные миры из-за того, что его «обновленного» действительная реальность готова принять меньше прежнего.

Но на уровне второй виртуальной реальности существует группа, более примечательная всех прежних. Мы говорим о виртуальных реальностях, творимых не для себя (не для собственной социализации), но для других. Такое искусное творение подразумевает, что человек, охваченный подобной виртуальной ловушкой, не имеет понятия даже о ее существовании. Выработывая ложное сознание, ложное мышление, постоянно отвлекая искусственными идеалами и ценностями, система делает человека и общество управляемыми. Чаще всего, это происходит не с целью защитить, обогатить, просветить общество, а в сугубо своих интересах. Однако все же исключительно этими целями невозможно описать все взаимодействия человека творящего и воспринимающего общества. В некоторых случаях это действительно единственный возможный вариант прогресса. За исключением чрезвычайных событий, общество имеет природу инертную по своей сущности. В таком случае, нужны люди, способные повести за собой, способные управлять обществом. К сожалению, распознать истинные мотивы таких лидеров сразу почти невозможно.

При наличии явного дефицита социализационных инструментов в актуальном мире, человек все чаще вынужден обращаться за помощью к совершенно иным средствам социализации. Творя виртуальные социальные миры, он наделяет их социализирующими факторами, необходимыми ему. Однако, это не просто производство и воспроизводство отдельных недостающих свойств действительного мира на почве виртуального, это творение нового мира, где человек-творец начинает играть главенствующую роль. Таким образом, однажды сотворенный мир не остается в состоянии покоя и стабильности, он изменяется и развивается вместе с человеком, в свою очередь, человек старается органично сочетать собственные виртуальные миры и актуальную действительность.

В такой ситуации человек рискует затеряться в бесконечном переходе между виртуальным и актуальным

мирами, очередной раз так и не сумев выбраться из виртуальной реальности. Личность как продукт взаимодействия виртуальных и актуальной социальных реальностей может оказаться «побежденной», выхоленной самой диалектикой социальных миров.

Современный человек находится во власти переплетения множества индивидуальных виртуальных реальностей, общественных виртуальных реальностей и актуальной действительности. Все эти миры часто конфликтуют между собой. Тем самым личность современного человека есть сомневающаяся, одинокая, беспокойная, ослабленная терзаниями и собственной нерешительностью. Подчас «слишком болезненно чувствующая» и крайне мнительная. Без однозначных границ личностного пространства. Личность чаще всего случайная, отождествляющая себя с окружающими предметами, потребляя все больше, и в этом находящая отдушину. Личность с глубокой психической зависимостью от самого процесса потребления уже без разбора, утратившая истинные социализационные ориентиры и постоянно ищущая себя.

Само время современности прорисовывает ситуацию, в которой личность изменяется изнутри, изгибается по новым, до конца еще не определенным, постоянно изменяющимся правилам. Человек Постмодерна живет в конструкции мира, в картине мира. Ситуация пространственно-временной неопределенности накладывает на человека свой отпечаток. Глобализация также способствует потере социализационных ориентиров в обществе. Довольно быстро стали исчезать, растворяться в прошлом многие культурные, этнографические, языковые, религиозные особенности целых наций.

Изменения происходят не только в макро структурах, более узкие сферы жизни людей также подверглись виртуализации. Семья, межличностные отношения традиционного уклада претерпевают неестественные изменения.

Социализация – непрерывный процесс утверждения себя как человека и части общества. Человек и общество не существуют по отдельности. Человеку нужен другой человек, чтобы обнаружить собственное присутствие в мире. Только в обществе человек может реализовать свою подлинную сущность. Для этого он должен быть замечен, узнаваем, желаем как человек. В современном обществе, больном массовостью, безразличием, взаимосоразмерностью части и целого человеку почти невозможно встретить чей-то пристальный взгляд на самом себе. Современный человек больше занят своим существом (телом), а его духовные практики прошли всеосушающий процесс секуляризации. Проще найти себя в вещи, книге, идеологии (проще – идее), чем пытаться выстроить сложный, неоднозначный процесс традиционной социализации.

На примере постсоветской России рассмотрено именно такое противоречивое взаимодействие индивидуальных виртуальных реальностей, виртуальных реальностей «предложенных сверху» и действительного мира сначала советского, а потом и постсоветского человека.

Глубинным личностным изменениям подвергся человек при титаническом всеохватном влиянии и поглощении его советской виртуальной реальностью – марксистско-ленинской идеологией. Так на протяжении почти 75-и лет его пытались превратить в человека намеренно усредненного, думающего прежде о благе страны, нежели о себе. Всеми возможными средствами советская власть старалась донести до общества все те идеи, которые формировали виртуальную советскую реальность, среди которых: принадлежность ко всевозможным союзам, семья, работа, партия и другое.

Когда пал советский строй, опрокинулись и все виртуальные реальности, на которых он жила. Человек оказался перед лицом настоящей действительности с ее действительной экономикой, межгосударственными и межнациональными отношениями.

Опустошенными разочарованиями, глубокими экономическим и политическим кризисами, крахом структуры не только всего государственного устройства, но, прежде всего, полным крахом личных надежд и дела всей жизни – таким человек оказался перед лицом больших перемен. Когда советская виртуальная

реальность, некогда владевшая сердцами и умами людей, рухнула, советский человек вошел в постсоветское пространство.

Однако советский человек не был готов оказаться постсоветским. Советское прошлое еще слишком доминировало в самом его мышлении, взглядах, условиях его жизни, стереотипах поведения, представлениях о мире. Советский человек вступил в постсоветское пространство (в том числе территориальное, политическое, экономическое) все еще охваченный виртуальным миром прошлого.

Неоднозначная, сложная действительность поглотила постсоветского россиянина. Не найдя необходимых средств социализации в заново сформированном обществе, он был вынужден обратиться к построению новых собственных виртуальных реальностей.

Со временем, человеку советского прошлого были предложены новые политические, экономические, социальные виртуальные реальности. Пропагандируемые ими идеалы были истинны (мир, достаток, равноправие и т.п.), но их действительные идеалы были ложны (коррупция, подчинение, использование и т.д.).

Постсоветского человека затянуло в общество, пропагандирующее виртуальные истины сверхнасыщения и сверхпотребления.

Спустя почти двадцать лет после этих событий, российский человек вполне понимает, что живет при виртуальной демократии, с виртуальной свободой слова, при виртуальном устройстве экономики и многим другим. Западные массовые ценности, ориентированные на потребление, копирование, симуляцию и пр. поглотили современного человека, почти заставили его перестать адекватно воспринимать сложившуюся обстановку. Полученные от нового государства удобство, достаток, спокойствие и комфорт сгладили желание сопротивляться системе. Общество окунулось в сплетение частных и массовых виртуальных реальностей.

Если человеку случается выбраться из их оков, то возникает множество противоречий и конфликтов между действительной реальностью без виртуального налета и той личностью, которая была сформирована при участии виртуальных реальностей.

Анализ конструкторов повседневной коммуникации в постсоветской России позволил реконструировать доминирующие на этом этапе виртуальные реальности как пространства социализации. Предопределенные ими основные особенности социализационных процессов могут быть выражены, с одной стороны, бесконечной сменой хаотично возникающих порядков, с другой – порядком, где ценностные ориентации выполняют преимущественно дезинтегративную функцию.

Вся противоречивость процесса социализации в пространстве постсоветской России может быть выражена существованием типов личностей, интересы которых, зачастую, принимают противоположные стороны: патриоты и космополиты, националисты и интернационалисты, активные участники общественных преобразований и асоциальные элементы и прочие.

Khazieva N.O.

THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL RECONSTRUCTION OF VIRTUAL AND IDENTITY AS A PRODUCT OF THE INTERACTION OF VIRTUAL AND ACTUAL SOCIAL WORLDS

Article is devoted to refining the ontological status of virtual reality, virtual presence research in human life, virtual reality, understanding the specifics characteristics of philosophical ideas about the formation and transformation of the virtual reality in the realm of social existence.

Keywords: personality, virtual reality, social peace.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bricken W. Virtual Reality: Directions of Growth. Notes from the SIGGRAPH'90 Panel. [Электронный ресурс]. – URL: <ftp://ftp.hitl.washington.edu/pub/publications/papers/m-90-1.html> (дата обращения: 28.07.2014)
2. Koltko-Rivera M. The Potential Societal Impact of Virtual Reality. Professional Services Group, Inc., 2005. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.haverford.edu/psych/ddavis/psych214/koltko-rivera_2005_VR-rev.pdf (дата обращения: 28.07.2014)
3. Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Alfred A. Knopf, 2010. 209 p.
4. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – Basic books. A member of the perseus books group. New York, 2011. – 384 p.
5. Zizek S. Living in the End Times. – Verso; Rev Upd edition, 2011. – 520 p.
6. Асадуллин, Э.Ф. Виртуальный подход в истории / Э.Ф. Асадуллин. - Стерлитамак: Стерлитамак, 2009. – 124 с.
7. Бу К. В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая / К. Бу. Пер. с англ. И.А. Крейниной. – М.: Эксмо, 2013. – 400 с.
8. Василии Великий. Беседы на шестоднев. Пер. Л. Сечкарева. – М.: Отчий дом, 2010. – 187 с.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
10. Елхова О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / Елхова О.И. – Уфа: 2011. 38 с.
11. Емелин В.А. Виртуальная реальность и симулякры. [Электронный ресурс]. – URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 28.07.2014)
12. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно / Славой Жижек: пер. с англ. Е. Савицкого. – М.: Издательство «Европа», 2012. 272 с.

13. Канский В. Фидель Кастро выступил на многотысячном митинге в центре Гаваны. 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.kp.ru/daily/24566/739218/> (дата обращения: 28.07.2014)
14. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 1200 с.
15. Коротков Н.А. Феномен виртуальной реальности как объект научного анализа и философской рефлексии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / Коротков Н.А. – СПб.: 2010. – 28 с.
16. Мелков Ю.А. Виртуальная реальность как феномен культуры // Генезис категории виртуальная реальность: Материалы международной научной конференции. – Саранск: Тип. «Рузаевский печатник», 2008. – С.176-180.
17. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990, No 5, 9; 1991, No 4. – [Электронный ресурс]. URL: <http://v4.udsu.ru/files/1303479468.pdf> (дата обращения: 28.07.2014)
18. Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов / Носов Н.А. – М.: Путь, 2009. – 69 с.
19. Нуруллин Р.А. Метафизика виртуальности / Нуруллин Р.А. Казань: Изд-во КГТУ, 2009. – 525 с.
20. Родин А.В. Именованье как событие: от возможных миров к виртуальной среде. 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://philomatica.org/wp-content/uploads/2012/12/KRIPRUS.pdf> (дата обращения: 28.07.2014)
21. Сайкина Г.К. Человек – бытийное или социальное существо? // Ученые записки Казанского университета, т. 155, кн. 1. Казань: Казан. ун-т – 2013., с. 147-156.
22. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социологические исследования. 2012, No1. – С. 37-47.
23. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Российские реформаторы 1990-х годов: Общественно-политический портрет // Россия и современный мир. 2014. No 2. – С. 35-58.
24. Тарасенко, В.В. Антропология интернет: самоорганизация «человека кликающего» / В.В. Тарасенко [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/588/657/1231/012TARASENKO.pdf> (дата обращения: 28.07.2014)
25. Терещенко Н.А. Социальная философия после «смерти социального» / Н.А. Терещенко. – Казань: Казанский университет, 2011. – 366 с.
26. Трофимова А.А. Человек в развертывании виртуальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Трофимова А.А. – Омск: 2011. – 20 с.
27. Шаммазова Е.Ю., Хазиев А.Х. Опыт концептуальной интерпретации словаря повседневности развитого социализма // Советское общество и советский человек: мифы и реальность. Сборник докладов международной научно-практической конференции. – Казань: КГАСУ, 2012. – С. 245-247.
28. Шапиро Д.И. Виртуальная реальность и проблемы нейрокомпьютинга / Шапиро Д.И. – М.: РФК-Имидж Лаб, 2008. – 454с.

Харисова Г.М., д.э.н.

rida@mail.ru

Казанский государственный
архитектурно-строительный
университет
Казань, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНЫМ КОМПЛЕКСОМ В КОНТИНУУМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: В статье представлены методические подходы, алгоритмы и механизмы оценки физической, инновационной и социальной инфраструктуры мезоуровневой социально-экономической системы, предлагается матрица выбора приоритетных методов трансформации экономического пространства региона в формате создания и развития «точек роста».

Ключевые слова: инновации, инфраструктурный комплекс, региональное экономическое пространство, точки роста.

Как показал проведенный анализ существующих методологических подходов к оценке региональной инфраструктуры при выявлении перспектив формирования и развития «точек роста» мезоуровневого экономического пространства, современные исследователи выделяют следующие вида региональной инфраструктуры: инновационную, физическую и социальную. Исследование сложившейся практики развития мезоуровневых социально-экономических систем на основе формирования «точек роста» показывает, что в настоящее время региональное развитие предполагается обеспечивать либо на основе развития инновационной инфраструктуры (как правило, при условии наличия разветвленной физической инфраструктуры, характерной для регионов Центрального, Приволжского, Северо-Западного и Уральского федерального округов), либо на базе расширения физической инфраструктуры (данный подход является приоритетным для Южного и Северо-Кавказского федеральных округов), либо посредством одновременного развития инновационной и физической инфраструктуры (данный подход характерен для Сибирского и Дальневосточного

федеральных округов). Анализ эффективности соответствующих целевых программ, реализуемых на уровне регионов и макрорегионов Российской Федерации показал, что наблюдается связь средней силы между оценкой перспектив развития «точки роста» по параметрам динамики инновационной и физической инфраструктуры, что свидетельствует о необходимости учета дополнительных факторов развития инфраструктуры региона на этапе прогнозирования тенденций трансформации экономического пространства. В рамках проведенного исследования было выявлено, что оценка уровня развития социальной инфраструктуры позволяет определить уровень эффективности при реализации целевой программы, направленной на формирование в регионе «точек роста»; при этом коэффициент корреляции Пирсона между сводной оценкой инновационной и физической инфраструктуры, скорректированной с учетом балльной характеристики состояния социальной инфраструктуры на предварительном этапе реализации целевой программы, составляет 0,7614%, что подтверждает наличие сильной взаимосвязи. Таким образом, при оценке перспектив формирования «точки роста» в регионе на основе развития инфраструктуры необходимо использовать технологию мета-анализа данных по динамике развития инновационной, физической и социальной инфраструктуры, что позволит устранить возможные противоречия в процессе реализации соответствующей целевой программы.

Применение технологии мета-анализа в рамках поставленной задачи, в свою очередь, предполагает необходимость решения проблемы различия измерительного инструментария, используемого для оценки инновационной и физической инфраструктуры (преимущественно финансовые показатели) и социальной инфраструктуры (преимущественно нефинансовые показатели). Решение данной задачи реализуется посредством применения модифицированной технологии мета-анализа, на первом этапе которого производится формирование комплекса критериев по включению результатов исследований текущего состояния и перспектив развития региональной инфраструктуры, что предполагает отбор критериев, применение которых позволит оценить возможность реализации приоритетных с точки зрения обеспечения развития мезоуровневой системы инфраструктурных проектов. На втором этапе проводится оценка сопоставимости единиц измерения, использовавшихся в процессе при проведении исследований, результаты которых отобраны на основании сформированного на первом этапе комплекса критериев для мета-анализа состояния и перспектив развития инфраструктуры региона. На третьем этапе применяется метод свертки частных показателей, применяемых для оценки инновационной, физической и социальной инфраструктуры, причем при свертке частных финансовых показателей, характеризующих состояние и перспективы развития физической инфраструктуры, следует использовать среднюю арифметическую взвешенную; в процессе свертки финансовых показателей, характеризующих инновационную инфраструктуру – среднюю гармоническую взвешенную; при свертке частных нефинансовых показателей состояния и перспектив развития социальной инфраструктуры региона используется балльная оценка в формате средней геометрической взвешенной. Затем на этом же этапе реализуется трансформация полученной балльной оценки в интегральный финансовый показатель, в рамках которой единичный балл принимается равным 0,01 десятипроцентного прироста валового регионального продукта в течение трех-пятилетнего периода развития региона. Далее на четвертом этапе проводится оценка интегральных показателей состояния и перспектив развития региональной инфраструктуры, причем интегральные показатели формируются с учетом индивидуальных особенностей развития региона по методу множественной регрессии в разрезе приоритетных индикаторов развития региона. Например, для формирования интегрального показателя динамики валового регионального продукта в результате введения объектов инфраструктуры на основе анализа статистических данных по Республике Татарстан за 2006-2011 гг. была построена следующая модель множественной регрессии:

$$ПР_{ВРП} = 6,52 - 0,31С_{фи} - 0,17С_{ии} + 0,72С_{си}, \quad (1)$$

где $ПР_{ВРП}$ – темп прироста валового регионального продукта, %;

$С_{фи}$ – интегральный финансовый показатель оценки стоимости вводимых объектов физической инфраструктуры, млрд. руб.;

$С_{ии}$ – интегральный финансовый показатель оценки стоимости вводимых объектов инновационной инфраструктуры, млрд. руб.;

$С_{си}$ – интегральный финансовый показатель оценки стоимости вводимых объектов социальной инфраструктуры, млрд. руб.

На пятом этапе на основе проведенной оценки проводится анализ чувствительности полученных результатов, после чего процедура мета-анализа является завершённой. Далее полученные результаты в разрезе интегральных показателей обрабатываются и на их основе формируются рекомендации по созданию/развитию инфраструктурных «точек роста» в исследуемой мезоуровневой социально-экономической системе.

Одним из параметров, определяющим перспективы и направление трансформации экономического пространства региона посредством формирования и развития «точек роста», является состояние физической инфраструктуры мезоуровневой системы. Физическая инфраструктура включает в себя объекты производственной, транспортной, торговой, финансовой, электронной и информационной инфраструктуры, совокупность которых призвана обеспечить функционирование и развитие экономики региона. Обобщающим показателем, позволяющим оценить текущее состояние и динамику развития данного вида инфраструктуры, является стоимость физического капитала, трактуемого как запас объектов перечисленных выше элементов региональной инфраструктуры, используемых в процессах регионального воспроизводства.

Оценка стоимости физического капитала в современных условиях должна проводиться с применением комплекса оценочных методов, включающих доходный и затратный методы, а также метод сопоставимых продаж, причем реализация указанных подходов к оценке на региональном уровне имеет ряд отличительных особенностей. Так, применение доходного метода предполагает оценку доходов бюджета региона и входящих в него муниципальных образований (включая налоговые и неналоговые доходы), получаемых в результате использования объектов физической инфраструктуры региона в воспроизводственных процессах; оценку доходов хозяйствующих субъектов, включая некоммерческие организации, возникающих при использовании ими объектов физической инфраструктуры региона, а также оценку доходов домохозяйств региона вследствие использования ими объектов региональной физической инфраструктуры. Аналогично, при проведении оценки затратным методом учитываются расходы регионального бюджета и бюджетов муниципальных образований, сопряженные с введением в эксплуатацию и содержанием объектов физической инфраструктуры, затрат хозяйствующих субъектов на содержание находящихся на их балансах либо в доверительном управлении объектов физической инфраструктуры, их создание и ввод в эксплуатацию, а также расходы домохозяйств (в том числе нефинансового характера, представленные в денежном выражении), связанные с созданием, содержанием и реконструкцией объектов физической инфраструктуры. Применение метода сопоставимых продаж в отношении объектов физической инфраструктуры в ряде случаев (например, при оценке основного капитала хозяйствующих субъектов) проводится в соответствии с традиционной технологией оценки; при необходимости определения стоимости объектов, реализация которых на рынке невозможна (к числу которых относятся в основном объекты транспортной инфраструктуры: дороги, мосты, железнодорожные пути, взлетно-посадочные полосы и др.), определение стоимости объекта проводится посредством оценки дополнительных совокупных затрат государства, бизнеса и домохозяйств региона, которые могли бы возникнуть в случае отсутствия данного

объекта физической инфраструктуры, в течение его нормативного срока службы.

Таким образом, в отношении объектов физической инфраструктуры оценка их стоимости реализуется с применением всех трех стандартных процедур оценки; при этом, как показал проведенный в диссертационном исследовании анализ, приоритетным является доходный метод (удельный вес в интегральном показателе оценки составляет 0,4), тогда как затратный метод и метод сопоставимых продаж являются равнозначными (удельный вес каждого из них в интегральном показателе оценки составляет 0,3). Полученная оценка стоимости физического капитала, а также динамика данного показателя используется в качестве одной из ключевых характеристик при принятии решения о размещении и направлениях развития «точек роста» в региональном экономическом пространстве.

В настоящее время в региональном управлении для определения состояния и перспектив инновационного развития мезоуровневой системы выделяются и оцениваются несколько видов капитала, включая интеллектуальный, человеческий и общественный, которые фактически являются пересекающимися множествами. В ходе исследования для целей оценки состояния инновационной инфраструктуры через интегральный показатель капитала была обозначена необходимость ввести в понятийный аппарат современной теории региональной экономики категорию «капитал трансформации региона», трактуемый как совокупность ресурсов, созданных в мезоуровневой социально-экономической системе для производства товаров и услуг на базе радикальных или улучшающих инноваций. При этом уровень капитала трансформации определяется состоянием и сложившейся практикой использования интеллектуального, человеческого и общественного капитала, и выступает основой формирования и умножения национального богатства в инновационной экономике.

В процессе принятия управленческих решений по формированию и развитию региональных «точек роста», целью создания которых является эффективная трансформация экономического пространства, капитал трансформации используется в качестве интегрального оценочного критерия, характеризующего состояние и динамику развития инновационной инфраструктуры региона. Для его определения используются два подхода: доходный и затратный, поскольку реализация метода сопоставимых продаж применительно к оценке капитала трансформации не представляется возможной. Реализация затратного метода, как и в случае оценки физического капитала, предполагает оценку совокупных расходов регионального бюджета и бюджетов муниципальных образований на создание, ввод в эксплуатацию и содержание объектов инновационной инфраструктуры, имеющих как материальную, так и виртуальную форму, затрат хозяйствующих субъектов на создание и эксплуатацию аналогичных объектов, а также расходы домохозяйств (в том числе затрат нефинансового характера, например, временных, представленных в денежном измерителе), сопряженные с созданием, содержанием и реконструкцией объектов физической инфраструктуры. При определении совокупных расходов необходимо учитывать также возникающие в связи с созданием и содержанием объектов инновационной инфраструктуры региона альтернативные издержки, которые могут увеличивать либо уменьшать (при отсутствии альтернативных эффективных объектов вложения ресурсов) совокупные региональные затраты на создание и развитие инновационной инфраструктуры на мезоуровне.

Применение доходного метода для оценки капитала трансформации должно быть реализовано следующим образом. На первом этапе осуществляется оценка доходов, которые будут получены региональным бюджетом и бюджетами муниципальных образований, хозяйствующими субъектами региона, включая некоммерческие организации, а также домохозяйствами от использования объектов инновационной инфраструктуры, которая проводится с применением традиционной технологии оценки. На втором этапе оценивается потенциальный прирост национального богатства, возникающий вследствие более эффективного использования интеллектуального, человеческого и общественного капитала региона на

основе использования объектов инновационной инфраструктуры в течение нормативного периода их эксплуатации. На заключительном этапе посредством сопоставления результатов первого и второго этапов определяется совокупная стоимость капитала трансформации региона доходным методом. Интегральная стоимость капитала трансформации мезоуровневой социально-экономической системы оценивается на основе соотнесения результатов, полученных доходным и затратным методами, причем доходный метод является приоритетным и его удельный вес в рамках интегрального индикатора, формируемого по методу средневзвешенной арифметической, составляет 0,7.

В качестве интегрального критерия количественной оценки социальной инфраструктуры региона в современных условиях хозяйствования необходимо использовать социальный капитал. Проведенный корреляционный анализ показал, что уровень социального капитала определяется четырьмя основными параметрами (в скобках отражен коэффициент корреляции Пирсона данного показателя с темпом прироста составляющей человеческого капитала в национальном богатстве, регистрируемый на уровне региона):

- динамикой развития сетевых образований по критерию уровня их разветвленности, определяемой как средняя продолжительность цепочки контактов, необходимых для реализации цикла формирования и развития «точки роста» (+0,76);

- динамикой развития сетевых образований по критерию надежности связей, определяемой по аналогии с оценкой надежности организационных связей в микроуровневых социально-экономических системах (+0,84);

- темпом прироста доли ценностей развития в числе первых десяти ценностей, определяемых населением региона как приоритетные по состоянию на момент опроса (+0,70);

- динамикой уровня доступности информации, определяемой как средняя продолжительность поиска информации, необходимой для реализации действий по формированию и развитию «точки роста» в регионе (+0,78).

Количественная оценка социального капитала региона, в ходе которой рассчитывается интегральный показатель, характеризующий состояние социальной инфраструктуры, проводится в несколько этапов. На первом этапе определяются затраты бюджетов региона и муниципальных образований, субъектов хозяйствования и домохозяйств на создание, введение в эксплуатацию и содержание материальных и нематериальных объектов социальной инфраструктуры. На втором этапе в качестве элемента доходного метода реализуется оценка прироста ВРП в результате изменения состояния социальной инфраструктуры региона, измеряемой на основе динамики выявленных на основании корреляционного анализа характеристик развития социального капитала. На третьем этапе проводится оценка прироста национального богатства, возникающего вследствие изменения состава и структуры социального капитала в регионе. Данная оценка проводится с использованием метода экспертной оценки (метод Дельфи), а также с использованием результатов независимых исследований по динамике уровня развития социального капитала с последующей корректировкой на основе применения технологии мета-анализа. На заключительном этапе проводится интегральная оценка стоимости социального капитала на основе сопоставления результатов, полученных на основе применения затратного метода (удельный вес значимости в интегральном показателе – 0,3), доходного метода с использованием оценки динамики ВРП (удельный вес значимости в интегральном показателе – 0,3) и доходного метода, основанного на оценке динамики стоимостной оценки национального богатства (удельный вес значимости в интегральном показателе – 0,4). Полученный в результате проведения оценки в соответствии с указанным алгоритмом интегральный показатель используется в качестве корректирующего при формировании целевых программ трансформации экономического пространства региона на основе развития «точек роста». При этом несбалансированность в развитии физической и инновационной инфраструктуры относительно социальной

свидетельствует о низкой вероятности достижения целевых показателей эффективности реализации соответствующей целевой программы.

Анализ практики регионального управления формированием и развитием «точек роста» на основе трансформации инфраструктуры мезоуровневой социально-экономической системы позволил сделать вывод, что параметром, определяющим приоритетность соответствующих воздействий, является сопоставление уровней развития физической, инновационной и социальной инфраструктуры в разрезе этапов жизненного цикла. Соответствующая матрица выбора приоритетных методов трансформации экономического пространства региона представлена нами в таблице 1.

С использованием предложенной матрицы выбора приоритетных направлений трансформации регионального экономического пространства посредством формирования и развития «точек роста» нами было проведено сценарное прогнозирование перспектив развития регионов ПФО, демонстрирующих наиболее высокие и наиболее низкие темпы роста, по следующим сценариям:

- инерционный, в рамках которого развитие экономического пространства регионов ПФО в пятилетней перспективе будет происходить в соответствии со сложившимися тенденциями;
- трансформационный, в рамках которого развитие экономического пространства регионов ПФО в пятилетней перспективе будет происходить на основе развития «точек роста» на базе определения состояния и перспектив развития региональной инфраструктуры.

Таблица 1

Матрица выбора приоритетных методов трансформации экономического пространства региона в разрезе фаз развития физической, инновационной и социальной инфраструктуры

	Становление физической инфраструктуры	Фаза развития социальной инфраструктуры				Развитие физической инфраструктуры	Фаза развития социальной инфраструктуры				
		Становление	Развитие	Рецессия	Депрессия		Становление	Развитие	Рецессия	Депрессия	
фаза развития инновационной инфраструктуры	Становление	Сформировать «точки роста» на основе ключевых компетенций	Сформировать «точки роста» для развития общественного капитала	Сформировать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Сформировать «точки роста» для развития природного потенциала	фаза развития инновационной инфраструктуры	Становление	Развивать «точки роста» на основе ключевых компетенций	Развивать «точки роста» для развития общественного капитала	Развивать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Развивать «точки роста» для развития природного потенциала
	Развитие	Сформировать «точки роста» для развития технологического капитала	Сформировать «точки роста» для развития общественного капитала	Сформировать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Сформировать «точки роста» для развития интеллектуального потенциала		Развитие	Развивать «точки роста» для развития технологического капитала	Развивать «точки роста» для развития общественного капитала	Развивать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Развивать «точки роста» для развития интеллектуального потенциала
	Рецессия	Сформировать «точки роста» для развития материального капитала	Сформировать «точки роста» для развития человеческого капитала	Сформировать «точки роста» для развития природного потенциала	Сформировать «точки роста» для развития природного потенциала		Рецессия	Развивать «точки роста» для развития материального капитала	Развивать «точки роста» для развития человеческого капитала	Развивать «точки роста» для развития природного потенциала	Развивать «точки роста» для развития природного потенциала
	Депрессия	Сформировать «точки роста» для развития материального капитала	Сформировать «точки роста» для развития человеческого капитала	Сформировать «точки роста» для развития природного потенциала	Сформировать «точки роста» для развития природного потенциала		Депрессия	Сформировать «точки роста» для развития материального капитала	Развивать «точки роста» для развития человеческого капитала	Развивать «точки роста» для развития природного потенциала	Развивать «точки роста» для развития природного потенциала

Рецессия физической инфраструктуры		Фаза развития социальной инфраструктуры				Депрессия физической инфраструктуры		Фаза развития социальной инфраструктуры			
		Становление	Развитие	Рецессия	Депрессия			Становление	Развитие	Рецессия	Депрессия
Фаза развития инновационной инфраструктуры	Становление	Реконструировать «точки роста» на основе ключевых компетенций	Реконструировать «точки роста» для развития общественного капитала	Реконструировать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Реконструировать «точки роста» для развития природного потенциала	Фаза развития инновационной инфраструктуры	Становление	Перепроектировать «точки роста» на основе ключевых компетенций	Перепроектировать «точки роста» для развития общественного капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Перепроектировать «точки роста» для развития природного потенциала
	Развитие	Реконструировать «точки роста» для развития технологического капитала	Реконструировать «точки роста» для развития общественного капитала	Реконструировать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Реконструировать «точки роста» для развития интеллектуального потенциала		Развитие	Перепроектировать «точки роста» для развития технологического капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития общественного капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития человеческого потенциала	Перепроектировать «точки роста» для развития интеллектуального потенциала
	Рецессия	Реконструировать «точки роста» для развития материального капитала	Реконструировать «точки роста» для развития человеческого капитала	Реконструировать «точки роста» для развития природного потенциала	Реконструировать «точки роста» для развития природного потенциала		Рецессия	Перепроектировать «точки роста» для развития материального капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития человеческого капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития природного потенциала	Перепроектировать «точки роста» для развития природного потенциала
	Депрессия	Реконструировать «точки роста» для развития материального капитала	Реконструировать «точки роста» для развития человеческого капитала	Реконструировать «точки роста» для развития природного потенциала	Реконструировать «точки роста» для развития природного потенциала		Депрессия	Перепроектировать «точки роста» для развития материального капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития человеческого капитала	Перепроектировать «точки роста» для развития природного потенциала	Перепроектировать «точки роста» для развития природного потенциала

Результаты прогнозирования для Чувашской Республики (ЧР), Республики Марий Эл (РМЭ) и Республики Татарстан (РТ) представляют, что реализация трансформационного сценария будет способствовать ускоренному и более равномерному развитию регионов. Тем самым, подтверждается необходимость разработки комплексных и отраслевых программ регионального развития с учетом потенциала инфраструктурного комплекса и выполнения им роли «точки роста» экономического пространства.

Таким образом, синергетический и мультипликационный эффект воздействия инфраструктурного комплекса на динамику мезоэкономических индикаторов, проявляющийся в повышении уровня его поляризации, конвергенции с сопредельными экономическими пространствами, полноты выполняемых функций, уровня структурированности, уровня дифференциации и спецификации прав собственности, уровня частота и интенсивности трансакций, уровня самоорганизации, реализуется при учете фактора пространственной организации активов в четырехмерной системе координат в процессе разработки и реализации мер регионального управляющего воздействия.

Kharisova G.M.

METHODICAL ASPECTS OF ASSESSMENT AND MANAGEMENT MECHANISMS THE INFRASTRUCTURE SET IN THE CONTINUUM OF THE REGIONAL ECONOMIC SPACE

The article contains methodical approaches, algorithms and tools to assess the physical and social infrastructure, innovative mezo socio-economic system, offers a selection of priority matrix methods of transformation of the economic space of the region in the creation and development of «growth points».

Keywords: innovation, the infrastructure facility, regional economic space, growing points.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Frascati Manual. Proposed standard practice for surveys on research and experimental development. OECD, 2002.
2. Mishra V. Social Infrastructure: A Key Factor In Harnessing Demographic Dividend //SSRN. / Date posted: January 01, 2008; Last revised: January 31, 2008. URL: <http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstractid=1079612> (дата обращения 21.02.2011)
3. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000.
4. Андреева Т., Полякова И. Новая стратегия: транспорт для человека // Транспорт в России. № 16 (512). 2008. 17 апр. URL: <http://www.transportrussia.ru/2008-04-17/politic/transtrategia.html>. Загл. с экрана.
5. Белова Е.И. Конкурентоспособность региона и методы ее оценки / Е.И. Белова // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. С. 276-280.
6. Бурьян М.С., Максимов А.А. Опыт оценки социального потенциала муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2008. № 2. С. 96-106.
7. Гаджинский А.М. Логистика. 20-е изд. М.: 2012. — 484 с.
8. Горелова Г.В., Розин М.Д., Рябцев В.Н., Суший С.Я. Когнитивные исследования проблем юга России // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. Т. 116. № 3. С. 78-93.
9. Гринберг Р., Рубинштейн А. Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // Вопросы экономики. 2010. № 10. 5-16.
10. Демьянова О.В. Эволюция подходов к оценке эффективности региональных экономических систем // Проблемы современной экономики. 2010. №2. С. 311-315.

11. Задумкин, К.А. Формирование и развитие научно-технического потенциала Вологодской области / К.А. Задумкин // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. Вып. 43. -Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. - С. 32-46.
12. Ильин, В.А. Научно-технический потенциал региона: проект долгосрочной программы развития / В.А. Ильин, К.А. Задумкин, И.А. Кондаков. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. - 168 с.
13. Киселев С.В. Инновационная деятельность в экономической системе здравоохранения. М.:Экономздрав, 2007. - 203 с.
14. Кузьбожев Э.Н., Сухорукова О.А., Михайлова А.Н. Исследование потенциала региона методами диагностики // Известия Юго-Западного государственного университета. 2009. № 4. С. 111-120.
15. Кураков А.И. Повышение эффективности функционирования региональной экономики / А.И. Кураков // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. С. 421-424.
16. Макарова, П.А. Статистическая оценка инновационного развития / П.А. Макарова, Н.А. Флуд // Вопросы статистики. 2008. - №2. - С. 15-30.
17. Мифтахова М.Э. Оценка устойчивости региональной социально-экономической системы // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2010. Т. 16. № 2. С. 39-42.
18. Муравьев А.А. Идентификация региональной экономики лесной промышленности и анализ методов ее исследования // Вестник экономической интеграции. 2007. № 2. С. 71-74.
19. Разумовский В.М. Современные проблемы регионалистики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. №4. С. 125-130.
20. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. -М.: 2009.
21. Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Муzychuk С.Ю., Муzychuk Р.И. Принципы, методы и модели прогнозирования и исследования развития региональных ТЭК // Энергетическая политика. 2011. № 4. С. 30-42.
22. Смирнов В. Региональное развитие эффективное социально-экономическое развитие региона: оценка и обеспечение // Проблемы теории и практики управления, 2008. №9. - с. 15-23.
23. Старикова С.С. Методы исследований в региональной экономике // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2009. № 5. С. 51-57.
24. Теребова, С.В. Активизация инновационного процесса в регионе / С.В. Теребова, Е.С. Губанова. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. - 179 с.
25. Фаминский И.П. Национальная экономика в условиях глобализации.- М. «Магистр», 2007
26. Федерации на период до 2020 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) // СПС «Консультант Плюс». 2012.
27. Хитчнер Джеймс Р. Три подхода к оценке стоимости бизнеса / Под научной ред. В.М. Рутгайзера М.: Маросейка, 2008. - 304с.
28. Юшкова Н.Г. Алгоритмы управления градостроительными процессами // Вестник гражданских инженеров. СПбГАСУ. - 2010. - Вып. 3 (24).-С. 30-35.

Список ближайших защит диссертаций на соискание степени кандидата и доктора наук в диссертационных советах Казанского (Приволжского) федерального университета

Дата защиты	ФИО автора, Название темы диссертации	Шифр научной специальности	Шифр диссертационного совета
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
16.10.2014	ШАРАФУТДИНОВ ДЕНИС РАДИЕВИЧ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА	07.00.09	Δ 212.081.01
18.12.2014	ШАМСУТДИНОВ ДИНАР ЗАГИТОВИЧ ТАТАРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА ТАССР В КОНЦЕ 1950-Х - 1970-Е ГГ.	07.00.02	Δ 212.081.01
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
29.12.2014	ЗВЯГИНЦЕВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА ИНАКОВОСТЬ И ЕЕ ГРАНИЦЫ: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДРУГОГО	09.00.11	Δ 212.081.16
29.12.2014	СМИРНОВА ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА УТОПИЯ КАК ФОРМА ВОЗВРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА СОЦИАЛЬНОМУ БЫТИЮ	09.00.11	Δ 212.081.16
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
19.11.2014	КУЛИГИН АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ НА ФОНЕ ГРЕЧЕСКОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА ПИСАНИЯ	10.02.20	Δ 212.081.05
19.11.2014	КАДЫРОВА ЛУИЗА БАСИРОВНА СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПОЛЯ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	10.02.20	Δ 212.081.05
19.11.2014	НИКИТИНА АЛЕНА ЮРЬЕВНА ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ	10.02.01	Δ 212.081.05
27.11.2014	ЮЗМУХАМЕТОВА ЛАНДЫШ НУРГАЙНОВНА ПОСТМОДЕРНИЗМ В ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ: ДИАЛОГ С ЗАПАДНЫМИ И ВОСТОЧНЫМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ТРАДИЦИЯМИ	10.02.01; 10.02.08	Δ 212.081.12
27.11.2014	САФИНА ГУЛЬНАРА ФАРИДОВНА ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА В ПЕРЕВОДАХ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА	10.02.02; 10.02.08	Δ 212.081.12
27.11.2014	ИБРАГИМОВА ЛЕЙСАН ГАЛИАХМАТОВНА МОДЕРНИЗМ В ТАТАРСКОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЕ 1900 - 1920-Х ГГ.: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ	10.02.02; 10.02.08	Δ 212.081.12
25.12.2014	МУБАРАКЗЯНОВА АЛИЯ ЗАГИРОВНА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГАЯЗА ИСХАКИ: ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	10.01.10	Δ 212.081.14
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
30.10.2014	ЛЕВИНА МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ	12.00.01	Δ 212.081.26
30.10.2014	ШАХНАЗАРЯН ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	12.00.01	Δ 212.081.26

31.10.2014	ЧИКУЛАЕВ РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ СИСТЕМА И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	12.00.03	Δ 212.081.26
31.10.2014	ЛУКАШЕВИЧ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА СИСТЕМА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	12.00.03	Δ 212.081.26
27.11.2014	ЭБРАЛИДЗЕ ЛЮБОВЬ ДЖУМБЕРОВНА АФФИЛИРОВАННЫЕ ЛИЦА КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ И ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	12.00.03	Δ 212.081.26
27.11.2014	АХМАДЕЕВА НАИЛЯ НАФИСОВНА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПРЕ-КРАЩЕНИЯ ПРАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ	12.00.03	Δ 212.081.26
28.11.2014	МАРЧЕНКО АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОГО ГОСПОДСТВА 1933 - 1939 ГГ.	12.00.01	Δ 212.081.26
28.11.2014	МУРТАЗИНА РЕГИНА РАФАНОВНА КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	12.00.02	Δ 212.081.26
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
18.11.2014	МОРОЗОВА ИЛОНА ГЕННАДЬЕВНА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	13.00.01	Δ 212.081.02
18.11.2014	КУЗИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ИНТЕГРАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	13.00.01	Δ 212.081.02
16.12.2014	ВАФИНА ДИЛЯРА ИЛЬДУСОВНА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В США	13.00.01	Δ 212.081.02
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
19.12.2014	АРТИЩЕВА ЛИРА ВЛАДИМИРОВНА ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ ЛИЧНОСТИ	19.00.01	Δ 212.081.22
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ (ДОКТОРСКАЯ)			
25.10.2014	ШЕВКО НАИЛЯ РАШИДОВНА РАЗВИТИЕ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ	08.00.01	Δ 212.081.29
20.12.2014	АБДУЛГАНИЕВ ФАРИД СУЛТАНОВИЧ ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ	08.00.01	Δ 212.081.29

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
11.10.2014	ГАЛИЕВА ГУЗЕЛЬ ТАГИРОВНА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЫ В ПРЕМИАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ	08.00.05	Δ 212.081.29
11.10.2014	ЗАППАРОВА ЗУЛЬФИРА НУРЕТДИНОВНА ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	08.00.01	Δ 212.081.29
25.10.2014	МУБАРАКОВ ИЛЬНУР АЙДАРОВИЧ ФОРМИРОВАНИЕ СПРОСА НА ИННОВАЦИОННУЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКУЮ ПРОДУКЦИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	08.00.05	Δ 212.081.29
15.11.2014	КЛЮЕВА АННА ПЕТРОВНА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	08.00.01	Δ 212.081.29
15.11.2014	АНТОНЧЕНКО НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЕ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ЭТАПА ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА	08.00.05	Δ 212.081.29
29.11.2014	КУЛАЛАЕВА ИННА ВАСИЛЬЕВНА ДИНАМИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ СТОИМОСТИ БИВАЛЮТНОЙ КОРЗИНЫ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	08.00.01; 08.00.10	Δ 212.081.29
29.11.2014	ЗЕЛЕНЕВ АНТОН ЮРЬЕВИЧ ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ	08.00.01; 08.00.10	Δ 212.081.29
27.12.2014	НИКИФОРОВА ЭЛЬВИРА ГУМАРОВНА КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ	08.00.05	Δ 212.081.27
27.12.2014	МЫЗРОВА КСЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МЕНЕДЖМЕНТА НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ	08.00.05	Δ 212.081.27
27.12.2014	ТУГАНОВА ЭЛИНА АЙРАТОВНА РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МЕДИАИНДУСТРИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	08.00.05	Δ 212.081.27

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Редакционным советом журнала «КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК» принимаются к рассмотрению только оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся статьи на русском и английском языках.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. Редакционный совет принимает решение о публикации статьи на основании двух рецензий, подготовленных специалистами в данной предметной области, имеющими ученую степень. Редакционный совет оставляет за собой право отклонить статью или вернуть её на доработку.

Принадлежность и объем авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации. Допускается распространение по электронным сетям любых статей журнала или выдержек из них, но при таком распространении обязательна ссылка на первоисточник. Запрещается издание материалов журнала третьими лицами или организациями на бумажных и твердых электронных носителях без разрешения редакционного совета.

Общие требования к статьям:

Для рассмотрения Вашей статьи редакционной коллегией журнала, Вам необходимо выслать в адрес ред.коллегии следующие материалы:

Рекомендация кафедры или ученого совета, или доктора наук в данной области наук;

Регистрационную форму;

Публикуемую статью (электронная версия предоставляется на русском или английском языках), подготовленную в соответствии с правилами оформления статей в электронном виде;

Заявление с подписями автора(ов) о том, что статья не публиковалась ранее и не подана для публикации в другие издания;

Разрешение на обработку редакцией персональных данных автора.

Перечисленные документы должны быть переданы в редакцию по электронному адресу: mail@kazanvestnik.ru (по этому же адресу будет осуществляться переписка с редакцией). Телефон редакции: +7 (843) 258-97-00.

Статьи, не удовлетворяющие требованиям к оформлению, к публикации не принимаются и возвращаются авторам на доработку без их рассмотрения по существу.

THE ARTICLE SUBMISSION

The editorial board of "The Socio-Humanitarian Bulletin" examines only original articles in Russian or English. The article must be new and never published before.

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
ОСЕНЬ 2014 (12)

Подписано в печать 21.09.2014
Формат 70 x 108 1/16
13 усл.печ.л. Тираж 900 экз.

Казанский Издательский Дом
www.kazanvestnik.ru
тел. (843) 258-97-00
факс: (843) 238-30-93

Отпечатано в ООО «Казанский Издательский Дом»